Цена отдельного номера в Москве, в провинции и на ст. жел. дор. 5 копеек.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Всесоюзная Коммунистическая Партия (больш.)

ПРАВДА

Орган Центральн. Ком. и Московск. Ком. В. К. П.(б).

РЕДАКЦИЯ: Москва, 9, Тверская, 48. Тел. адрес „ПРАВДА".

ТЕЛЕФОНЫ: Телефонограммы . 4-06-00 | Секретариат . . . 5-54-14 | Иностран. отд. . 2-71-64 | По Союзн. Респ. . 3-91-01 | Отд. хроники . . 5-80-31 | Парт. жизнь . . . 5-57-34 | Рабочая жизнь . . 4-16-28 | Деревня . . . . . 4-06-29 | Военный отдел . . 4-06-27 | Почт. ред. . . . 3-63-09

Рукописи не возвращаются.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА: Москва-центр, М. Черкасский пер., д. 3/4. Телеграфный адрес – ИЗДАТПРАВДА.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: На 12 мес. 10 р. — к. | На 6 мес. 5 р. 35 к. [illegible] ЗА ГРАНИЦУ: 1 год — 18 долл., 1 мес. — 1,5 долл.; для стран, с которыми [illegible] на 12 мес.—12 долл., 1 мес.—1 долл. Заказы выполняются только по получении денег. Подписка в рассрочку [illegible] Подписка принимается: в Гл. К-ре Изд. „Правда" и „Беднота" (Москва-центр, М. Черкасский пер., д. 3/4), в отделениях „Правды" и во всех поч. конторах.

ЦЕНА НА ОБ'ЯВЛЕНИЯ: Строка нонпарели позади текста—2 р., посреди—4 р. 50 к. Сверх тарифа, согласно постан. СНК от 11 апреля и 6 июня 1924 г., взим. 10% налога. При многократном печатании—скидка по соглашению. ОБ'ЯВЛЕНИЯ ПРИНИМАЮТСЯ Главной Конторой Издательства „ПРАВДА" – Мал. Черкасский пер., 3/4

ТЕЛЕФОНЫ: Городск. отдела 2-90-22, 2-89-24. Отдела подписки . . . 3-97-89. Отдела об'явлений . . 2-53-77. Бухгалтерии . . . . . 2-89-28. Отдела распространения 2-27-12.

С жалобами на недост. газет в Москве звонить 2-90-22 и 2-89-24.

№ 17 (3549). Пятница, 21 января 1927 г. ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА № 17 (3549).

21 января (1924—27 гг.).

Великий вождь великого класса Владимир Ильич Ленин сумел предвидеть с поразительной точностью направление, в котором развивается современное человечество. В величайшей пестроте и многоцветности событий, сложнейшем переплете напряженной борьбы классов и партий, в хаосе войн и революционных потрясений он «открыл» непреложные закономерности дальнейшего движения вперед, могучими и яркими штрихами начертал пути международной пролетарской революции. Гений Ленина заключается не только в том, что он указал на **общие тенденции** развития, но и в том, что он охарактеризовал их с предельной степенью **конкретности**, мыслимой для общественной науки, изумительным и непревзойденным мастером которой Ленин был. Вот почему невольно кажется, будто таинственная книга Мировых Судеб была раскрыта перед проникновенным взором гениального вождя, вот почему каждый год, месяц, каждый шаг мировой истории целиком подтверждает прогнозы Ленина и является ни с чем несравнимым **идейным триумфом ленинизма.**

Мир вступил в полосу **катастроф.** Он подошел к великому перевалу от капитализма к социализму. Современная эпоха есть эпоха войн и революций. В буйном марше миллионов грядет социалистическое освобождение. Эта ленинская оценка эпохи оправдывается целиком. Все бесспорнее и очевиднее становится тот факт, что современный капитализм загнивает, проходит последний, «туберкулезный» этап своего существования. Все острее и болезненнее дает себя чувствовать неравномерность капиталистического развития: частично подымаются одни страны, но другие падают на дно. Все причудливее и несуразнее делаются зигзаги кон'юнктур. Все труднее становится лавировать между Сциллой недостаточного рынка и Харибдой безработицы. Все большая неуверенность в завтрашнем дне. В кровавых оргиях полицейщины, в фашистских переворотах все отчетливее слышится страх перед неотвратимым часом революционной расплаты.

В порах послевоенного империализма зреет новая империалистическая бойня. «Режим» империализма немыслим без режима войн, без постоянных разделов и «переделов» мира. Уже теперь, когда едва-едва залечены раны, нанесенные истреблением 1914—18 гг., опять загулял жуткий призрак новых вооруженных конфликтов. Больше, чем когда-либо, надо вспомнить теперь о ленинском пророчестве новой еще более ужасной войны. То и дело вспыхивают зловещие, ядовитые угольки то в Албании, то в Литве, то под Шанхаем. Помни о военной опасности, следи за происками империалистов против страны рабочих и крестьян!—это предупреждение Ленина еще тверже должны запомнить революционные пролетарии всего света.

Жалка и смехотворна попытка социал-оппортунистов отрицать факт развивающейся мировой революции. На деле процесс мировой революции развивается своими сложными, вскрытыми Лениным законами; он образует собой целую эпоху человеческой истории. Только подслеповатым кретинам австро-марксизма угодно изображать мировую революцию как некий трюк, по мановению мистического жезла совершаемый одновременно и моментально во всех странах мира. На деле мировая революция развивается так же сложно и неравномерно, как сложно и неравномерно разваливается капиталистический мир. Еще до Ленина великие отцы научного социализма писали, что процесс всемирной «экспроприации экспроприаторов» должен растянуться на десятилетия.

Несмотря на частичную «стабилизацию», почва земного шара минирована силами революции, мир содрогается в конвульсиях классовой борьбы, в грандиозных стачках, брожение угнетенных масс не прекращается, а усиливается, позиции международного пролетарского социализма не слабеют, а крепнут, боевой опыт масс неуклонно растет. Накопляются силы революции, совершенствуется их организация. Усилиями Коммунистического Интернационала ленинизм все шире и шире распространяется в массах.

С замечательной прозорливостью Ленин говорил о неизбежном пробуждении **Востока** и открывающихся, в связи с этим, революционных перспективах. То, что для Ильича было научным предвидением, стало теперь **центральным фактом мировой политики.** Становится **уже фактом,** что бо́льшая и притом наиболее угнетенная часть населения нашей планеты движется по революционному пути. Современный империализм оказывается не в силах разбить новую «Великую китайскую стену». Угнетаемый и порабощенный веками кули стряхивает с себя прах тысячелетий, преобразовываясь на наших глазах в атлета-исполина, бросающего боевой вызов всей империалистической олигархии. В грозе и молниях охватившего Китай небывалого социального тайфуна с ослепительной яркостью горит всемирная правда ленинского учения.

По пути, начертанному Лениным, идут труженики СССР. Окруженные классовыми врагами, но и ободряемые сочувствием и поддержкой угнетенных всех стран, строят рабочие СССР социализм. Немало славных побед они одержали со времени смерти вождя; перешагнули за довоенные черты, приступили к индустриализации, построили Волховстрой, дали мощный толчок кооперативному строительству, сохранили и укрепили союз с крестьянством. И с каждым годом, с каждым месяцем СССР—страна строящегося социализма—становится все более грозным очагом и ведущим началом мировой революции.

На всех парах мчится мир навстречу своей судьбе, гениально раскрытой Лениным. Навстречу гигантским мировым потрясениям! Навстречу великим и жестоким битвам классов! Навстречу славным революционным штурмам! Навстречу гибели капитализма и торжеству социализма! Навстречу бурям, в которых расцветет заря мировой пролетарской победы!

Ка переломе веков.

(Памяти Владимира Ильича).

Вереница лет, идущих со времени Октябрьской революции, отличается особой глубиной содержания, потому что эти годы знаменуют великий перелом в событиях мировой истории. До нашего Красного Октября шла **своя** цепь лет и десятилетий. Звенья этой цепи связывались своеобразной однородностью сравнительно плавного, эволюционного доктябрьского исторического процесса. Его историческое «завтра» отличалось от его «сегодня» не столько качественной, сколько количественной стороной. Суть мировой обстановки этого длительного эволюционного процесса заключалась в том, что все «цветы» капиталистической культуры, все ее относительные блага жизни выпадали на долю небольшой группы лиц, расположенных на верхах насильнической общественной пирамиды, а широкие низы, трудовые низы этой гигантской пирамиды должны были нести на своих плечах колоссальный гнет сложившегося веками эксплоататорского общественного механизма.

«Так было, так будет»,—такова была излюбленная формула разнообразных блюстителей доктябрьского мирового режима. Красное октябрьское звено явилось Рубиконом, за которым пошла новая цепь лет и событий. **«Так было, но так не будет»,**—вот формула, характеризующая наступившую эпоху перелома в соотношении борющихся сил, решающих исходом своей борьбы исторические судьбы.

Каждый новый день ясно говорит нам, что впредь до последнего решительного боя трудовых низов мировой общественной капиталистической пирамиды с ее насильническими верхами не может быть ни компромисса, ни успокоения. Наступила полоса бурь и натиска. Миллионы глаз с тревогой всматриваются в будущее, определенно зная, что грядущий день не будет походить на дни настоящего и прошлого. В неслыханных муках рождается новый мир, не знающий прежних вековых противоречий, мир освобожденного от капиталистических цепей труда. Великие переломные годы мировой истории, годы, столь неразрывно сплетенные с колоссальным образом Ленина, провозвестника, победоносного вождя и основоположника мирового Красного Октября!

Красная Москва становится все более и более пунктом концентрации мировых отрядов сознательного пролетариата. Но не дремлет и капиталистический мир, углубляя свою коварную конспирационную работу, перенося центр этой антипролетарской конспирации неустанно из одной столицы зарубежного Запада в другую. Политический горизонт над республикой Советов [illegible]ми, угрожающими новыми военными громами. Слабовольное мировое мещанство в предчувствии новых битв позорно мечется в поисках всякого идеологического отрепья, которое хоть сколько-нибудь могло бы прикрыть наготу его отступничества от прямых исторических путей. А филистеры и прислужники капиталистических насильников напрягают величайшие усилия, чтобы грязной клеветой исказить, извратить и затемнить в сознании народных масс ту великую просветительную и освободительную работу, которую творит московская ленинская концентрация пролетарских сил.

В свое время о муках рождения нового мира «ассоциированных производителей» говорил Карл Маркс. Не раз останавливался на этой теме и В. И., с такой болью и с такой проникновенностью ощущавший все «мучительные трудности» революционного пролетарского творчества. Истекшие со времени кончины В. И. три года, столь же глубокие по своему содержанию, как и все их послеоктябрьские предшественники, вместе с тем явились для нас годами особых испытаний. В горниле этих трудных лет столько раз и в столь разнообразных направлениях должны были мы испытать на самих себе всю глубину тех трудностей, о которых предупреждал В. И. и которые являются неизбежными спутниками великого перелома. На этот раз их приходилось испытывать уже без той непосредственной гениальной защиты, которую так мощно в свое время оказывал нам В. И. Заветные могилы у стен Красного Кремля свидетельствуют всему миру о громадной цене этих испытаний. Трудные годы на переломе веков...

Сколько раз специфические трудности этого истекшего трехлетия заставляли всех нас мысленно обращаться к любимому образу В. И., давая нам болезненно почувствовать, как много потеряли мы с его уходом. И всякий раз при этом невольно вспоминались вещие слова Ф. Энгельса в его письме от 14-го марта 1883 г., оповещавшем о смерти К. Маркса. В них говорится почти максимум того, что можно сказать в коротких словах и о смерти Владимира Ильича.

Вот эти немногие строки:

«Как много значил для нас этот человек теоретически и во все решительные моменты также и практически, об этом может судить только тот, кто постоянно был вместе с ним. Его великие прозрения будущего на долгие годы вместе с ним сойдут со сцены. Это такие вещи, до которых мы, простые смертные, не доросли. Движение пойдет своим путем, но будет чувствоваться отсутствие спокойного своевременного, обдуманного вмешательства, которое до сих пор избавляло его от долгого ложного пути».

Движение пойдет своим путем... Однако, на примере той самой социал-демократии, у колыбели которой некогда стояли Маркс и Энгельс, мы видим, какие зигзаги временами выявляет это движение. Мы видели, как бестрепетная рука Ленина своевременно вырвала знамя Маркса и Энгельса у его неверных социал-демократических носителей и как быстро эта партия, бывшая долгие годы пролетарским авангардом, скатилась в болото жалкого прислужничества капитализму.

Ленинизм есть прежде всего величайший враг всякого фаталистического восприятия действительности. Вспомните, как доставалось молодому Ленину в свое время от всякого рода «экономистов» за его дерзновенные заявления о необходимости пропитывать самое сознание пролетарских масс социалистическим содержанием. Вспомните, какой великолепный вызов враждебному миру, вызов, проникнутый величайшей активностью революционера, звучал в знаменитой тираде В. И., в которой он говорил об узкой тропинке над пропастью и о болоте, со всех сторон окружающем пролетарский авангард, работники которого идут рука об руку навстречу величайшим испытаниям грядущих битв. Движение пойдет своим путем... Но со смертью Ленина мы лишились наиболее могущественной гарантии в экономии борющихся сил.

Беспримерная глубина научной мысли и беспримерная смелость революционного дерзания,—разве не эта формула сближает в нашем сознании столь различные в своей многогранности типы, какими являются Маркс и Ленин?

Что бы ни готовил нам грядущий день, несомненно одно,—**каждый прожитый год** послеоктябрьского периода **все с бо́льшей и бо́льшей ускоряющей силой** приближает мировую борьбу пролетариата к трагическим решающим событиям, **к решающей** развязке. Маркс, первый великий глашатай временности антагонистического процесса производства, расшифровавший тайники классовых антагонизмов в наддменно-целостной внешности капиталистической производственной фазы, имел право, уходя в свой рабочий кабинет, говорить окружающим, что он идет **«работать для мира».**

Сверлящая ленинская мысль и пламенная страсть революционера дали Владимиру Ильичу возможность того пророческого предвидения переломной эпохи в судьбах пролетарской революции, которое такой красной нитью проходит через всю жизнь В. И. и пронизывает всю толщу его литературных работ, придавая и этой жизни и этим работам своеобразную, целостную и колоссальную значительность. И сколько бы ни пытались грядущие поколения в бесчисленных памятниках закрепить монументальность ленинской жизни и ленинского творчества, этим памятникам никогда не дорасти и не заменить живого Ленина.

Рост и углубление революционной пролетарской борьбы во всем мире все с бо́льшей и бо́льшей настойчивостью, все с бо́льшей страстностью исканий будет обращать сознание миллионов людей все к тому же исполинскому ленинскому образу, стоящему на грани веков. И можно сказать с глубочайшей убежденностью, что **Ленину нет и не может быть персональной замены.** Этому препятствует сам быстро-стремительный поток времени и событий, ведущих начало от нашего Красного Октября. Поток этих событий имеет другие целевые задания, чем та вереница лет, которая была предшественницей Октября. Тогда первоначальные групповые организации, сравнительно небольшие горстки людей и отдельные великие люди были носителями и воплотителями революционного творчества, долженствовавшего обеспечить грядущую решительную победу пролетариата. Теперь в нашем распоряжении имеется уже налицо вся та революционная теория ленинизма, которая выкована и отделана до необходимых деталей и которая уже сама по себе является всесокрушающей исторической силой, раз она делается достоянием масс. Теперь целевой исторической установкой являются уже не лица и не группы, даже не отдельные народности и народы, а широчайшие трудовые массы мира. И пламенная мысль Ленина найдет себе надлежащий исторический эквивалент только в растущем сознании этих миллионов революционных борцов мирового пролетариата.

Редеют ряды старой большевистской гвардии. Под печальные салюты кремлевских орудий один за другим располагаются у мавзолея Ленина его верные красные маршалы. И там же неподалеку заснул вечным сном честный друг Советского Союза американец Джон Рид. Тот самый, который рассказал миру в необыкновенно правдивой и художественной форме о десяти днях Октябрьского переворота, «о десяти днях, потрясших мир».

А вот уже не десять дней, а целых десять лет минуют в недалеком будущем со времени Красного Октября. Те дни потрясали мир, а эти годы, что делают они? Они с несокрушимой властностью отсекают бесповоротно, навеки все темное, все гнилое, все корыстно-насильническое в истории человечества. Эти десять лет уже сами по себе являются такими же величайшими достижениями мировой истории, как ими в свое время, по свидетельству В. И., в военной летописи мира являлись дела и факты периода военной обороны коммунаров Советского Союза.

От этих десяти лет **исторической нормой может быть лишь победоносное движение вперед,** а всякое отступление, всякая заминка на этом пути может быть лишь временным, преходящим зигзагом... В этой **бесповоротной** мировой установке величайшая заслуга Ленина и его соратников. В ней все величие переживаемых событий, и отсюда та спокойная уверенность, с которой мы всматриваемся в даль грядущего.

Г. КРЖИЖАНОВСКИЙ.

Уже идут под знаменем Ленина миллионы угнетенных Запада. Крепнет оплот рабочей диктатуры, родина Советов, страна пролетариев и крестьян, страна великой пролетарской партии, детище Ленина. Бушует революционный Восток, подымающий миллионные массы против поработителей. В траурный день печали о вожде пусть громче зазвучит призыв к великой борьбе, к великим победам!

Предисловие к брошюре Н. Бухарина: „Мировое хозяйство и империализм".

Тов. Бухарин в своем предисловии к брошюре «Мировое хозяйство и империализм» пишет:

«В свое время, около двух лет тому назад, рукопись (брошюры) была отправлена из-за границы в Россию и, подвергшись предварительно набегу военной цензуры, по ошибке попала в другое издательство. После Февральско-мартовской революции она «нашлась». В июльские дни она должна была увидеть свет, но контрразведчики и юнкера, разгромившие нашу партийную типографию, позаботились и о моей рукописи. В обезображенном виде ее удалось выручить много времени спустя, но при этом пропало большое и чрезвычайно ценное предисловие товарища Ленина, которому я приношу здесь глубокую благодарность».

Вл. Ильич, придавая, видимо, большое значение своему предисловию к названной выше брошюре, написанному в декабре 1915 года, снял с него для себя собственноручно копию, которая сохранилась в бумагах Вл. Ильича и в настоящее время впервые публикуется институтом.

Вся рукопись написана в столь характерных для Вл. Ильича многочисленных сокращениях. Для удобочитаемости текст дается здесь без квадратных скобок.

Рукопись представляет собою 6 страничек (3 полулиста) убористого, мелкого текста. На 4-й странице поверх текста имеются цифровые исчисления карандашом, повидимому, о количестве букв рукописи.

Наверху рукописи имеются карандашные пометки Вл. Ильича: «КОПИЯ» и «NB».

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА.

Важность и злободневность этой темы, которой посвящена работа Н. И. Бухарина, не требует особых пояснений. Вопрос об империализме не только один из самых существенных, но можно сказать: самый существенный вопрос в той области экономической науки, которая разрабатывает изменение форм капитализма в новейшее время. Знакомство с фактами, которые сюда относятся и которые так богато подобраны автором на основании последних материалов, безусловно необходимо для всякого интересующегося не одной экономией, а любой сферой современной общественной жизни. Само собою разумеется, что о конкретно-исторической оценке теперешней войны не может быть и речи, если в основу этой оценки не положено полное выяснение сущности империализма как с его экономической стороны, так и с политической. Иначе нельзя подойти к пониманию экономической и дипломатической позиции последних 10-летий, а без этого смешно и говорить о выработке правильного взгляда на войну. С точки зрения марксизма, который особенно рельефно выражает в этом вопросе требования современной науки вообще, может вызвать лишь улыбку «научное» значение таких приемов, когда под конкретно-исторической оценкой войны разумеют выхватывание отдельных, приятных или удобных для господствующих классов одной страны, фактиков из дипломатических «документов», из политических событий дня и т. п. Г. Плеханов, например, должен был совершенно распрощаться с марксизмом, чтобы заменить анализ основных свойств и тенденций империализма, как системы экономических отношений новейшего высокоразвитого, зрелого и перезрелого капитализма, вылавливанием пары таких фактиков, которые приятны Пуришкевичам вкупе с Милюковым. При этом научное понятие империализма низводится на степень какого-то бранного выражения по адресу непосредственных конкурентов, соперников и противников двух только что названных империалистов, стоящих на совершенно однородной классовой почве с своими соперниками и противниками! В наше время забытых слов, растерянных принципов, опрокинутых миросозерцаний, отодвинутых прочь резолюций и торжественных обещаний удивляться этому не приходится.

Научное значение работы Н. И. Бухарина состоит особенно в том, что он рассматривает основные факты мирового хозяйства, касающиеся империализма, как целого, как определенной ступени развития наиболее высоко развитого капитализма. Была эпоха сравнительно «мирного» капитализма, когда он вполне победил феодализм в передовых странах Европы и мог развиваться наиболее—СРАВНИТЕЛЬНО—спокойно и плавно, «мирно» расширяясь на громадные еще области незанятых земель и невтянутых окончательно в капиталистический водоворот стран. Конечно, и в эту эпоху, приблизительно отмечаемую годами 1871—1914, «мирный» капитализм создавал условия жизни, весьма и весьма далекие от настоящего «мира» как в военном, так и в общеклассовом смысле. Для $^{9}/_{10}$ населения передовых стран, для сотен миллионов населения колоний и отсталых стран эта эпоха была не «миром», а гнетом, мучением, ужасом, который был, пожалуй, тем ужаснее, что казался «ужасом без конца». Эта эпоха миновала безвозвратно, она заменилась эпохой сравнительно более порывистой, скачкообразной, катастрофичной, конфликтной, когда для массы населения типичным становится не столько «ужас без конца», сколько «конец с ужасом».

Чрезвычайно важно при этом иметь в виду, что смена эта произведена не чем иным, как непосредственным развитием, расширением, продолжением самых глубоких и коренных тенденций капитализма и товарного производства вообще. Рост обмена, рост крупного производства—вот эти основные тенденции, наблюдаемые в течение столетий абсолютно во всем мире. И на известной ступени развития обмена, на известной ступени роста крупного производства, именно на той ступени, которая достигнута приблизительно на грани XIX и XX веков, обмен создал такую интернационализацию хозяйственных отношений и интернационализацию капитала, крупное производство стало настолько крупным, что свободную конкуренцию стала сменять монополия. Типичными стали уже не «свободно» конкурирующие внутри страны и В ОТНОШЕНИЯХ МЕЖДУ СТРАНАМИ предприятия, а монополистические союзы предпринимателей, тресты. Типичным «владыкой» мира стал уже финансовый капитал, который особенно подвижен и гибок, особенно переплетен, внутри страны и интернационально, особенно безличен и оторван от непосредственного производства, особенно легко концентрируется и особенно далеко уже сконцентрирован, так что буквально несколько сот миллиардеров и миллионеров держат в руках судьбы всего мира.

Рассуждая АБСТРАКТНО—теоретически, можно притти к выводу, к которому и пришел—несколько по иному, не тоже распрощавшийся с марксизмом,—Каутский, именно: что не очень далеко уже и всемирное об'единение этих магнатов капитала в единый всемирный трест, заменяющий соревнование и борьбу государственно-обособленных финансовых капиталов интернационально-об'единенным финансовым капиталом. Такой вывод, однако, столь же абстрактен, упрощен, неправилен, как аналогичный вывод наших «струвистов» и «экономистов» 90-х гг. прошлого века, когда они из прогрессивности капитализма, из его неизбежности, из его окончательной победы в России делали заключения то апологетические (преклонение перед капитализмом, примирение с ним, славословие вместо борьбы), то аполитические (т.-е. отрицающие политику или отрицающие важность политики, вероятность общеполитических потрясений и т. п.: ошибка специальных «экономистов»), то даже прямо «стачкистские» («всеобщая стачка», как апофеоз стачечного движения, доведенный до забвения или игнорирования других форм движения и «прыгающий» прямиком от капитализма к чисто-стачечному, только стачечному его преодолению). Есть признаки, что и теперь неоспоримый факт прогрессивности капитализма по сравнению с полумещанским «раем» свободной конкуренции, неизбежности империализма и окончательной победы его в передовых странах мира над «мирным» капитализмом способен привести к столь же многочисленным и разнообразным политическим и аполитическим ошибкам и злоключениям.

В частности, у Каутского его явный разрыв с марксизмом принял форму не отрицания или забвения политики, не «прыжка ЧЕРЕЗ многочисленные и разнообразные, особенно в империалистскую эпоху, политические конфликты, потрясения и преобразования, не апологетики империализма, а МЕЧТАНИЯ О «МИРНОМ» КАПИТАЛИЗМЕ. «Мирный» капитализм сменен немирным, воинственным, катастрофичным империализмом, это Каутский вынужден признать, ибо он признавал это уже в 1909 г. в особом сочинении [1]), в котором он последний раз выступал с цельными выводами, как марксист. Но, если нельзя попросту, прямо, грубовато помечтать о возврате от империализма назад, к «мирному» капитализму, то нельзя ли тем же в сущности мелкобуржуазным мечтам придать форму невинных размышлений о «МИРНОМ» «ультраимпериализме»? Если назвать ультраимпериализмом интернациональное об'единение национальных (вернее: государственно-обособленных) империализмов, которое «могло бы» устранить особенно неприятные, особенно тревожные и беспокойные для мелкого буржуа конфликты в роде войн, политических потрясений и т. п., то отчего бы тогда не отмахнуться от теперешней, наступившей, наличной, сугубо-конфликтной и катастрофичной эпохи империализма невинными мечтаниями о сравнительно мирном, сравнительно бесконфликтном, сравнительно некатастрофичном «ультраимпериализме» и нельзя ли отмахнуться от «резких» задач, которые ставит и уже поставила наступившая для Европы эпоха империализма, посредством мечтаний о том, что может быть эта эпоха скоро пройдет и что может быть мыслима еще вслед за ней сравнительно «мирная», не требующая «резкой» тактики, эпоха «ультраимпериализма»? Каутский именно так и говорит, что «подобная (ультраимпериалистская) новая фаза капитализма во всяком случае теоретически мыслима», а «осуществима ли она, для решения этого нет еще достаточных предпосылок» («Neue Zeit»—30. IV. 1915, с. 144) [2]).

Марксизма в этом стремлении отмахнуться от наступившего империализма и уйти мечтой в неизвестное, осуществим ли «ультраимпериализм», нет и грана. Марксизм в этом построении признается для той «новой фазы капитализма», за ОСУЩЕСТВИМОСТЬ которой сам ее сочинитель не ручается, а для теперешней, уже наступившей, фазы вместо марксизма подается мелко-буржуазное и глубоко-реакционное стремление притупить противоречия. Каутский ОБЕЩАЛ быть марксистом в грядущую, острую и катастрофичную эпоху, которую он вынужден был предвидеть и признать вполне определенно, когда писал свое сочинение 1909 года об этой грядущей эпохе. Теперь, когда стало уже абсолютно несомненным, что эта эпоха наступила, Каутский опять только ОБЕЩАЕТ быть марксистом в грядущую, неизвестно, осуществимую ли эпоху ультраимпериализма! Одним словом, сколько угодно обещаний быть марксистом в ДРУГУЮ эпоху, не теперь, не при настоящих условиях, не в данную эпоху! Марксизм в кредит, марксизм—посул, марксизм на завтра, мелко-буржуазная, оппортунистическая теория—И НЕ ТОЛЬКО ТЕОРИЯ—притупления противоречий на сегодня. Нечто в роде очень распространенного «по нонешним временам» интернационализма на вывоз, когда горячие—о, очень горячие!—интернационалисты и марксисты сочувствуют всякому проявлению интернационализма... в лагере противников, везде, только не у себя дома, только не у всех союзников; сочувствуют демократии... когда она остается обещанием «союзников»; сочувствуют «самоопределению наций», только НЕ тех, которые зависимы от нации, имеющей честь считать сочувствующего в числе лиц, к ней принадлежащих... Одним словом, одна из 1.001 разновидностей лицемерия.

Можно ли, однако, спорить против того, что абстрактно «мыслима» новая фаза капитализма после империализма, именно: ультраимпериализм? Нет. Абстрактно мыслить подобную фазу можно. Только на практике это значит становиться оппортунистом, отрицающим острые задачи современности во имя мечтаний о будущих неострых задачах. В теории это значит не опираться на идущее в действительности развитие, а предварительно ОТРЫВАТЬСЯ от него во имя этих мечтаний. Не подлежит сомнению, что развитие идет в НАПРАВЛЕНИИ к 1 единственному тресту всемирному, поглощающему все без исключения предприятия и все без исключения государства. Но развитие идет к этому при таких обстоятельствах, таким темпом, при таких противоречиях, конфликтах и потрясениях,—отнюдь, не только экономических, но и политических, национальных и пр. и пр.,—что непременно РАНЬШЕ, чем дело дойдет до одного всемирного треста, до «ультраимпериалистского» всемирного об'единения национальных финансовых капиталов, империализм неизбежно должен будет лопнуть, капитализм превратится в свою противоположность.

В. ИЛЬИН.

XII 19[illegible]

1) Особое сочинение" К. Каутского—это его брошюра: „Weg zur Macht" („Путь к власти" М., ГИЗ, 1919 г.)

2) Цитируемое место взято из статьи К. Каутского: „Zwei Schriften zum Umlernen" в № 5 „Die Neue Zeit" 1915 г.

Телеграммы В. И. Ленина.

Российская Федеративная Социалистическая Советская Республика
Председатель Совета Народных Комиссаров
Москва, Кремль
1-VII 1919
№

Симбирск
Реввоенсовету Востфронта
Копия Штарм 3

Поздравляю геройские красные войска, взявшие Пермь и Кунгур, горячий привет освободителям Урала. Во что бы то ни стало надо довести это дело быстро до полного конца. Крайне необходимо мобилизовать немедленно и поголовно рабочих освобождающихся уральских заводов, надо найти новые революционные способы через некоторых этих рабочих в войска [illegible]
Предсовнаркома Ленин

КУРСКОЙ Ч. К.

6.1.1919. КУРСК. ЧК.

КОПИЯ ГУБИСПОЛКОМУ.

НЕМЕДЛЕННО АРЕСТОВАТЬ К....., ЧЛЕНА КУРСКОГО ЦЕНТРОЗАКУПА, ЗА ТО, ЧТО ОН НЕ ПОМОГ 120 ГОЛОДАЮЩИМ РАБОЧИМ МОСКВЫ И ОТПУСТИЛ ИХ С ПУСТЫМИ РУКАМИ. ОПУБЛИКОВАТЬ В ГАЗЕТАХ И ЛИСТКАМИ, ДАБЫ ВСЕ РАБОТНИКИ ЦЕНТРОЗАКУПОВ И ПРОДОРГАНОВ ЗНАЛИ, ЧТО ЗА ФОРМАЛЬНОЕ И БЮРОКРАТИЧЕСКОЕ ОТНОШЕНИЕ К ДЕЛУ, ЗА НЕУМЕНИЕ ПОМОЧЬ ГОЛОДАЮЩИМ РАБОЧИМ, РЕПРЕССИЯ БУДЕТ СУРОВАЯ, ВПЛОТЬ ДО РАССТРЕЛА.

ПРЕДСОВНАРКОМА ЛЕНИН.

Маркс и Ленин в оценке буржуазной науки.

Давным-давно прошли те времена, когда революционный марксизм просто замалчивался профессорской наукой. Такая тактика, проводившаяся при жизни Маркса, стала невозможной еще в конце прошлого столетия. Прошли и те времена, когда можно было питать надежды, что червоточина ревизионизма и бернштейнианства медленно, но верно раз'ест сердцевину марксова учения, оставив от него безжизненную и безвредную для буржуазии внешнюю оболочку.

Марксизм более чем когда-либо приобретает для буржуазии грозный смысл, вырастает перед ней как осязаемая реальность.

Вот одно из характерных признаний на эту тему:

«Вместе с большевистской революцией это явление (речь идет о росте влияния марксизма. Е. П.) приобретает ужасающие размеры. Правительство страны, территория которой покрывает шестую часть земного шара, перешло в руки марксистов, радикализм которых никем не был превзойден. Мы присутствуем при попытке применения марксизма, попытке, полной захватывающего и трагического интереса». (Вотерс, Эволюция марксизма, стр. 12. 1924. Работа эта, кстати сказать, была увенчана Бельгийской Академией Наук).

Дело, стало быть, именно в том, что нельзя теперь говорить о марксизме, не говоря одновременно о большевистской революции, нельзя упоминать Маркса, не ставя рядом с ним имени Ленина. Вот почему учение Маркса вызывает к себе за последние годы столь усиленный интерес буржуазных теоретиков. Вот почему множатся книги, брошюры и журнальные статьи на тему: большевики и марксизм, Маркс и Ленин, диктатура пролетариата и советская система и т. д., и т. п.

В этом потоке литературы можно различить два основных направления. Одно из них ставит своей задачей доказать, что подлинный марксизм не имеет ничего общего с тем учением, которое развивал и проводил в жизнь Ленин, что ленинизм если и может быть признан марксизмом, то марксизмом искаженным, изобилующим всевозможными чуждыми идеологическими примесями. Такого рода установка характерна для всей меньшевистской, социал-демократической литературы.

Из произведений Кунова, Каутского и проч. эта точка зрения перекочевала в профессорские труды. Одна за другой выходят солидные диссертации [1]), в которых доказывается, что Маркс не считал насильственную революцию единственным средством осуществления социализма, что он отвергал тактику террора, что диктатуру пролетариата он представлял себе исключительно в форме демократической республики и что, наконец, условием перехода к социализму он считал «предварительное вызревание нового общества в недрах старого». «Доказав» эти тезисы, авторы ученых работ с торжеством заявляют, что ленинизм по всем перечисленным пунктам представляет собой вопиющее отступление от марксизма. Когда-то в профессорском мире было принято издеваться над «начетчиками»—марксистами, которые клянутся словами учителя и оперируют ворохом цитат. Теперь нужда заставила почтенную университетскую науку пуститься с азартом в поиски цитат из Маркса с целью превратить его в оппортуниста и реформиста. При этом, в виду шаткости позиции и ограниченности средств аргументации, все эти господа безнадежно повторяют друг друга, оперируя одной и той же парой вырванных из Маркса и Энгельса цитат и применяя одни и те же передержки. Достаточно просмотреть любое из этих ученых произведений, чтобы знать наверняка, что ты найдешь во всех других. Излюбленной и наиболее затасканной является, разумеется, цитата из амстердамской речи Маркса 1872 г., в которой допускается возможность мирного перехода к социализму в некоторых странах (Англия, Америка). Эта цитата, на которую давно уже ссылаются оппортунисты, буквально путешествует из одной диссертации в другую как главное средство «реабилитации» Маркса от обвинений в большевизме.

Исходя из положения, высказанного Марксом применительно к конкретным историческим условиям доимпериалистической эпохи, делаются самые широкие выводы относительно его взглядов на пути осуществления социализма вообще.

[1]) Маутнер, В. Большевизм, Его предпосылки (история), теория и одновременно исследование его отношения к марксизму. Берлин, 1922 г. Карл Диль. Диктатура пролетариата и советская система, 1924 г. Его же. Социализм, коммунизм и анархизм, 5 изд. 1923 г.

Другим произведением, на которое столь же часто и столь же охотно ссылаются буржуазные «марксоведы», является известное «Введение» Энгельса к «Классовой борьбе во Франции».

И здесь господа профессора не выдумали ничего оригинального. Они просто повторяют Бернштейна, который давно уже изображал это «Введение», как своего рода завещание, где Энгельс будто бы отрекся от революционного прошлого и выступил в качестве апостола легальности. Известно, что Бернштейн, делая подобные заявления, имел в своем архиве подлинный текст «Введения», из которого ЦК социал-демократии, опасаясь правительственных репрессий, выкинул все революционные места. Господа профессора продолжают ссылаться на урезанного Энгельса теперь, когда эти выброшенные места опубликованы на страницах «Архива», издаваемого т. Рязановым.

Для того, чтобы доказать, что диктатура пролетариата мыслилась Марксом в форме демократической республики, призывается на помощь «Коммунистический Манифест». Ведь там говорится, что «первым шагом рабочей революции должно быть... завоевание демократии».

Ученые марксоведы забывают самую малость, что завоевание демократии в этой же фразе раз'ясняется Марксом как «возвышение пролетариата на степень господствующего класса». Наконец, когда цитатное искусство иссякает, соответствующие положения просто декретируются: «Связанная с диктатурой террористическая тактика, представителями которой являются большевики, никогда (!) не рекомендовалась Марксом и Энгельсом». (Карл Диль. Диктатура пролетариата. Стр. 47). Тут уже просто предлагается верить на слово. Хотя если бы уважаемый автор перелистал, ну хотя бы статьи Маркса в «Новой Рейнской Газете», то он мог бы убедиться в неосновательности столь категорического заявления.

Надо, впрочем, сказать, что у этих людей, занимающихся переделкой Маркса под Бернштейна, есть сознание тщетности своих усилий. Так, Маутнер, который постарался выставить самую внушительную батарею цитат, признается в конце концов, что противоположную точку зрения можно гораздо полнее и лучше обосновать, опираясь на того же Маркса. Остается или признаться в искажениях, в произвольном обращении с цитатами, или укрыться за старую легенду о «двух Марксах», о противоречии, живущем в душе самого Маркса между «революционером» или, как любят выражаться господа профессора, «человеком темперамента» и «ученым». Остается повторять, опять-таки со слов ревизионистов, басню о том, что на Маркса, видите ли, влияли революционные события (например, восстание коммунаров), и тогда он отклонялся от «трезвой точки зрения».

Другое направление в буржуазной науке предпочитает не прибегать к подобным ухищрениям, говоря о Марксе, о марксизме и об его отношении к большевизму. Оно не берется за безнадежную задачу превратить Маркса в умеренного реформиста. Оно выступает с открытым забралом против революционного, пролетарского социализма в целом, не скрывая, а, наоборот, подчеркивая, что начатое Марксом было продолжено и развито Лениным. И следует отметить, что такую позицию занимают люди, усердно изучавшие Маркса и бывшие когда-то сами марксистами или полумарксистами.

К этой категории принадлежит, во-первых, Петр Струве, который все еще продолжает питать надежду, что большевики в своей социалистической революции дали «великий урок» опытного опровержения социализма. Однако, он ни на минуту не сомневается, что «коммунизм Ленина и его товарищей бесспорно основан теоретически на марксизме, на социологическом и историческом учении Маркса» [2]).

К этой же категории принадлежит и Зомбарт, выпустивший в 1925 г. 10-е издание своей известной книги «Социализм и социальное движение» под заглавием «Пролетарский социализм». Это разросшееся до двух томов сочинение представляет собой яркий образчик реакционного неступления, которое овладело некоторыми кругами западно-европейской буржуазной интеллигенции. С этой точки зрения, как поход против пролетарского социализма, книга Зомбарта заслуживает, чтобы о ней поговорить особо. Нас она сейчас интересует с точки зрения оценки тех взаимоотношений, которые существуют, по мнению Зомбарта, между Марксом и Лениным, между марксизмом и большевизмом. Прежде всего, для Зомбарта не подлежит сомнению, на чьей стороне был бы Маркс в споре между коммунизмом и оппортунизмом. «Политической воле Маркса,—пишет он,—соответствует только крайняя и последовательная революционная позиция. Мы установили,—пишет он далее,—что Маркс был в полном смысле слова боевая натура, чистокровный революционер» (т. I, стр. 393). Зомбарт не сомневается, что «он (Маркс. Е. П.) вылил бы полную чашу своего презрения на весь бернштейнианизм и мильеранизм наших дней» (там же). Говоря об отношении теории Маркса к большевизму и синдикализму, Зомбарт замечает: «Большевистское понимание сущности революционных методов представляется мне истинно-марксистским, в то время как синдикалистская разновидность дает отклонения, которые вряд ли можно вывести из духа марксова учения» (там же, стр. 395).

По вопросу об отношении пролетариата к крестьянству Зомбарт, приводя известные слова Маркса о том, что пролетариат призван «руководить сельским населением, которое видит в городских рабочих своих естественных представителей», замечает: «Также и в этом отношении большевики—призванные душеприказчики марксова наследства» (том I, стр. 403). «Ленин следует Марксу в оценке роли парламента» (том XI, стр. 252). «Диктатура в России, по мнению Зомбарта, задумана марксистами». «Ничем другим не была одобренная Марксом идея Парижской Коммуны». «Определение, которое Ленин дает диктатуре пролетариата, целиком и полностью соответствует духу марксизма» (том I, стр. 403).

Наконец, Зомбарт, который ныне обрел веру в потусторонний мир и утверждает, что оная вера присуща немцам по самой их внутренней природе» (том I, стр. 117), должен признать, во-первых, что материалистические и атеистические убеждения Маркса и Энгельса никакой кантианской обработке не поддаются, и что, во-вторых, эта твердая материалистическая фейербахианская линия продолжена Лениным и его учениками, «последними (по мнению Зомбарта) крупными теоретиками марксизма» (том I, стр. 121).

Правда, и Зомбарт не мог не удержаться от того, чтобы не приписать Марксу некую «раздвоенность мировоззрения», как и вообще он не мог отказать себе в удовольствии об'яснить ненависть Маркса к буржуазному обществу личными неудачами (!). Но основной вывод от этого не меняется. Пролетарский социализм, или коммунизм, этот смертельный враг капиталистического мира, имел двух величайших теоретиков и величайших вождей. Дело одного продолжает то, что начато другим. Бороться с ленинизмом нельзя, не выступая в поход против учения Маркса, так же, как нельзя быть марксистом, не стоя под знаменами Ленина. Это завоевало место общепризнанной истины.

Е. ПАШУКАНИС.

[2]) См. П. Струве—Итоги и существо коммунистического хозяйства, стр. 13.

Иностранные товарищи о В. И. Ленине.

„Three years the International has been deprived of the leadership of Lenin; but every year it has grown stronger by putting into practice the teaching of the great leader.

M. N. Roy

Вот уже три года, как Коммунистический Интернационал потерял Ленина. Но, претворяя в жизнь уроки руководства великого вождя, Коминтерн с каждым годом становится все сильнее.

М. Н. РОЙ.

(Представитель компартии Индии).

レーニンの
言葉、彼の議論、其主義主張は年と共に多数の人に聞かれて革命家は増加しつゝある。レーニン万歳！ロシヤ革命万歳！コムミンターン万歳！
一九二七の一月 片山潜

К словам Ленина, к его учению—к ленинизму прислушиваются все больше и больше, число ленинистов растет. Да здравствует ленинизм! Да здравствует российская революция! Да здравствует Коминтерн!

СЕН КАТАЯМА.

(Представитель компартии Японии).

Le mérite fondamental de Lénine n'est pas seulement d'avoir été l'un des plus grands théoriciens de la révolution prolétarienne, mais aussi d'avoir, par l'application pratique de ses théories, déterminé la révolution dans un pays et laissé après lui, à ses disciples, les enseignements nécessaires pour mener la révolution à la victoire définitive.

V. Codovilla

Moscou-21-1-27

Основная заслуга Ленина не только в том, что он был одним из величайших теоретиков пролетарской революции, но и в том, что он путем практического применения своих теорий сделал возможной социалистическую революцию в одной стране и оставил своим ученикам необходимые указания для того, чтобы они смогли привести революцию к окончательной победе.

В. КОДОВИЛЛА.

(Представитель компартий Южной Америки).

列寧不死，列寧永遠存在着，他在蘇聯社會主義建設中，在英國大罷工中，在中國革命中，在一切被剝削者反抗的運動中，在全個新社會的改造過程中存在着。
譚平山

Ленин бессмертен. Он живет в строительстве социализма в СССР, в великой английской забастовке рабочих, в китайской революции, во всех повстанческих движениях всех эксплоатируемых, во всем революционном процессе перехода к новому обществу.

ТАН-ПИН-СЯН.

(Представитель компартии Китая).

[illegible]

Ленин сказал в 1920 году о Корее: «Япония будет воевать за то, чтобы ей продолжать грабить Корею, которую она грабит с неслыханным зверством, соединяющим все новейшие изобретения техники и пытки чисто азиатские». (Ленин, том 17, стр. 387). Корейские народы должны вспоминать эти слова Ленина особенно теперь, когда сто пятьдесят лучших борцов Кореи брошены в тюрьмы оккупантами. Корейский пролетариат будет проводить идеи Ленина в жизнь и свергнет его угнетателей.

ЧУХУН.

(Представитель корейской компартии).

Он указал нам путь. Наш долг—понять его указания и итти вперед без него к конечной цели.

Ercoli

ЭРКОЛИ.

(Представитель компартии Италии).

Ленинизм и строительный период пролетарской революции.

Основа революционного марксизма есть материалистическая революционная диалектика, одним из основных требований которой является требование рассматривать каждую историческую полосу развития человеческого общества в ее конкретных особенностях, в ее специфических чертах. Эти особые, отличительные, характерные только для данной исторической полосы черты и составляют так называемую «сущность» эпохи, или, выражаясь ходовым, вульгарно-идеалистическим языком, ее «дух». Марксизм потому и является непревзойденным научным построением, что он не есть «догма», т.-е. застывшая сводка готовых положений и готовых рецептов, для которых не писаны никакие законы движения, развития, переворота, радикального, коренного, иногда катастрофического изменения хода мировой истории. Марксизм есть метод живого познания, которое прежде всего учитывает именно эти изменения: он есть наиболее чуткий познавательный инструмент. Анализ конкретного является поэтому непременнейшей предпосылкой всякого марксистского обобщения, которому органически чужда и глубоко враждебна игра в высосанные из пальца «определения», «дефиниции», безжизненные «классификации», «схемы» и т. д., чем наполнены груды томов представителей буржуазной науки. Это вовсе не значит, что марксизм чурается обобщений. Наоборот, он представляет собой наивысшее воплощение обобщающей научной мысли. Но его обобщения—это не безжизненные «пустые» абстракции, а сгусток жизни, самый «сок» исторического процесса.

Сам капитализм, как особая форма движущегося человеческого общества, был понят, теоретически «схвачен» марксизмом. Теперь о «капитализме» говорят буквально все, и его сторонники, и его противники. Но не нужно забывать, что было время, когда представители буржуазной науки издевались над термином «капитализм», над понятием классов и т. д. И только ход исторического развития, подтвердивший целиком марксово учение, «вдолбил диалектику» в очень основательное количество даже буржуазных «черепов».

Империализм, как особая форма капитализма, до чрезвычайности обострившая все внутренние противоречия капиталистического способа производства, точно так же получил свое об'яснение у марксистов. И ленинизм был тем обогащенным, получившим свое дальнейшее развитие марксизмом, который теоретически «схватил» особые, специфические черты империалистического капитализма, черты, доводящие капиталистические противоречия до наибольшей напряженности, черты, которые гонят исторический процесс к катастрофам, откуда рождается новый общественный уклад. Характерно то, что не-ленинцы, подходившие к оценке империализма, как особой полосы развития, остановились на полдороге, а затем опрометью пустились бежать назад. Так, например, Гильфердинг, кончавший свой «Финансовый Капитал» предсказанием «гигантского столкновения», в котором «диктатура финансового капитала превращается в диктатуру пролетариата», в короткий срок стал проповедником и певцом Лиги Наций, бегущим, как от чумы, от диктатуры пролетариата.

То, что мелькало во сне далеком,
Воплощено, в дыму и в гуле...
Что ж вы коситесь неверным оком
В лесу испуганной косули?
Что ж не спешите вы в вихрь событий
Упиться бурей, грозно странной?
И что ж в былое с тоской глядите,
Как в некий край обетованный?

Так писал, обращаясь к интеллигентам, один из крупнейших русских поэтов, Валерий Брюсов. Увы! Полумарксистские интеллигенты обнаружили не только свойства «в лесу испуганной косули», но превратились в прямых предателей великого класса, который ввязался в небывалый исторический бой. И только ленинизм поставил—и теоретически и практически—вопрос о переходе империализма в диктатуру пролетариата, вопрос о «перерастании» эпохи монополистического капитализма в эпоху социалистических революций.

Но история нашего времени провела уже дальнейшую борозду. Она привела к рождению пролетарской диктатуры в огромной стране, к упрочению этой диктатуры, к процессу «положительного» социалистического строительства. Пожалуй, не было еще в истории большего рубежа, чем тот исторический рубеж, который отмечен октябрьскими баррикадами 1917 года. Если этот исключительнейшей исторической важности факт изменил в значительной степени всю международную обстановку, разрушив принципиальное единство мирового хозяйства, как капиталистического мирового хозяйства, то, с другой стороны, он поставил перед марксизмом в упор задачу, которой практически марксизм не знал и о которой теоретически он мог высказываться лишь в самых общих формулировках. На отдельном—но все же очень большом—фронте всемирно-исторического развития началась новая полоса этого развития, полоса, коренным образом, в самых своих основах, в самых глубинах своего «существа», отличная от предыдущих фаз развития. Опыт ЭТОЙ полосы в его марксистской обработке составляет самую оригинальную черту ленинизма, самое НОВОЕ, что дал ленинизм для обогащения и развития марксистской мысли и марксистской практической деятельности.

Революционный марксизм в период капиталистического развития есть теория переворота. Это — разрушительная, «деструктивная» теория с головы до ног. И этот ее характер вытекает из самого существа, из самых характерных черт капиталистического развития.

Капиталистическое общество есть «единство противоположностей». Оно, как и всякое общество, есть «единство», есть некое целое, все части которого зависят друг от друга, обусловлены одна другой, развиваются в зависимости друг от друга, не могут существовать вне этой зависимости. Но капиталистическое общество полно кричащих противоречий: оно есть не просто «единство», оно есть «единство противоположностей». Оно есть общество классовое, где основным антагонизмом является антагонизм между пролетариатом и буржуазией. И характер развития этого общества совершенно особый: его развитие есть, в основе своей, расширение и углубление этих противоречий. Если говорить о «генеральной линии общественного развития», то это есть линия «расширенного воспроизводства капиталистических противоречий» и, прежде всего, это есть линия расширения и углубления классовой борьбы. До каких пределов? До каких границ? До того, пока эти противоречия не расколют общества, не нарушат его единства. А нарушение этого единства, т.-е. разрушение старого общества, и есть революция.

В «Теориях прибавочной ценности» Маркс писал, что апология (оправдание) капиталистического строя в основе своей сводится к тому, что буржуазные ученые держатся, при анализе капиталистического общества, за момент единства, т.-е. недооценивают — и не могут поступать иначе — момента противоположностей. Практический их интерес состоит в том, чтобы замазывать, затушевывать всеми средствами классовую борьбу. Теоретическая их мысль послушно следует за этим «практическим разумом». Вот почему все без исключения теоретические построения буржуазии, касающиеся общественного развития, антиреволюционны: такова, напр., «органическая школа» в социологии, такова вся буржуазная политическая экономия (ср., напр., «Экономические гармонии» Бастиа или австрийскую школу, или англо-американцев и т. д.). Наоборот, для марксизма характерно именно то, что теоретическое ударение он делает на противоречиях, на «противоположности». Практический интерес пролетариата состоит в преодолении капитализма через углубление и обострение классовой борьбы. При этом пролетариат опирается на действительный, об'ективный ход развития. Поэтому марксизм, будучи революционным учением, верно отражает об'ективные тенденции исторического процесса, т.-е. является теорией, «соответствующей действительности».

Если марксизм утверждает, что капиталистическое общество идет неизбежно к краху, то немудрено, что обобщающие практические лозунги идут по линии обострения классовой борьбы и находят свое завершение в лозунге гражданской войны. Для революционного марксизма нет здесь ничего более отвратительного, чем «сотрудничество классов», «гражданский мир», «смягчение борьбы между трудом и капиталом», «промышленный мир» и т. п. вздор, которым господа реформисты пускают пыль в глаза просыпающемуся пролетариату. Самые реформы используются марксистами для революции, как опорные пункты для новой борьбы. Ориентация—на обострение противоположностей, на разрыв общественного «единства», на раскол общества, на революцию, которая становится исходным пунктом нового «единства», т.-е. нового общественно-исторического уклада.

Но вот создана и укреплена основная предпосылка для развития на новых путях, и нужно теперь познать эти пути, эту полосу развития, в ее своеобразии. Сколько ошибок, сколько важных шагов, сколько фальшивых теоретических «положений» было сделано потому, что люди не понимали этого своеобразия!

Общество эпохи пролетарской диктатуры, или общество строющегося социализма есть тоже «единство противоположностей»: в нем есть разные классы, опирающиеся на противоречивые хозяйственные формы. Но вся общественная динамика в корне отлична от динамики капиталистического общества. Если взять развитие в этот период в его самом общем виде, то это будет не расширение и углубление противоречий, а их смягчение; «конечным» этапом будет не взрыв общества, не его распадение, а величайшее укрепление его единства через отмирание противоречий, их преодоление. В капиталистическом обществе момент «единства» уступает моменту «противоположности», и этот последний торжествует свою конечную победу в крахе этого общества. В обществе переходного периода момент единства все более оттесняет момент противоположности, и именно он, момент единства, в конце концов, находит свое завершение в коммунистическом способе производства, раз и навсегда ликвидирующем социально-экономические противоречия предыдущих эпох. Капиталистическое развитие есть расширенное воспроизводство противоречий общества. Развитие в переходный к коммунизму период есть суживающееся воспроизводство этих противоречий. В капиталистическом обществе дело идет к насильственной революционной ломке. В обществе переходного периода развитие его в высшую форму есть эволюционный процесс. В этом принципиальное отличие новой полосы, отличие, связанное с господством пролетариата, с принципиально иной расстановкой классов.

В этот период марксизм (ленинизм) подчеркивает и момент единства. Но это—апология? Да, до известной степени апология. Однако, люди, играющие словечком «апология» вообще, не понимают, в какую бездну антимарксистской «премудрости» они попадают, если из этой «апологии» они делают нам упрек. Ибо одно дело апология капитализма и совсем, совсем другое дело—апология пролетарской диктатуры, переходящая в апологию коммунизма, как само общество пролетарской диктатуры переходит в бесклассовое коммунистическое общество.

Такова здесь генеральная линия развития. Но эта линия есть лишь самое общее выражение тенденций развития. И было бы в высшей степени опрометчивым не видеть особых условий, видоизменяющих эту тенденцию в более узкую полосу времени, на конкретных зигзагах исторического пути.

Вспомним историю развития капитализма. Разве там не было и нет тенденций, смягчающих или даже временно парализующих основную линию на обострение классовых противоположностей? Конечно, такие полосы были. В ранний период капитализма мы наблюдаем не раз патриархальные отношения между «хозяином» и рабочим. Перед закатом капитализма мы видим, как пролетариат об'единяется с буржуазией на базе подкупа, колониальных сверхприбылей и — идеологически—так называемого «национального единства». До поры, до времени такие тенденции живут, отчасти даже побеждают. Но вся совокупная логика капиталистического развития в конечном счете ломает им хребет, и с бурной силой прорывается основная закономерность, которая превращает «мирное бытие» в грезу и бурю революции.

Основная линия перехода от капитализма к социализму есть линия на сужение и—в конечном счете—на отмирание противоречий. Но это вовсе не означает, что в определенные полосы развития исключено обострение этих противоречий. Жизнь так сложна, что было бы абсолютно ненаучным, абсурдным, антимарксистским, антиленинским самодовольное самоудовлетворение одной только общей постановкой вопроса, хотя такая постановка абсолютно необходима. Она необходима, но она не достаточна. В начальный период развития, когда центр тяжести лежит еще в более или менее открытых и острых столкновениях, полосы обострения противоречий являются, можно сказать, законом. Но и в период «мирный» не исключено обострение классовых антагонизмов. Здесь нужен конкретный анализ конкретной ситуации.

И тем не менее, общая линия развития не может не быть основой для общей линии поведения пролетариата и его партии. Ибо поскольку пролетариат от позиции класса угнетенного переходит на позицию класса правящего, многие проблемы ставятся, так сказать, «наоборот».

В капиталистическом обществе основной и длительный интерес всего рабочего класса состоит в ниспровержении «общественного целого», т.-е. того общества, в котором он живет. «Непосредственные» интересы рабочего класса или отдельных его частей могут, наоборот, привязывать его к этому обществу. Возвеличение непосредственных, временных, преходящих интересов за счет основных и длительных (в случае конфликта между ними) и есть база оппортунизма.

В обществе переходного периода основной и длительный интерес рабочего класса в его целом состоит в укреплении общества, в усилении его единства, в преодолении противоречий на основе все большего удельного веса социалистических элементов этого общества. Могут быть такие положения, когда и здесь цеховые, временные, групповые интересы находятся в конфликте с интересами основными, общими и длительными. Например, в связи с закрытием «свободных портов» и с введением монополии внешней торговли может сокращаться число имеющих работу; то же в связи с социалистической рационализацией и т. д., и т. п. И здесь предпочтение цехового и временного общему и основному есть база оппортунизма, меньшевизма и т. д. Однако, ясно, что постановка вопроса для капиталистического периода и для периода пролетарской диктатуры диаметрально-противоположна: в одном случае революционная точка зрения есть линия на взрыв общества, в другом—на его укрепление; в одном случае—на обострение противоречий, в другом—на их преодоление (преодоление на определенной социально-классовой основе).

В капиталистическом обществе вождем и руководителем «общественного целого» является буржуазия. В переходном обществе—пролетариат. Пролетариат здесь не просто класс, борющийся в каждую данную минуту за максимум своей доли в общенациональном доходе. Пролетариат здесь руководитель общества, ответственный за его судьбы. Он стоит в ином отношении и к хозяйству, и к различным его составным частям, и к различным общественным классам.

Совершенно понятно, что пролетариат совсем по-другому относится теперь к крупной промышленности, совокупным «хозяином» которой он является. Уже отсюда вытекает, что он не может стоять на точке зрения максимума доли своего дохода вообще: ибо часть его он должен отдавать в «фонд накопления».

Но не только в этом состоит вопрос. Пролетариату приходится заботиться и о сочетании крупной промышленности с мелким крестьянским земледелием, от взаимоотношений между которыми зависит ход экономического (а, следовательно, и всякого иного) развития. При разделе совокупного национального дохода пролетариат не может теперь стоять на такой точке зрения: чем больше возьмешь с крестьянства, тем лучше. Тут главное опять-таки вовсе не в том, чтобы получить в данный момент возможно больше: такая точка зрения была вполне уместна при капитализме, когда пролетариат не нес заботы о развитии общества. Главное здесь в обеспечении надлежащего темпа развития и в обеспечении максимально быстрого роста социалистических элементов хозяйства. Непонимание этого обстоятельства, покоющееся на механическом перенесении правильной при капитализме линии на общество пролетарской диктатуры, выражает собою своеобразный оппортунизм. Ибо, в конечном счете, уровень жизни рабочего класса определяется как раз не тем, чтобы в данный момент получить наибольшую долю из совокупного национального дохода, а быстротой темпа развития, быстротой роста социалистических элементов хозяйства на основе наиболее быстрого оборота между городом и деревней.

Ради этого здесь у нас к «сотрудничеству» допущена «до известной степени» и буржуазия. Это обстоятельство бросает особенно яркий свет на все принципиальное отличие теперешней постановки вопроса. Если бы речь шла о дележке по принципу максимума в данный момент, тогда нужно немедленно было бы конфисковать сразу и всю прибыль новой буржуазии и ее капиталы. Технически это можно сделать. Но именно, имея в виду перспективу развития, мы сознательно допускаем эту новую буржуазию к «сотрудничеству», обеспечивая тем ускорение экономического оборота в стране, на основе которого систематически вытесняем (каждый раз на все более высокой ступени развития) эту буржуазию.

Господство пролетариата, единственного класса, организованного, как государственная власть, новый тип развития влечет за собой принципиально новую установку по всей линии. Если главная ориентация есть ориентация в сторону единства постоянно переделываемого на социалистический лад общества (переделываемого в своеобразных формах классовой борьбы), то понятно, что лозунг гражданской войны в стране сменяется лозунгом гражданского мира (см. письмо Ленина к Мясникову). Если в основном тип развития есть тип эволюционного развития, то понятно, что по отношению к теперешней практике наши методы условно можно назвать «реформистскими» (см. статью Ленина: «О значении золота»). Ибо осторожная переделка нашего общества, общества пролетарской диктатуры, наши «реформы», наше «строительство» суть не что иное, как продолжение—в новых формах—великой пролетарской революции. И наоборот, радикальная ломка, уничтожение нашего государства, линия на обострение противоречий и на взрыв общества в наших условиях есть линия контрреволюции.

Такова диалектика лозунгов, направлений, политических ориентаций. Она, эта диалектика, превосходно об'ясняет, почему наиболее матерые классовые враги пролетариата, охранители существовавшего строя, становятся бешеными радикальными изничтожателями строя у нас существующего. Она об'ясняет, почему социал-демократы и эсэры, так мирно «вползающие» в капитализм, реформисты по отношению к капиталистическому строю, являются такими «революционерами» (читай: контрреволюционерами) по отношению к диктатуре пролетариата. И, наоборот, та же диалектика об'ясняет, почему партии коммунистического пролетариата, ориентирующиеся на ниспровержение капиталистических государств, берегут, защищают, охраняют страну пролетарской диктатуры. Она об'ясняет, почему ленинизм учит, что центр тяжести для нас (если отвлечься от международных дел) заключается в «мирно-организаторской работе» (Ленин).

С точки зрения якобы марксистского попугая (таковы «ультра-левые» ренегаты коммунизма, пляшущие под дудку с.-д.-тии) говорить о гражданском мире, о сочетании интересов государственного хозяйства пролетариата с интересами мелкого крестьянского хозяйства (что делается в интересах самого крупного государственного хозяйства, как базы социализма) есть ужас и безумие; с точки зрения этого попугая припускать к хозяйственному сотрудничеству буржуазию (не смешивать с сотрудничеством во власти, коего быть не может и не будет)—это есть еще больший ужас и безумие, это есть прямо измена, «перерождение» и т. д. «Ультра-левые» попугаи повторяют по отношению к обществу пролетарской диктатуры социал-демократические мысли, не понимают, что эти «мысли» суть оборотная сторона гнуснейшего социал-демократического пресмыкательства перед капиталистической буржуазией.

Ленинизм, поскольку он является марксизмом строительного периода, из «деструктивного» («разрушительного») учения превращается в учение «конструктивное» («строительное»). Социал-демократизм теперешней эпохи, наоборот, «конструктивен» по отношению к капиталистическим государствам и «деструктивен» по отношению к государству пролетариата. В этом он принципиально ничем не отличается от идеологии и политики буржуазии, проводником влияния которой на пролетариат он является сейчас в большей степени, чем когда бы то ни было.

Можно ли из вышесказанного делать заключение, что специфический облик марксизма строительного периода состоит в затушевывании, замазывании действительно существующих противоречий, в затушевывании, замазывании действительно существующей классовой борьбы, классового расслоения общества и т. д., и т. п.? Можно ли из лозунга «гражданского мира» делать заключение против классовой борьбы?

Кто так решал бы вопрос, тот безусловно скатился бы на другой бок оппортунизма; ибо преуменьшение классовых противоречий в каждый данный момент ослабляло бы силу сопротивления буржуазным тенденциям развития, которые снова и снова возрождаются на базе товарного хозяйства и отступают лишь по мере все более мощного наступления пролетариата с его командных высот, пролетариата, увлекающего за собою массу хозяйств простых товаропроизводителей—крестьян. Для революционного марксиста, для ленинца необходимо правильно оценить не только всю историческую полосу развития, но и отдельные конкретные этапы в развитии этой полосы и даже отдельные конкретные кон'юнктуры внутри этих этапов. Противоречия переходного периода не исчезают сразу: они преодолеваются в классовой борьбе. Классовая борьба пролетариата в капиталистическом обществе обостряет противоречия и в конце концов взрывает все общество. Классовая борьба пролетариата (а не что-либо иное) в обществе, переходном к социализму, в конечном счете преодолевает противоречия. Но это делает именно она, классовая борьба пролетариата. Сама диктатура пролетариата в действии есть особая форма классовой борьбы, вытеснения городской и сельской буржуазии, руководства крестьянством и переделки этого последнего. Она может временами обостряться (и нужно во-время видеть, когда противник требует особого отпора и особого преследования с нашей стороны). Но все более возрастающая мощь государственного хозяйства и все более возрастающее его влияние на крестьянство в конце концов делают очевидной даже для слепых победу нового уклада хозяйства. Такова наша перспектива, которая будет осуществлена миллионами рабочих рук и голов.

Мы только тронули часть главнейших проблем строительного периода. Необыкновенная сложность задач, в упор встающих перед пролетариатом в этот период, требует огромного обогащения марксистской теоретической мысли, растущей на основе марксистской строительной практики. Основные вехи дал здесь впервые ленинизм. Он, рожденный в грозную эпоху войн и революций, дал не только разработанную теорию разрушения капиталистического гнета: он заложил прочный фундамент социалистического строительства. Синтез революционного разрушения и революционного социалистического строительства, в теории и на практике—таков ленинизм.

Н. БУХАРИН.

Шесть дней работы Владимира Ильича.

(Из материалов к научной биографии).

Институтом Ленина подготовляется «Календарь работы Владимира Ильича с октября 1917 г. по март 1923 г.», т.-е. за весь период его советской работы. *Основная цель «Календаря»—служить* материалом к созданию научной биографии Владимира Ильича, давая, на основе точных документальных данных по возможности полное представление о том круге вопросов и практических задач, над которыми работал Владимир Ильич изо дня в день.

Дать *полное* представление о работе Владимира Ильича за каждый день, разумеется, невозможно. Все, соприкасавшиеся по работе с Владимиром Ильичем, знают, например, какую большую роль в его работе играл телефон, как орудие непосредственной, быстрой и «безволокитной» связи. Но не только телефонные разговоры Владимира Ильича *потеряны для* нас. Бывало, что он свои письма и особенно телеграммы (черновики) во время гражданской войны собственноручно уничтожал или же велел уничтожать секретарям; *очень часто*, при отсылке письма, давал секретарю, для ускорения отправки, такой наказ: «Копию у себя не оставляйте, запишите лишь кратко суть». Наконец, чрезвычайно быстрый темп и интенсивность работы Владимира Ильича почти совершенно не давали возможности его секретарям вести регулярную запись приемов, поручений и т. п. Но, несмотря на все это, даже и то сравнительно небольшое число документов и записей, которое сохранилось в архиве и в секретариате Владимира Ильича, в соединении с его письмами и бумагами, постоянно поступающими в Институт от различных товарищей, дает чрезвычайно ценный и интересный материал для изучения того, как работал и над чем работал Владимир Ильич.

Большую часть января 1921 года Владимир Ильич был в отпуску и жил в Горках, приезжая в Москву только в дни заседаний Центрального Комитета, Совнаркома и СТО, или же, в случае особенной надобности, только на несколько часов. Однако, несмотря на свой отпуск и нездоровье, Владимир Ильич в течение всего этого времени не переставал работать,—просматривать и подписывать бумаги, писать письма, давать поручения управделу и секретарям, с которыми он сносился письменно и по телефону. В Горках же им написана статья «Кризис партии» и бо́льшая часть брошюры «Еще раз о профсоюзах и об ошибках тт. Троцкого и Бухарина».

Окончательно Владимир Ильич вернулся в Москву 22 января, в 5 часов вечера,—и снова приступил к напряженнейшей, «бешеной», по его любимому выражению, работе.

Публикуемый ниже отрывок из «Календаря»—шесть последних дней января 1921 года—является лишь слабым, далеко не полным отражением работы Владимира Ильича за эти дни. Еще далеко не все товарищи сдали в Институт Ленина имеющиеся у них письма, записки Владимира Ильича и другие его бумаги. Многие еще не собрались написать свои воспоминания о совместной работе с Владимиром Ильичем. Чем скорее они это сделают, тем полнее будет наш «Календарь», значение которого для изучения как работы Владимира Ильича, так и всей нашей советской эпохи слишком очевидно.

М. ГЛЯССЕР.

ЯНВАРЬ 1921 ГОДА

Среда, 26 января.
Москва, Кремль.

ОТ 11 ЧАСОВ УТРА

Просмотрел и направил 1) Н. П. Горбунову—письмо инженера Острякова о радиотелефонном строительстве,—с поручением—а) следить специально за этим делом, вызывая Острякова и говоря по телефону с Нижним; б) провести проект декрета о радиотелефонном строительстве ускоренно через МСНК; в) сообщать Владимиру Ильичу 2 раза в месяц *о ходе работ.*

2) А. И. Рыкову—письмо Ю. Ларина о переменах в составе Высшего Совета по перевозкам,—с замечаниями по содержанию письма.

3) Н. П. Горбунову—письмо П. Н. Лепешинского,—с просьбой помочь ему в подыскании квартиры.

Поручил секретарю созвониться с Л. Б. Красиным и получить от него отзыв по телеграмме Ю. М. Ломоносова о заказах паровозов в Италии.

ОТ 2—4½ ЧАСОВ.

ЗАСЕДАНИЕ ПЛЕНУМА ЦК ¹).

В 3 часа дня на заседании пленума ЦК,—
Подписал телеграмму Сормовскому заводу с просьбой закончить изготовление гусеничного крана для Гидроторфа в апреле месяце, с тем, чтобы в начале мая он мог быть доставлен на «Электропередачу».

ОТ 8—12 ЧАСОВ ВЕЧЕРА.

Подписал постановление СТО о едином погрузочном органе.

Подписал постановление СНК об отпуске Нар. Ком. Внутренних Дел 3½ миллиарда сверхсметного кредита.

ЗАСЕДАНИЕ ПЛЕНУМА ЦК ²).

Четверг, 27 января.
Москва, Кремль.

Просматривая газету, отметил и поручил секретариату напомнить ему в СНК о постановлении ВЦИК и СНК от 20 января 1921 г. об учреждении при *волисполкомах отделов труда* (волтруда).

Подписал протокол распорядительного заседания СТО от 26 января 1921 года ³):
1) О ходе постройки ударных топливных путей.
2) О воздухоплавании и авиостроительстве.
3) О продовольственном положении Москвы.
4) О положении Подмосковного угольного бассейна.
5) Об обеспечении каменноугольной промышленности рабочей силой.
6) О снабжении НКПС лопатами.
7) О снабжении Петрограда топливом.

¹) Пленум ЦК создал 26 января 1921 г. комиссию в составе В. И. Ленина, Е. А. Преображенского и М. П. Томского для *разработки проекта* реорганизации Наркомпроса.

²) Во время заседания пленума ЦК около 12 часов ночи были принесены из 31-й типографии первые печатные экземпляры брошюры Владимира Ильича «Еще раз о профсоюзах и об ошибках тт. Троцкого и Бухарина» и розданы уезжавшим в провинцию членам Центрального Комитета.

³) 10 марта 1920 года Совет Обороны *утвердил предложенный* тов. Красиным проект организации распорядительных заседаний Совета Обороны для рассмотрения вопросов второстепенного значения, не требующих участия Владимира Ильича в их обсуждении (как, напр., вопросы об отсрочках по призыву в Красную армию, о выдаче мандатов, о милитаризации предприятий и т. п.). Постановления распорядительных заседаний Совета *Обороны* принимались простым большинством голосов и представлялись на подпись Председателя Совета Обороны В. И. Ленина, после каковой считались окончательно принятыми постановлениями Совета Обороны. В случае протеста одного из членов Совета Обороны или В. И. Ленина, вопросы переносились на рассмотрение пленарных заседаний Совета Обороны (с участием Владимира Ильича). *Обычно* распорядительные заседания СТО происходили по средам, а пленарные—по пятницам.

Подписал протокол МСНК от 26 января 1921 года: п. 1—об отпуске средств Промвоенсовету (Военно-Промышленный Совет) на постройку шести агрегатов опытных саней;
п. 2—об исправлении сметы НКЗдрава на 1920 г.;
п. 5—*о ликвидации* Башкирпомощи.

Поручил секретариату послать срочный запрос А. И. Рыкову, О. А. Альскому (члену коллегии *НКФ*), А. И. Емшанову и Л. М. Карахану (члену коллегии НКИД) о причинах неявки их представителей на заседание Сов. Внешней *Торговли* (по протоколу № 12 Сов. Вн. Торг., присланному ему А. М. Лежавой).

Написал письмо члену президиума ВСНХ В. П. *Милютину с запросом*, что им сделано для публикации за границей декрета о концессиях.

Просмотрел и направил Наркому Внутренних Дел М. Ф. *Владимирскому письмо* Г. В. Чичерина о Карелии,—на принятие мер и на отзыв.

ПРИЕМ:

1½ ч.—Гарди секретарь Союза индустриальных рабочих мира (Америка).

2½ ч.—М. Горький и 3 профессоров: Ольденбург, Таннов и Светлов. по вопросу об обеспечении научно-исследовательской работы в Советской Республике.

Говорил по телефону с Н. П. Горбуновым о проектах 3 профессоров и направил ему эти проекты с просьбой ускорить все это дело так, чтобы в субботу уже пошло в МСНК.

7 ч. В. Л. Копп, 9½ ч. Л. Б. Красин. представитель сов. прав. по делам военнопленных в Германии.

Поручил Н. П. Горбунову: 1) двинуть дело национализации имения *Шахметова* и превращения его в дом отдыха Росс. Академии Наук; назначить запрос через МСНК и обследовать на месте;

2) разыскать документы по жалобе представителей Академии Наук об ошибочном отпуске им меньшего количества пайков и официально исправить ошибку;

3) предоставить Академии Наук помещение, ранее принадлежавшее ее библиотеке, ныне занимаемое Полевым зап. госпиталем. «Из прилагаемого документа видно, что т. Троцкий 1 мая 1918 г. приказал очистить. До сих пор ничего не сделано. Надо проверить, сделать и, *пожалуй, назначить* расследование о волоките».

Пятница, 28 января.
Москва, Кремль.

ОТ 1—4 ЧАСОВ ДНЯ.

Написал письмо Замнаркомпросу М. Н. Покровскому и членам коллегии Наркомпроса Е. А. Литкенсу и О. Ю. Шмидту с просьбой прислать сегодня к 8 час. вечера имеющиеся печатные материалы о школах всех видов, с текстом действующих законов.

Написал записку в секретариат с просьбой достать комплект «Рабочего Края», выходящего в Иваново-Вознесенске (кружок настоящих пролетарских поэтов—*хвалит Горький*) ⁴).

Подписал протокол МСНК от 27-I—21 г.: п. 1 проект инструкции о порядке составления плана обязательного засева;
подписал телефонограмму Зам. Моск. Отд. Роста о срочном опубликовании этой инструкции;
п. 2 *проект положения* о командующем всеми вооруженными силами на Украине и уполном. РВСР;
п. 3 о порядке выдач ценностей *из сейфов*;
п. 5 о деятельности отдела сооружений Моссовета;
п. 8 о радиотелефонном строительстве;
п. 11 о поправке к декрету об отмене платы за всякого вида топливо, *предоставляемое госуд. предприятиям* и учреждениям;
п. 12 о поправке к декрету об отмене некоторых денежных расчетов.

Подписал постановление СНК *об определении* общего ассигнования Наркомздраву на 1920 год в сумме 3.652.877.000 р.

ОТ 6-ТИ ЧАСОВ ВЕЧЕРА

ЗАСЕДАНИЕ СОВЕТА ТРУДА И ОБОРОНЫ.

Рассмотрены вопросы:
1. Демобилизация армии.
2. Причины катастрофического понижения добычи, погрузки и доставки доброкачественного угля.
3. Топливное положение *железных дорог.*
4. Обеспечение Железкома Ник. ж. д. лошадьми и рабочей силой.
5. Перевод на нефтяное *топливо* участка Грязи—Чертково.
6. Премирование рабочих и служащих, занятых наготовлением электроплугов.
7. Областные хозяйственные органы.
8. Передача военного имущества гражданским учреждениям.
9. Вывоз автомобилей из Петрограда.
10. Телеграфная связь войсковых частей.
11. Продовольственное положение.
12. Отправка полномочной комиссии на Урал.

НА ЗАСЕДАНИИ СТО.

Вел переписку с А. И. Рыковым о составе Полномочной комиссии на Урал.

Написал записку *секретарю по поводу своей* брошюры «Еще раз о профсоюзах и об ошибках тт. Троцкого и Бухарина», сложенной в большом количестве на шкафу в зале заседания,—с требованием немедленно убрать ее из залы.

Получил записку от *Я. Э. Рудзутака с* просьбой уделить ему несколько минут после заседания по вопросу о Туркестане.

Суббота, 29 января.
Москва, Кремль.

Просмотрел и направил Нар. Ком. юстиции Д. И. Курскому и Нар. Ком. Здравоохранения *Н. А. Семашко* на срочное заключение письмо председателя ВЦСПС М. П. Томского о декрете СНК «Об охране здоровья женщин».

Н. П. Горбунову: 1) письмо В. В. Воровского с просьбой удовлетворить ходатайство петроградской Электросилы об обеспечении пайком и деньгами семьи недавно умершего электро-инженера И. Д. Евнина, для направления в МСНК;

2) письмо инж.-техн. Штейнберга из Берлина о концессиях, с просьбой прочесть, отметить у себя суть, *переслать* в ВСНХ и НКВТ, проследить за ответом и поторопить, ответив Владимиру Ильичу через 2—3 дня непременно.

Подписал постановление СТО. о восстановлении жел.-дор. движения в районе Бузаии.

Подписал постановление СНК о предоставлении Наркомзему права вносить изменения в погубернские посевные планы.

От 9 часов вечера.

Заседание назначенной пленумом ЦК комиссии по реорганизации Наркомпроса.

Во время заседания.

Прочел и ответил на телефонограмму от членов Полномочной Уральской Комиссии СТО: А. И. Рыкова, Г. И. Ломова, Ф. Ф. Сыромолотова, П. А. Богданова и Н. Б. Эйсмонта об организации поездки комиссии.

Воскресенье, 30 января.
Москва, Кремль.

Принял у себя в кабинете Гусева, Александра Ильича,—делегата от беспартийной крестьянской конференции Старицкого уезда, Тверской губернии.

Написал ему записку «товарищу Александру Ильичу Гусеву на память о беседе 30.I.1921. В. Ульянов (Ленин)».

Просмотрел и направил в архив: 1) письмо Софии Либкнехт; 2) письмо Л. Б. Красина о торговых сношениях с Италией; 3) телеграмму РВС Кавфронта В. А. Трифонова и В. Гиттиса о Грузии.

Понедельник, 31 января.
Москва, Кремль.

ОТ 11—4 ЧАСОВ ДНЯ.

ПРИЕМ:

12 ч.—А. В. Шотман и Э. Рахия.

12½ ч.—Б. Ф. Малкин заведующий Центропечатью.

1¼ ч.—П. Г. Смидович член Президиума ВЦИК.

2 ч.—И. П. Жуков

3 ч.—Ф. В. Ленгник член коллегии Наркомпроса.

Написал письмо члену УЦИК М. Кручинскому—ответ на его записку о положении в Наркомземе.

Написал телеграммы: 1) М. И. Фрумкину в Ростов-на-Дону о продлении отпуска секретарю СНК Л. А. Фотиевой вплоть до полного ее выздоровления;

2) предсовнаркому Татарской республики с подтверждением *просьбы* наркомсобеза А. Н. Винокурова о назначении пенсии семье убитого начальника угол. роз. Голубятникова.

Подписал телеграмму Н. Н. Нариманову в Баку об организации рыбной промышленности на Каспии (*текст составлен Наркомпродом*).

Поручил Н. П. Горбунову: 1) запросить научно-технический отдел ВСНХ по поводу трех изобретений в области механизации дровяных заготовок;

2) *проверить исполнение* постановления СНК об обеспечении проф. И. П. Павлова.

Просмотрел и направил Н. П. Горбунову: 1) записку делегата Ал.-Грушевского района Донбасса П. Мешкова о забронировании за Москвой 30.000 пуд. угля, добытого в Донбассе,—с поручением подтолкнуть Главуголь, формально напомнить ему, а письмо дать в печать;

2) прошение нач-ка общ. отд. матер. службы Александровской ж. д. Р. Чернинского о выдаче ему из ломбарда домашнего *имущества*, с поручением дать движение этому прошению;

3) записку тов. Котлярова об использовании оборудования под'емных *машин* в городах для горной промышленности, с надписью: «Надо бы собрать справки и выяснить, нельзя ли тут что сделать для помощи горному делу. Отнять лишнее?»;

4) записку секретаря грозненского райкома В. С. Горна об уменьшенной выдаче Нефтеуправлением натурпремии рабочим, с поручением запросить об этом Главнефть.

В архив: 1) *записку* М. Кручинского о Наркомземе; 2) письмо Л. А. Фотиевой с просьбой продлить отпуск.

Поручил секретарю направить Н. А. Морозова (*шлиссельбуржца*) по вопросу об его предложении принять участие в работе воздушного флота—к Э. М. Склянскому (РВСР) и Акашеву (Воздухфлот) по принадлежности.

ОТ 6 ЧАСОВ ВЕЧЕРА

Поручил секретарю напомнить ему завтра *просьбу* А. П. Розенгольца о приеме.

ЗАСЕДАНИЕ СОВЕТА ТРУДА И ОБОРОНЫ.

Рассмотрены вопросы:
1. Катастрофическое положение жел. дорог.
2. Продовольственное положение Москвы ⁵).
3. Предоставление лопат Высшему Совету по перевозкам.
4. Включение В. В. Шмидта от *ВЦСПС* в Уральскую комиссию.
5. Мандат Кривошееву в качестве уполном. для наблюдения над работами по заготовке, *погрузке* и вывозке топлива на дорогах южного сектора.

⁵) При решении этого вопроса назначена специальная комиссия под председательством Владимира Ильича, которая должна была ежедневно собираться в 9—10 час. вечера для проверки и согласования движения продмаршрутов в центр и снабжения их всем необходимым (паровозы, топливо и т. д.). *Комиссия эта* носила название «хлебной комиссии».

⁴) Когда комплект «Рабочего Края» был *получен*, Владимир Ильич просил хранить его в том шкафу, куда складывались книжные новинки, но спустя некоторое время сказал, что ему некогда будет его просмотреть, и просил отправить в Соц. академию.

ОТ 7 ЧАС. 30 МИН. ВЕЧЕРА.

ЗАСЕДАНИЕ КОМИССИИ ПО РЕОРГАНИЗАЦИИ НАРКОМПРОСА.

Всегда с Лениным

Дени 27

Из письма М. Горького.

...Нечеловеческая воля его не исчезла, она остается на земле воплощенной в людях. Работа, вдохновленная и начатая *им, не может быть* остановлена навсегда и едва ли даже ее можно прервать на время. Мир ждал этого человека, человек явился, указал путь, и этим путем люди пойдут до конца, имея впереди светлый образ бессмертного вождя.

М. Горький.

Голоса с того берега.

Нужна целая книга для того, чтобы свести воедино, хотя бы вкратце, все то, что сказано и написано о Ленине на том берегу, *в буржуазном мире, представителями* разных его групп и оттенков. Не одна такая книга будет еще написана, ибо о Ленине и его деле думают и спорят не только пролетарии и угнетенные всех стран, но равным образом буржуа и угнетатели всего мира, а также представители колеблющихся, промежуточных слоев, которых так много на том берегу.

Заслушаем на этот раз только десяток—другой *таких голосов. Они, однако*, дадут нам целую гамму тонов, гамму, характерно обусловленную различием социальных оттенков и в общем отлично очерчивающую вождя рабочей революции, особенно если исправить естественную кривизну отражающего зеркала.

Интересно, что, *когда умер Ленин*, даже в органах печати, отражающих взгляды наиболее реакционных групп заграничных буржуа и помещиков, редко попадались оценки пристрастно-уничижительные, злобно отрицающие за Лениным всякое значение и силу. Помнится, что, напр., в Швеции (где находился тогда пишущий *эти строки*) *лишь одна* газета и один мелкозлобленный черносотенец по поводу смерти Ленина поднялись на высоту грязной сплетни—о смерти «прогрессивного паралитика», создававшего хаос при жизни и пришедшего к своему естественному концу. На черносотенца цыкнули сами буржуазные газеты, и он смолк. *Солидные реакционные органы писали* об «упорном фанатике», о «жестоком разрушителе», о неутомимом «организаторе конспираций против свободы и порядка» и в то же время о необычайно ловком политике, который, впрочем, именно вследствие свойственной ему политической трезвости сумел в конце своей жизни *распроститься с крайним коммунизмом* (так изображался переход к нэпу). Многие газеты к этому добавляли, что в лице Ленина бесспорно сошел в могилу один из крупнейших «государственных мужей» эпохи. Таков был общий тон правой печати не только в маленькой Швеции, но и во всей Европе в целом.

ДВА ЭМИГРАНТА О ЛЕНИНЕ.

Какова была та группа наших врагов, которая украсила себя мелочно-злобными, *явно-лживыми и неумно-уничижительными* отзывами? Это были только наши собственные, доморощенные, выброшенные на тот берег контрреволюционеры разных категорий. У меня нет сейчас под руками букета их тогдашних газетных откликов. Но чтобы получить понятие о содержании и качестве их суждений, возьмем наудачу два отзыва, *зафиксированных* не в газетах, а в книжках.

Вот у меня под рукой двенадцатый выпуск непериодического сборника «На чужой стороне» (кадетско-эмигрантского толка) с статьей бывшего мелкобуржуазного радикала **В. Водовозова**—«Мое знакомство с Лениным». Что находит вспомнить о Ленине Водовозов?

«Семья (Ульяновых),—пишет Водовозов,—была на редкость хорошая,—все жили очень дружно, несмотря на бросавшееся в глаза **резкое различие физического и нравственного облика** ¹) отдельных ее членов».

Оказывается, что старшие члены семьи (*Александр Ильич и Ольга Ильинична*, рано умершая), а также двое младших (Дмитрий Ильич и Мария Ильинична) и по внешности и по духовному складу «поражали юношеской свежестью и одухотворенностью». Совсем другое дело—Владимир Ильич и Анна Ильинична.

«Хотя и у Анны и особенно у Владимира глаза светились несомненным умом, но все лицо в целом поражало каким-то **смешением ума и грубости, я сказал бы какой то животностью.** Бросался в глаза лоб—умный, **но покатый. Мясистый** нос. В. И. был почти совершенно лысый в 21—22 года. Что-то *упорное, жестокое* в этих чертах сочеталось с несомненным умом. Это же впечатление оставалось и от лица А. И., только у нее все было в ослабленной степени: и ум, и животность».

Необычайно характерно, как Водовозов «подает» своим читателям Ленина (а заодно и Анну Ильиничну) даже с чисто внешней стороны. Сопоставьте с этим отзыв датского *пролетарского писателя* Мартина Андерсена Нексе на ту же тему:

¹) Здесь и ниже подчеркнутое в цитатах выделено нами, поскольку нет оговорки об обратном.

«Стоило только самому незначительному бродячему пролетарию увидать портрет Ленина где-нибудь в газете, чтобы тотчас *же воскликнуть*: «Ну, этот человек—товарищ!» (Der da ist ein Kamerad!). Так совершенно олицетворял он величайшую идею в развитии человечества, носителями которой являются наиболее угнетенные в мировой истории».

Кстати сказать, даже и я не застал еще Ленина «почти совершенно лысым», *никогда не видал у него «мясистого»* носа и какого-либо особо «покатого» лба. Что значит по всей своей психологической установке (поскольку Водовозов правильно **вспоминает** свои прежние впечатления, а не **окрашивает** их заново) тянуть в другую сторону, нежели Ленин: не в сторону непримиримой борьбы против угнетателей, а *в сторону примиренчества* и прислужничества! Тогда тот, кто идет в обратную сторону, даже и по внешности станет тебе противен. Тогда увидишь «животное и жестокое» в лице Ленина. А любой «бродячий пролетарий» увидит иное: лицо человека, способного понять всю его повседневную жизнь и все его насущные (*«животные»*) интересы и встать за них с непримиримой («жестокой») решительностью—как лучший член рабочего класса, как настоящий товарищ!

Водовозов продолжает:

«Наряду с этим в нравственном облике В. Ил. бросался в глаза какой-то **аморализм.** По-моему, он был органически свойственен его натуре. Он не *допускал никаких сомнений* в **допустимости применения того или иного средства,** если только оно **вело к цели.** Помню, я тогда же в разговорах с другими называл его Маратом...

Конкретных **фактов** ²), доказывающих аморализм Ленина, относящихся *ко времени моего знакомства, я не знаю*, ибо ни в каких деловых отношениях... с ним не состоял. Но в разговорах постоянно сказывалось его сочувствие всякому приему, ведущему к победе».

Как видите, Ленин был не только «гнусного вида» (как выражался Николай I о декабристах), но он был и внутренне «безнравственен». Правда, конкретных фактов у г. Водовозова не имеется (заметьте эту иезуитскую оговорку—фактов, «относящихся ко времени моего знакомства»). Но Ленин отказывался держать революционного рабочего в сетях той «политической морали», которую буржуазия при помощи соглашателей усиленно **навязывает пролетариату, никогда не соблюдая ее сама.** Значит, Ленин был безнравственен. Он не был носителем иной, новой, классовой морали: он был аморален.

²) Подчеркнуто автором.

Таковы отзывы нашей эмиграции даже в лице представителей ее более «левого» крыла. Что-либо умнее тупого классового злопыхательства против Ленина и против рабочего класса, стоящего за его спиной (тоже «животного», «жестокого», «грубого», «аморального», как Ленин), они произнести не в состоянии.

В доказательство возьмем другой образчик. Перед нами г. **Ландау-Алданов**, представитель «народно-социалистической партии», сподвижник Чайковского и Мякотина, автор книги о Ленине на французском языке. Г. Ландау лучше всего характеризует сам себя в предисловии к этой книжке, когда говорит: «**Настоящая работа** *написана* **социалистом, который в то же время является контрреволюционером**» ³). Чтобы уравновесить это превосходное сочетание двух терминов, он впрочем добавляет: **«и антимилитаристом».** Но, испугавшись столь сильного «противовеса», поясняет дальше: «Можно быть **антимилитаристом**, не желая забросить на навозную кучу боевые знамена» (как рекомендуют французские антимилитаристы). «Мы не хотим ни войн, ни революций—ни сегодня, ни завтра». Единственное исключение, допускаемое г. Ландау, это—«революция, которая опрокинет большевистскую тиранию».

Итак, что же думает о Ленине наш *контрреволюционный* социалист и наш антимилитарист из вчерашних интервентов?

«Никакой человек, даже и Петр Великий, не имел большего влияния, чем Ленин, на судьбы моей страны. Никакой *человек, даже и Николай I* ³) не причинил ей больше зла, говоря **деспота,** естественно **искать сравнений между** ему подобными.

Россия дала миру великих гениев, глубоких мыслителей. Ни один из них по своему влиянию на западный мир, даже отдаленно, не сравнялся с этим **сектантом,** который, может быть, даже **и не очень-то умен** (pas très intelligent)».

Для Водовозова Ленин представляет смешение **ума и грубости, ума** и животности. Г. Ландау открывает, что Ленин был **даже «не очень-то умен»**, видимо, глупее и нашего «контрреволюционно-социалистического» умника.

³) Подчеркнуто автором.

Но мало того, что Ленин не блистал умом. Он не блистал также и научными знаниями.

«Работы Ленина по политической экономии суть, *пожалуй*, то, что он написал более основательного (encore de plus solide). Ему **несвойственен талант писателя,** и его **политические памфлеты** не подымаются над уровнем **посредственности.** Но, бесспорно, ему свойственна **некоторая** эрудиция в *экономических науках: это—то, с чем* он лучше другого знаком».

Как видим, автор «Развития капитализма *в России» был плохим и не слишком-то знающим экономистом.* Но мало того: он был **бездарным** писателем и оратором.

«Как публицист и как оратор он не подымается над уровнем посредственности. Его *брошюры* плохо написаны и мало отделаны. Жаль, что так как я пишу по-французски, то не могу привести образчиков **банальности его стиля.** Наиболее общеупотребительные стилистические приемы, самые вульгарные выражения, самые банальные эпитеты, исключительная грубость в отношении противника, никаких образов,—вот характерные свойства его писаний, которые всегда **скучны и трудночитаемы,** несмотря на тот психологический интерес, который могла бы представлять его логика сектанта. Русская цивилизация, равно как и европейская цивилизация, осталась для него чужда. Он видит в них эманацию капиталистического мира, которую ненавидит всею силой души, простной и **ограниченной».**

Эк, как разошелся г. Ландау! Читаешь, и ждешь: да когда же, наконец, он в заключение воскликнет, тряхнув ушами и топнув копытом: «А жаль, что не знаком он с нашим петухом: еще, пожалуй, он и больше навострился, когда бы у него *немного поучился».* Да не мешало, не мешало Ленину поучиться писательскому и ораторскому искусству у Керенского, Мякотина или, наконец, у самого Ландау!

И «душа» стала бы достаточно «широкой», и слог стал бы менее «банален», и читать Ленина стало бы веселее политическим животным «вида Ландау». Жаль *только*, что *не для них* писал Ленин, а писал для борющихся миллионов—языком, чистота, сжатость, сила и строгая красота которого равны языку Толстого; способом, который сложнейшие вопросы экономики и политики делал скульптурно-выпуклыми и понятными всем (за исключением «вида Ландау»).

Поставим на этом точку над нашими эмигрантами. Подобными отзывами они лучше всего характеризуют свое политическое и идейное ничтожество и разложение. Попытки этих «контрреволюционных социалистов», этих вышибленных пролетарской *коленкой* из СССР мещанских вождей взглянуть на Ленина «с высоты своего величия»—мелочно-глупы, и только.

М-Р БРИТЛИНГ ЗНАКОМИТСЯ С «КРЕМЛЕВСКИМ МЕЧТАТЕЛЕМ».

Ни один иностранец не может приблизиться к этим рекордам. Но есть среди иностранцев люди, сходные в своем отношении к вопросу. Эти, впрочем, уже не пытаются, так сказать, щелкнуть по носу вождя мировой революции, а только *стараются похлопать его по плечу.* Это больше обыватели-мещане, претендующие на звание гениев или социальных пророков. Успех Ленина грозит их той же судьбой, что и гениальным Ландау, Кусковым и Мельгуновым. Он их раздражает и тревожит. И они снисходят до того, что дают о Ленине кисло-сладкие *отзывы.*

Самым типичным из них является **Уэльс.** Его книжка «Россия во мгле» лучше всего доказала, что в лице бесхарактерно-веледушного либерального обывателя Бритлинга (роман «М-р Бритлинг пьет чашу до дна») Уэльс изобразил не кого иного, как самого себя. Посмотрите, *какое сходство с Ландау сразу обнаруживает* Уэльс:

«Ленин **вовсе не писатель;** все *написанное им не дает о нем правильного* представления (спрашивается: который из томов сочинений Ленина Уэльс сумел проштудировать полностью? Н. О.). Короткие резкие памфлеты, выходящие в Москве за его подписью (так вот, оказывается, чем ограничивается эрудиция м-ра Бритлинга! Н. О.), полные неправильных представлений о психологии западных рабочих (эту психологию отлично знает Уэльс! Н. О.), и настойчивые повторения **нелепого** утверждения, будто бы в России произошла *именно* предсказанная Марксом социальная революция, очень мало выражают истинную сущность мышления Ленина, насколько я могу судить по своему разговору с ним. Иногда в этих памфлетах попадаются **проблески** вдохновенного прозрения, но в общем они представляют собою **пережевывание марксистских идей и марксистской фразеологии».**

Этим г-н Уэльс начинает главу своей книжки, посвященной Ленину и снисходительно озаглавленной «Кремлевский мечтатель». Он настолько добр, что признает Ленина гораздо более интересным, чем его писания. Оказывается даже, что *в личном разговоре Ленин не показался* ему «убежденным доктринером-марксистом», любителем «поучать» собеседника. Он «говорил быстро, без всякой позы, без недомолвок, увлекаясь своим предметом,—так, как говорят серьезные ученые» (Ленин, конечно, на самом деле—не серьезный ученый, он ведь даже и не писатель,—*сколько его знает м-р Бритлинг*; но он **говорит,** как серьезный ученый). Но, конечно, Ленин наговорил мудрому Уэльсу целую кучу наивных вещей: например, что капитализм порождает войны (в действительности же порождает войны — по *Уэльсу* — «национальный империализм»), что в земледелие можно *внедрить коллективные начала* (несмотря на то, что русские крестьяне «невежественны и эгоистичны»), что можно построить в России новую, высшую культуру и общественную психологию (несмотря на то, что, по мнению просвещенного британца, «русские по природе своей индивидуалисты и торговцы»). И тем не менее *Уэльсу* было приятно «поговорить с этим необыкновенным **маленьким человеком,** открыто признающим всю громадную **трудность и сложность** задач, стоящих перед коммунизмом, и сосредоточившим все свои *силы* на проведении последнего в жизнь». Приятно было, вероятно, и потому, что Ленин показался великому *Уэльсу* маленьким (хотя бы по росту), а задачи, им на себя взятые, **трудными и сложными,**—по признанию самого Ленина.

Но больше всего поразил маленький *Ленин великого Уэльса своими наивными* рассуждениями об электрификации и восстановлении нашей промышленности.

«Дело в том, что Ленин хотя и отрицает как правоверный марксист всякие «утопии», но в конце-концов сам вдался в **электрическую** утопию. Он всеми силами поддерживает план организации в России гигантских электрических станций, которые должны обслуживать целые области светом, водой и двигательной силой; он уверял *меня*, что две такие открытые станции уже существуют. Можно ли вообразить **более смелый проект в обширной** плоской стране, с бесконечными **лесами,** с **неграмотными мужиками,** с **ничтожным** развитием техники и с **умирающими промышленностью и торговлей.** Такого рода электрификация существует уже в Голландии, говорили о ней и в Англии... Но **вообразить себе применение ее в России можно лишь с помощью очень богатой фантазии.** Я лично ничего подобного себе **представить не могу;** но этот маленький *человек в Кремле, повидимому*, **может;** он видит, как пришедшие **в упадок** железные дороги будут **заменены электрическими... и как разовьется новая коммунистическая промышленность...** Пока я его слушал, **я почти поверил в возможность этого».**

Когда на все этот великий, скептически-снисходительный Уэльс ответил маленькому Ленину: «Это только **эскизы,** наброски», Ленин пригласил его **приехать** в Россию через 10 лет—посмотреть, **«что** мы за это время сделаем».

Не пора ли теперь уже, т. **читатель,** пригласить г. Уэльса вновь **посетить** СССР, еще до истечения намеченных фантазером-Лениным десяти лет? **Можно** будет показать ему Волховстрой, **Шатуру,** Земо-Авчальскую станцию, свозить на балахнинское и вахтанское строительства, повозить по нашим фабрикам и заводам, а затем... дать ему перечитать его собственные писания. Интересно, сумеет ли сей развязный обывательский гений **покраснеть** перед наивностью (мягко выражаясь) своих рассуждений и понять, сколько снисходительного **терпения** обнаружил в 1920 г. великий Ленин в разговоре с маленьким Уэльсом?

КАУТСКИЙ, ЛЕНИН, БИСМАРК.

Отклик Карла Каутского на смерть Ленина добавляет новый оттенок к той гамме тонов, которую мы пред'являем читателю. Перед нами немецкий контрреволюционный социалист, которого так жестоко бичевал великий Ильич. Но этот представитель кенанского социализма еще не потерял (увы!) полного политического кругозора. Он не захлебывается поэтому от классовой злобы, подобно русским «социалистическим» эмигрантам. Он понимает также, что, если бы он попытался перед лицом немецких рабочих вылить ушат помоев на могилу Ленина, эти помои возвратились бы на его голову. Наконец, в уголке его души свербят кой-какие остатки испарившейся марксистской совести...

«Я охотно присоединился бы и ко

Как рождался „Империализм".

Что Ленин великий вождь, величайший теоретик марксизма после самого Маркса—об этом нет надобности напоминать, потому что это постоянно присутствует в памяти каждого, как таблица умножения. А вот о том, что Ленин был самым терпеливым человеком на земном шаре, что Ленин умел вести свою политическую линию среди самых ужасных, самых невыносимых условий, ни минуты не теряясь, не выходя из равновесия и не отступая ни на ноту от этой линии,—об этом полезно вспомнить нам, нам, благодаря Ленину работающим в комфортабельнейших условиях, не имея понятия и о сотой доли тех препятствий, какие стояли на его пути, и теряющим равновесие поминутно.

Передо мной пачка швейцарских открыток. Они совсем не старые—последней из них по времени только-что минуло десять лет. Меньше года отделяет эту переписку от Октября! Меньше, чем через год Ленин был председателем Совета Народных Комиссаров. А в это время он был, как и все мы, одним из узников империалистской войны, и, как полагается арестанту, «подавал» все письма открытками—найдя в этой остроумный способ оштрафовать империалистов. Вы хотите читать все письма всех граждан? Превосходно—читайте! Но за что же я буду платить лишнее и обременять вас лишними трудами по вскрытию конверта? А ленинским бисерным почерком и ленинским изумительным стилем и на открытке можно было написать больше, чем другой напишет на четырех страницах.

Но прежде два слова о поводе этой переписки,—чтобы было понятно читателю. Весною 1916 года я получил в Париже письмо от М. Горького, где мне предлагалось организовать, силами заграничных литераторов, серию брошюр под названием «Европа до и во время войны». Серия должна была дать понятие «самым широким кругам» (читай: рабочим) о том, кто такие наши союзники и наши противники в войне. И понятие о смысле самой этой войны, конечно: об этом в письме, прошедшем военную цензуру, сказано не было, но это было ясно из всего его содержания.

Я до сих пор помню, как будто это было вчера, впечатление, произведенное на меня этим письмом. До этого момента я дышал русским воздухом только через вонючую яму, именовавшуюся «патриотической печатью». Патриотические миазмы заглушали все. Изредка приходили письма — унылые, написанные эзоповским языком, косвенно, собственно, подтверждавшие, что весь мир превратился в кучу нечистот. В письмах от товарищей-литераторов и издателей тянулась одна нота: «ничего печатать нельзя, кроме...». Ну, значит, для нас просто ничего печатать нельзя. И вдруг оказывается, что печатать не только можно вообще, но можно печатать нашу пропагандистскую литературу. Ибо письмо не оставляло тени сомнения, что под заграничными литераторами никак нельзя было разуметь ни Плеханова, ни Алексинского, да и обращение ко мне в таком случае было бы верхом нелепости. Нет, писать и печататься приглашали нас, «пораженцев». На этот счет не могло быть, повторяю, тени сомнения. Что-то там, на родине, сдвинулось, что-то пошло... Вместо миазмов первый раз за два года легкие глотали чистый воздух.

Мы живо разобрали конкретные темы—характеристики отдельных стран. А. В. Луначарский должен был писать об Италии, тов. Зиновьев об Австро-Венгрии, я вместе с тов. Лозовским о Франции; Англию пытались взвалить на А. Ф. Ротштейна, но он отказался, и брошюру написал Херасков, чуть было не сказал: «покойный». Тогда это был казавшийся очень стойким большевик, а теперь сотрудник «Современных Записок»... Для Германии в самом письме указывался тов. Ларин, но до него очень трудно оказалось добраться, и мы списались окончательно только перед самой Февральской революцией, которая, конечно, упразднила всю серию. Теперь можно и нужно было писать не о том и не так...

Брошюры, впрочем, вышли (к ним присоединились еще брошюры тов. Павловича о внеевропейских странах) и даже переиздавались потом уже советскими издательствами.

Но сразу стал вопрос об общем введении—о вводной брошюре, дающей смысл и освещение всей серии: брошюре об империализме. И ясно было с первого же взгляда, что кроме Ленина некому ее писать. У меня не сохранилось открытки с согласием Владимира Ильича взять на себя эту работу—возможно, что ее и не было, так как сношения с «Социал-Демократом» во время войны я вел через тов. Зиновьева. Как бы то ни было, первая открытка моей серии, помеченная 6 июня 1916 года, говорит уже об отсрочке. «Я работаю усиленно,—писал В. И.,—но в силу сложности материала и болезни опаздываю. Очень боюсь, что не успею к этому предельному сроку» (половине июля).

Само собою разумеется, что к предельному сроку Ленин поспел раньше других. Уже открытка от 2 июля извещала, что одновременно с нею идет заказной бандеролью рукопись «Империализма». Перед этим я, очевидно, смутил Ильича письмом, где упоминалось, что издательство, испугавшись собственного размаха, вдруг предложило сократить об'ем бро-



шюры с 5 листов до 3. «Весь материал, план и большая часть работы были уже окончены по заказанному плану на 5 листов (200 страничек рукописи), так что сжать еще раз до 3 листов было абсолютно невозможно»,—писал Ленин. «Ужасно обидно будет, если не издадут! Нельзя ли хоть ходатайствовать тогда о помещении в журнале того же издателя?» [1]). «Что касается до имени автора, то я предпочел бы обычный свой псевдоним, конечно. Если неудобно, предлагаю новый: Н. Ленивцын. Хотите, возьмите любой иной. Насчет примечаний—очень и очень просил бы оставить их; вы увидите из № 101, что они для меня сугубо важны; затем в России читают ведь и студенты etc: им указания литературы нужны. Я нарочно выбрал архиэкономную (в смысле места, бумаги) систему. При мелком шрифте 7 страничек рукописных—это каких-нибудь две странички печатных. Очень прошу оставить примечания или исходатайствовать перед издателем об оставлении их. Насчет заглавия: если неудобно данное [2]), если слово империализм желательно избежать, тогда поставьте: «основные особенности новейшего капитализма» (подзаголовок «попул. очерк», безусловно, необходим, ибо ряд «важных материй» изложен применительно к такому характеру работы). Первый листочек с перечнем глав, из коих некоторые озаглавлены, м.б., несовсем удобно, с точки зрения строгости, посылаю для вас: ежели удобнее и безопаснее, оставьте его у себя, не посылайте дальше». Письмо кончалось пост-скриптумом: «Изо всех сил применялся к «строгостям», трудно для меня это ужасно, чувствую, что неровностей тьма из-за этого. Ничего уж не поделаешь!».

Я нарочно выписал почти все письмо. Во-первых, из него видно, как много мог написать Ленин на открытке. Во-вторых, с какой он, предвещающей будущего председателя Совнаркома тщательностью, предусматривал точнейшим образом все деловые мелочи, до бумаги и шрифта включительно. И в-третьих, в каких условиях приходилось работать величайшему революционеру нашего времени с небольшим за год до его полнейшего торжества. «Походатайствуйте перед издателем...» А через год ходатаем выступал уже сам издатель.

И, конечно, опасения Ленина насчет издателя,—точнее: «издательства», ибо Алексей Максимович был, к сожалению, не один,—оказались правильными. Именно 101-е примечание и подвело—недаром Ильич о нем так заботился. Если вся брошюра была прототипом знаменитого «Империализма», то примечание было зародышем не менее знаменитой брошюры о «ренегате Каутском». Впервые позиция бывшего идеолога левого крыла германской социал-демократии была здесь, в десятке строк, охарактеризована в прямых и точных выражениях. И, конечно, это делало примечание совершенно неприемлемым для издательства. Тут не в цензуре было дело,—цензура позволила бы ругать немца Каутского сколько душе угодно, а в, с позволения сказать, «общественном мнении»: общественном мнении будущей «Новой Жизни». Как, «величайший теоретик марксизма» никуда не годится?! Как, пацифист Каутский—«ренегат»?! Не забудьте, дорогой читатель, что ведь это в 1927 году в СССР «пацифист» есть бранное слово, а во время войны в России на всякого, не кричавшего «ура» или хотя бы и кричавшего, но вполголоса и прикрыв рот рукой, смотрели с уважением. Нет. Напечатать этого «приличное» издательство не могло. И через пару месяцев, списавшись с Питером (тогда это требовало не меньше!), мне пришлось извещать Владимира Ильича, что брошюра пойдет без примечаний, как ни экономно они составлены.

В промежутке оба корреспондента пережили ряд типично «военных» тревожений, когда казалось, что «Империализм» пропал. Французская цензура долго читала рукопись, переписанную несравненно убористым почерком Надежды Константиновны, и я получил бандероль недели три спустя после открытки. Тем временем и туда и оттуда летели открытки и даже телеграммы: где? когда послали? да получили ли, наконец?—Справьтесь на почте и т. д., и т. д. Не могу не привести выдержки из одной открытки этого тревожного периода,—как образчика Ильичева юмора. «Ужасно грустное известие о пропаже заставило автора известного вам плехановского по духу произведения прибегнуть к способу Г. З. (ах, эти немцы! Ведь они виноваты в пропаже! Хоть бы французы их побили!)» [3]). Читатель догадывается, что «плехановское по духу произведение» это и есть «Империализм».

И только уже 21 декабря на мое конфузливое извещение о судьбе «примечаний» я получил ответ —более мягкий, чем ожидал. Попеняв мне, что я дал свое, редакторское, согласие на ампутацию («Не лучше ли попросить издателей: напечатайте, господа милые, прямиком: мы, издательство, удалили критику Каутского. Право, так бы надо сделать...»), В. И. заканчивал: «Вы пишете: «не вздуете?», т.-е. я вас за согласие выкинуть сию критику? Увы, увы, мы живем в слишком цивилизованном веке, чтобы так просто решать дела... Шутки в сторону, а грустно, чорт побери... Ну, я в другом месте посчитаюсь с Каутским».

Я не видал первого русского издания «Империализма», но, кажется, он вышел в неизуродованном виде, ибо случилось это после уже Февральской революции и, если не ошибаюсь, даже независимо от «издательства». Все это было без меня—я вернулся в Россию только в начале сентября 1917 года. И у меня осталось только воспоминание, что однажды в жизни я был редактором Ильича,—как видит читатель, не совсем удачно...

М. ПОКРОВСКИЙ.

[1]) Имеется в виду «Летопись», издававшаяся М. Горьким. **М. П.**

[2]) Т.-е. «Империализм». Цензура не любила, чтобы его величество фамильярно называли по имени. **М. П.**

[3]) Что за «способ Г. З.» (т.-е. тов. Григория Зиновьева), не могу вспомнить. **М. П.**

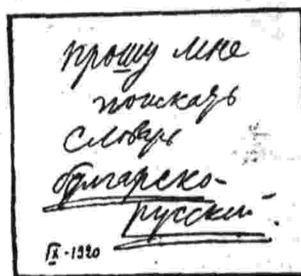
Воспоминания о работе в библиотеке Владимира Ильича.

С громадным волнением шла я для переговоров с Владимиром Ильичем в первый раз. Это было 14 марта 1920 г., в 4 ч. дня. В. В. Воровский, рекомендовавший меня, несколько раз говорил в этот день: «Не опоздайте, Владимир Ильич очень аккуратен и любит точность».

Принял меня Владимир Ильич в зале заседания. Поздоровался, спросил. «Вы будете библиотекарша?». «Да». «Садитесь. Вы спец?». «Нет, библиотечных курсов не кончала, но книжку знаю». «Сможете ли вы доставать мне все в свое время и следить за литературой?». На это я ответила: «Думаю, что смогу, во всяком случае, постараюсь». Кончая разговор, Владимир Ильич предложил мне познакомиться с его библиотекой, и когда я ответила: «Я уже ее посмотрела, она у вас небольшая»,—он удивленно спросил: «Ах, уж видели? Когда?». «Вчера». «Ну, хорошо, приходите завтра работать»

Когда я впервые пришла в кабинет Владимира Ильича, я была поражена простотой обстановки кабинета и небольшим количеством книг, находившихся в шкафах. Мне казалось, что библиотека Владимира Ильича должна быть громадной. Потом, в процессе работы, я поняла, что это не должно быть: Владимир Ильич оставлял в своем кабинете только самое необходимое для работы, не загромождая своей библиотеки и прося отсылать все остальные книги в другие библиотеки, где ими могли бы пользоваться сотни людей.

На следующий день Владимир Ильич просил ни одной книги с места не трогать, сказав, что он уже к ним привык. Я просила разрешить мне хотя бы отделить беллетристику от Маркса и поставить ее в алфавите авторов.—«Это можно». На книжную вертушку, которая стояла с правой стороны письменного стола, просил все же не трогать. После разборки беллетристики я боялась дотронуться до дру-



Прошу мне поискать словарь болгарско-русский

IX-1920

гих книг. Однажды, когда Владимир Ильич пришел в кабинет работать, я ему сказала: «Владимир Ильич, мне нечего делать». Он поднял голову от бумаг, улыбнулся и сказал: «Ну, идите домой отдыхать». Я ответила: «Я говорю не про данный момент, а вообще, так как вы не разрешаете трогать книг». «Делайте с книгами, что хотите, но вертушку не трогайте». В конце концов, он сам попросил разобрать эту вертушку и пополнить ее справочной литературой.

В этой вертушке, которую так оберегал Владимир Ильич, находилась следующая справочная литература: словари, протоколы, постановления и резолюции партийных и советских с'ездов, сессий ВЦИК, конгрессов Коминтерна и т. п., всевозможные статистические справочники, собрание узаконений и распоряжений правительства, словом, все то, что могло понадобиться Владимиру Ильичу в любой момент его работы.

Вот первая записка, полученная мной от Владимира Ильича:

БИБЛИОТЕКАРШЕ.

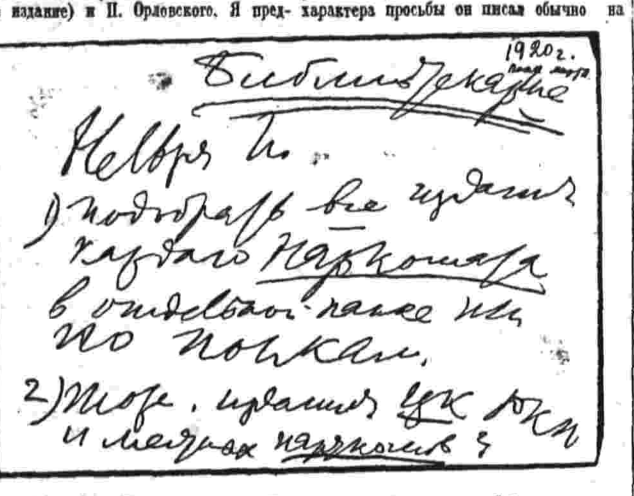
Нельзя ли:

1) подобрать **все издания** каждого **наркомата** в отдельной папке или по полкам

2) тоже: издания ЦК РКП и местных **парткомов?**

В кабинете Владимира Ильича находились собрания сочинений классиков-беллетристов, энциклопедические словари, иностранная литература, немного брошюр Маркса, Энгельса и Ленина и некоторые другие книги. На особой этажерке собирались текущие газеты, которые переплетались комплектами по месяцам и также хранились в кабинете.

В самом начале моей работы Владимир Ильич просил подобрать ему брошюры Маркса, Энгельса и Ленина и переплести для удобства вместе все мелкие брошюры названных авторов. Так, например, был переплетен Манифест Коммунистической Партии К. Маркса и Ф. Энгельса, лучшими переводами которого Владимир Ильич считал перевод Плеханова (женевское издание) и П. Орловского. Я пред-



Библиотекарше 1920 г.

Нельзя ли

1) подобрать все издания каждого наркомата в отдельной папке или по полкам.

2) тоже: издания ЦК РКП и местных парткомов?

ложила Владимиру Ильичу достать «Неизданные статьи» Маркса и Энгельса (1852, 1853, 1854 гг.) («Война и Революция», вып. I). Об этом издании Владимир Ильич не знал. Он просил достать его и внес добавление в своей «Библиографии марксизма» (приложение к статье о Марксе, энциклопедический словарь бр. А. и И. Гранат и комп., т. 28, стр. 244). Со своими брошюрами с 1907—1917, переплетенными вместе, Владимир Ильич не расставался до последнего дня.

При всей своей занятости, Владимир Ильич находил время просматривать все издания, которые он получал, получал же он очень много—не только то, что выходило в России, но много и зарубежной литературы, журналов и газет на русском и иностранных языках.

Владимир Ильич успевал просматривать книги не только в свободное время, но и на заседаниях. Обычно перед заседанием Совета Народных Комиссаров, имея 5—7 свободных минут, он спрашивал: что нового? Просмотрев новинки, он брал их с собой на заседание, а после его окончания возвращал некоторые книги с пометками: частью для оставления в кабинете или же в добавочную библиотеку.

Владимир Ильич очень любил словари и имел их в большом количестве. Как-то я предложила достать новое издание энциклопедического словаря Брокгауза и Эфрона (вышло только 28 томов). Владимир Ильич, перелистывавший в это время книжку, прищурил глаз и, улыбаясь, спросил: «А вы наверно знаете, что такое издание есть?». «Конечно». «Ну, достаньте». Через несколько дней такой словарь был доставлен. Тов. Гринько по просьбе Владимира Ильича прислал ему украинский словарь.

Приведу еще две записки:

«Прошу мне поискать словарь
БОЛГАРСКО-РУССКИЙ.
IX—1920».

«**БИБЛИОТЕКАРШЕ.**
Прошу достать мне и переплести
итальяно-русский словарь.
ДЕ-ВИВА. Одесса 1894. 10/XI—1920 г.».

Через несколько дней итальяно-русский словарь был переплетен и поставлен в вертушку. Когда я об этом сообщила Владимиру Ильичу, он, усмехнувшись, сказал: «Уже сделано? Так быстро? Мерси. Жаль, что не хватает времени читать по-итальянски»!

Обычно Владимир Ильич давал свои поручения устно, или же, если меня в этот момент не оказывалось, писал записки.

Когда я предложила Владимиру Ильичу достать собрание сочинений Чернышевского и переплести его, он согласился и просил также переплести имевшееся у него собрание сочинений Герцена. Он часто возмущался брошюровкой книг: «перегнешь, она вся и рассыпается»,—их изданием, подбором материала; но, если приходили хорошо изданные книги, он искренне радовался и отмечал это.

Такие журналы, как «Еженедельник Правды», «Власть Советов», «Бюллетени ВЦСПС», «Бюллетени НКИД», «Воля Труда» и т. п., Владимир Ильич просил собирать и переплетать комплектами. Такого характера просьбы он писал обычно на журналах; например: «Собрать комплект для моей библиотеки», или «комплект собрать»; «переплести»; «текущие №№ в папку».

Иногда Владимир Ильич просил достать ему какую-нибудь книгу, газету или журнал, на которые ему указывал кто-либо из товарищей.

После приема А. М. Горького, мне передали такую записку:

«Прошу достать (комплект) **Рабочий Край**
в Ив.-Вознесенске.
(Кружок **НАСТОЯЩИХ пролет. поэтов**)
хвалит Горький (Жилин)
(Артамонов)
(Семеновский)
(28/I—921 г.)».

После приема И. И. Скворцова-Степанова, он пишет записку:

«Прошу достать мне брошюрку
Галкин (Горев): «О засухе».
(5/12—921 г.)».

Его просьбы книг были самого разнообразного характера.

Так, например, 30 ноября 1920 г. он пишет:

«Прошу достать мне
Антонио Лабриола:
1) Истор. материализма.
2) О философии,
ПО-РУССКИ И ПО-ФРАНЦУЗСКИ».

Вот еще несколько записок:

«**БИБЛИОТЕКАРШЕ.**
Прошу достать мне книгу:
СИСТЕМА ПРЕМИРОВАНИЯ В МЕТАЛЛИЧ. ПРОМЫШЛЕННОСТИ. С пред. Гольцмана, изд. Цека металл. **1919.**, 87 стр. (1920 г.)».

«**БИБЛИОТЕКАРШЕ.**
Прошу достать мне русские переводы **Гегеля:**
1) Логика.
2) Феноменология.
Изд. **ИСТ.-ФИЛОСОФСКОГО** общества, под ред. **Радлова.**
(24/VI—921)».

«Прошу мне достать книгу на нем. яз.:
Отто Бауэр: «Нов. курс экон. политики в Сов. России».
25/IV—Ленин. (1922 г.)».

Бывало очень досадно и неприятно, если почему-либо нельзя было во-время достать книгу по просьбе Владимира Ильича, а это иногда случалось. Однажды, один из товарищей принес Владимиру Ильичу два журнала: «Экономист» и «Новая Россия». Владимир Ильич показал их мне (я в этот момент вошла в зал заседания) и сказал: «А я этого не получил». Я была очень смущена: «Виновата, я не проследила». Владимир Ильич ответил: «Не вы, а тот, кто посылает».

Владимир Ильич часто просил контролировать его в том смысле—какие книги он берет к себе на квартиру, и следить за их возвращением в кабинет. Если кто-нибудь из товарищей просил книги у Владимира Ильича, он направлял этих товарищей ко мне, говоря при этом: «Библиотекарша у меня строгая», а если давал кому-либо книги,—просил оставлять записки для передачи мне.

Во время эсеровского процесса один товарищ попросил несколько книг из библиотеки Владимира Ильича. Я эти книги приготовила и, когда Владимир Ильич пришел в кабинет, попросила у него разрешения их выдать товарищу, предупредив, что книги Деникина «Очерки русской смуты», том 1-й, вып. I и II—с пометками В. И. На это Владимир Ильич ответил: «Можно. Ничего. Ведь они вернут их?»

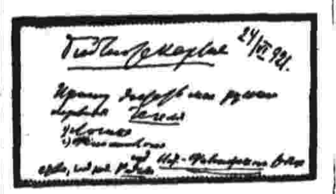
Разнообразные и характерные пометки делал Владимир Ильич на книгах. Например: «Ленин». «Экз. Ленина». «На стол Ленину». «Вернуть экз. Ленина». «В мою библиотеку». «Сохранить на полке. 30/IX—1922. Ленин». «Получил 5/III—1922 Ленин с письмом Гартера».

Много книг, журналов, газет и газетных вырезок с пометками Владимира Ильича сдано в Институт Ленина.

Просматривая издаваемый в Берлине критико-библиографический журнал «Русская Книга», Владимир Ильич часто делал на его обложке отметки с просьбой достать то или иное заграничное издание. Особенно он интересовался книгами Наживина и Савинкова.

Как-то В. И. затребовал 2 книги, одна из них—воспоминание Наживина о Толстом.

На мое требование был прислан ответ, что этой книги нет, а есть дневник Толстого. На что Владимир Ильич пишет мне: «Тов. Манучарьянц. Нельзя ли про-



Библиотекарше 24/VI 921.

верить? Дневник Толстого **мне не нужен.** Мне нужны **ВОСПОМИНАНИЯ НАЖИВИНА** о Толстом, вышедшие **ПО-НЕМЕЦКИ** о «Tolstois Denk wardikeiten». 5 декабря. Ленин (1921 г.).

Посылая книги товарищам, обычно на обложке Владимир Ильич отмечал страницы и фразы, на которые надо обратить особое внимание. Например: «Рыкову. См. особ. стр. 64 и 69—70». (Основания проекта электрификации Северного района).

На «Бюллетенях государственной комиссии по электрификации России» № 5, 1920 г., имеется следующая надпись: «Т-щу **Г. М. КРЖИЖАНОВСКОМУ. Гл. М.!** Верните мне это, пожалуйста, прочитав с 20—21-с парой слов. Ваш Ленин».

На второй вертушке, стоявшей с левой стороны от письменного стола, подбиралась вся литература по тем вопросам, над которыми Владимир Ильич в данный момент работал: об электрификации, о профсоюзной дискуссии и т. п.

К каждому своему выступлению Владимир Ильич много готовился, сам подбирал материал, цитаты. Нужно было следить только за тем, чтобы вся необходимая ему литература была у него под рукой. Быстро перелистывая книгу, он знал уже—даст она ему что-нибудь или нет.

В мае 1922 г. я получила записку от Владимира Ильича такого характера:

«Прошу достать мне
из Соц. Акад.
книги, отмеченные синим карандашом в прилаг. списке.
В. Ульянов (Ленин).
P. S. А если есть, то и список книг по **этому** вопросу.
Ленин».

Очевидно, Владимир Ильич собирался писать работу по научной организации труда. По его просьбе ему были подобраны книги по этому вопросу из его библиотеки, а также был составлен список книг, имевшихся в библиотеке СТО. Кроме того, он просил затребовать списки книг из Института Труда по тому же вопросу. Книги, привезенные из Соц. академии, Владимир Ильич просил оставить в его кабинете.

Дав эти поручения, он уехал в «Горки» и просил ему позвонить из кабинета по автомату и сообщить, что будет сделано. Но вскоре после этого Владимир Ильич заболел и вернулся в Москву лишь осенью, 2 октября 1922 г. К этому времени я ему приготовила всю литературу в добавочной библиотеке, которая находилась рядом с квартирой Владимира Ильича. По своем возвращении из «Горок» Владимир Ильич раза два приходил в эту библиотеку, просматривал книги и просил их не убирать. Но написать эту работу Владимиру Ильичу так и не удалось.

Когда Владимир Ильич готовился к выступлению на IV конгрессе Коминтерна в ноябре 1922 г., он затребовал стенографический отчет и резолюции III конгресса Коминтерна, свой доклад о новой экономической политике на III конгрессе Коминтерна на немецком языке и свою брошюру о продналоге на немецком языке («Naturalsteuer»).

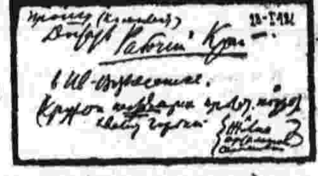
В конце 1922 г., когда библиотека Владимира Ильича стала очень разрастаться, я предложила ему ликвидировать некоторые отделы. Владимир Ильич улыбнулся и сказал: «Хорошо придумали,—ликвидировать», и поручил мне поговорить с Надеждой Константиновной и Марией Ильиничной, что им нужно оставить. «Вы лучше сговоритесь с ними сами, а что мне нужно, вы знаете».

По какой системе ставились библиотеки Владимира Ильича?

Я применяла две библиотечные системы, но увидела, что это не удовлетворит его. Присматриваясь к его требованиям, я пришла к заключению, что самое лучшее, это—выделить сочинения основоположников марксизма, а остальные книги распределить по вопросам, приспосабливаясь к его требованиям.

К своим беглым воспоминаниям о Владимире Ильиче я хочу рассказать еще об одном эпизоде.

Владимир Ильич интересовался в своей библиотеке таким вопросом, как форма перегородок между отделами. Он сказал мне однажды, что карточки с названием отделов не удобны, так как могут легко падать, и надо сделать что-то другое. Он тут же смастерил из бумаги и показал мне образец перегородок. «Поняли?». Я не совсем поняла, но мне неудобно было в этом сознаться. Я ответила: «Поняла». На другой день, когда Владимир Ильич



Прошу (комплект) Рабочий Край

в Ив.-Вознесенске.

пришел в кабинет, я ему призналась, что все же не совсем поняла его образец перегородок, и попросила разрешения придумать что-либо другое, так как его перегородки казались мне не очень удобными. Владимир Ильич разрешил. Вскоре книжные перегородки были получены из Ревеля. Я их спешно расставляю, делаю надписи. Входит Владимир Ильич. «Это что?». Перегородки,—отвечаю. Наверно, из Германии? Хитрые немцы». Это из Ревеля. Я посылала образец. Владимир Ильич расхохотался и сказал: «Я не знал, что вы хитрее немцев». Он ушел в таком хорошем настроении, что долго смеялся, даже пока шел по коридору к себе домой.

Владимир Ильич был прост, внимателен и заботлив к нам, рядовым работникам. С ним было легко и радостно работать.

Ш. МАНУЧАРЬЯНЦ.

ствованию павшего героя пролетарской революции,—пишет он в ответ на запоздавшее предложение высказаться о смерти Ленина.—Правда, я питаю большие сомнения относительно политических и экономических методов, применявшихся Лениным в последние годы; правда, вследствие наших разногласий по принципиальным вопросам я подвергся унизительным личным нападкам с его стороны и еще болезненнее воспринимал я преследования всех тех элементов, в том числе и социалистических, которые, находясь под его властью, расходились с ним во взглядах (как видно, Каутский все же не упускает случая представить мертвому Ленину счетец за себя и за своих друзей-меньшевиков. **Н. О.**). Но... расхождения между нами не должны мешать нам видеть величие умершего. **Он был колоссальной фигурой, каких не много найдется в мировой истории.** Среди правителей великих государств нашего времени есть только один, который сколько-нибудь близко подходит к нему по своей мощи,—это был **Бисмарк** *). И оба имеют между собою немало общего так же в других отношениях. Их цели, конечно, были различны: здесь всемогущество династии Гогенцоллернов в Германии, там—**пролетарская революция.** В этом—противоречие, как между водой и огнем. И мелка была цель Бисмарка, **а цель Ленина—неимоверно огромна».**

Как Бисмарк, Ленин был «человеком упорнейшей, непреклоннейшей и отважнейшей воли», «превосходно понимал значение вооруженной силы в политике», был «образцом дипломатии» и был «всегда готов, раз только видел, что взятый путь не ведет к цели,—без колебаний тотчас круто повернуть и итти по другой дороге». «Ленин далеко превосходил Бисмарка своим интересом к теории, которую ревностно изучал, и своим бескорыстием».

До сих пор все как будто хорошо, кроме слезно-скорбного «приступа» и немецко-обывательского мерила сравнения с «железным канцлером», с героем немецкого мещанина—Бисмарком. Но дальше оказывается, что Ленину не угнаться даже и за Бисмарком в одном существенном отношении—в «знании заграничной жизни». Бисмарк тщательно ее изучал. Ленин же, несмотря на десятки лет эмиграции, не знал даже и того, что **нельзя ждать мировой революции.** «Всякому, кто знает Западную Европу, это с самого начала должно бы казаться иллюзией»,—поучает тень Ленина немецкий Бриттанг.

*) Подчеркнуто автором.

Если бы Ленин мог прочесть эти слова, он, может быть, ответил бы, что «заграничной жизни» он отчасти учился у Каутского, который тогда еще «ждал мировой революции» и не стал еще немецким мещанским социалистом. И если целью Ленина **осталась** пролетарская революция, «неимоверно огромная цель», и притом цель им **достигнутая,** так это потому, что Ленин не «переучивался», не стал ренегатом, не попадал в положение, когда, подобно Каутскому, ему приходилось бы бить себя в лицо противоречивыми заявлениями о том, что в России пролетарская революция совершилась, а в Германии она—невозможна.

«РЕВОЛЮЦИОННАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ» И ЛЕНИН.

Если немецкий контрреволюционный социалист мог позволить себе роскошь сказать пару правдивых слов о значении Ленина, то австрийские социал-демократы имеют возможность быть и еще гораздо смелее. Австрия стала маленькой, целиком зависимой от Антанты страной. Победа революции в Австрии сильнейшим образом зависит от победы ее в смежных больших странах. Стоит только усыпить революционную волю рабочей массы бесспорным, казалось бы, тактическим положением—«Австрия в одиночку начать не **может»** (в действительности **всякая** страна может и должна «начинать в одиночку»), и легко позволить себе довольно значительную «революционность» в **писаниях и речах,** раз устранена необходимость претворять их в дело. Именно этим способом всего удобнее отвлекать пролетариат от практического революционного действия.

Вот почему мы не удивимся, если в брошюре австрийского «революционного с.-д.» (так сами себя именуют австрийские с.-д.) Макса Адлера, посвященной «Героям социальной революции» (Ленину, Либкнехту и Р. Люксембург), мы найдем такие, напр., строки:

«Ленин умер! Ленин скончался в апогее своей всемирно-исторической работы! Это было подобно тому, как если бы иссяк внезапно могучий источник естественной энергии, разрушительного подчас действия которой одни постоянно опасались и против нее боролись, другие же жадно признавали в ней силу, которая способна освободить жизнь и дать ей развернуться во всех путях... Вокруг его фигуры всегда кипели ожесточеннейшие идейные бои, его устное и письменное слово было подобно знамени, поднятому для того, чтобы безошибочно указать определенное направление, неизменно бороться за определенное дело: направление революционной классовой борьбы пролетариата, дело конечной цели марксизма—преодоление классового общества. С этим никогда не пошатнувшимся устремлением в сердце и в мысли Ленин был как бы живой стрелкой компаса, неспособной потерять свое тяготение к цели социализма, ибо его почерпнутое у Маркса и Энгельса социально-революционное миросозерцание проникало его целиком, составляло духовную среду, обтекавшую его так же, как земной магнетизм—стрелку компаса».

Эта характеристика написана тяжелым профессорским слогом, свойственным Адлеру. Она меньше отточена, чем обороты Каутского. Но в отличие от внешнего, так сказать, количественного восхваления Ленина Каутским, Адлер дает Ленину внутреннюю, «качественную» квалификацию. Начав с этой характеристики Ленина, как неизменно последовательного революционного марксиста, Адлер восхваляет его 1) за борьбу против выхолащивающего душу пролетариата оппортунизма, в защиту «революционной практики» Маркса и Энгельса; 2) за введение в жизнь термина «профессиональный революционер»; 3) за разоблачение понятия буржуазной «демократии» как диктатуры буржуазии; 4) за умение соединить отрицание буржуазной демократии с социально-революционным использованием парламентаризма и т. д. Адлер доходит даже до того, что защищает красный террор Ленина, «ибо раз уже террор неизбежен, то красный террор всегда обещает больше надежд, чем белый, не касаясь того, что первый никогда не бывает столь красен кровью, как второй».

Адлер находит у Ленина только пару ошибок: он напрасно поставил ставку на революцию в других странах и он напрасно заложил основание «роковой тактике так называемого III Интернационала», разрушающей единство рабочего движения.

«Во всем» сойдясь с Лениным, Адлер разошелся с ним **только в одном:** в том, чтобы на деле применить «революционную практику» в «собственном доме», в том, чтобы превратить ее из платонических слов в реальное дело. И оставив [illegible] исполненным **только это, ничего** не оставил исполненным, всю совокупность своих рассуждений превратил фактически в хитроумный **обман** пролетариата. И если, увидав это, вновь пройтись по усыпанным революционными фразами страницам брошюры Адлера, из-под этой оболочки заметно начинает вылезать со всех сторон оппортунистический костяк—сухой, мертвый и безнадежный, а пышная оболочка рассыпается **жалкими клочьями...**

МАКСИМИЛИАН ГАРДЕН.

От мещанского социалиста можно услышать долю правды о Ленине: на этом можно заработать в глазах того рабочего-массовика, которому дорог и близок Ленин, хотя бы этот пролетариат еще не дорос до вступления в **партию** Ленина. Но **большую** долю правды о нем можно услышать от современного пацифиста. Это—представитель той мелкой буржуазии, которая быстро и неотвратимо идет ко дну в результате военных и послевоенных потрясений. Часть ее бросается в об'ятия фашизма; лучшая ее часть получает пацифистское устремление. Из этой среды вы и можете подчас услышать слово правды о великом рабочем революционере—тем более яркое, чем больше и для этого слоя социализм становится последней надеждой.

Вот что писал о Ленине Максимилиан **Гарден,** один из представителей современного немецкого пацифизма:

«Он был незаменим: ибо он был не только знаменем и символом, но **самим** делом. Он не может умереть совсем: ибо над его образом, который, как образ Кромвеля, Бонапарта, Бисмарка, мог бы быть созданием великого поэта,—над образом Ленина продолжает неустанно работать народная фантазия. Он—частица исконно-русской земли, не без внешнего и внутреннего отпечатка татарщины. Под стальным логическим сводом ума ученого—инстинкт, здравый смысл и юмор крестьянина, способного мыслить и выражать свою волю в простых образах. Неизмеримо тянется вдаль его влияние: он, а не чья-либо армия или какой-нибудь полководец, побил царизм эпохи второго Николая и увлек за ним в пропасть две великих империи; и Мустафа Кемали, Муссолини, Стамбулийские, Макдональды, даже Эберты, Хорти, Прима-де-Риверы могли стать тем, чем они стали, потому, что был Ленин. Только мелкая тупость может спрашивать себя над этой могилой, допустимо ли «восхищаться» коммунистом без буржуазных оговорок... С инстинктивной безошибочностью Ленин ощущал всякую вытекающую из реальной обстановки необходимость передвинуть вехи, переставить стрелку на другой путь. Без этого инстинкта он не стал бы Павлом русского социализма. Тот самый человек, который немилосердно высмеял призыв Струве «пойти на выручку к капитализму», решился при совершенно другой обстановке признаться: «мы можем и должны учиться у каждого рядового приказчика». Он никогда не был более велик, чем в этой речи на одиннадцатом с'езде своей партии, в величественно-жестокой откровенности этого признания, предписывавшего с высоты Синая стратегически-целесообразное отступление. Болезнь уже подтачивала его тогда. Но прежде чем закатилось его солнце, небо еще раз загорелось от блеска, и ни утро, ни полдень его дней не расточали столь ослепительного великолепия... Для сотен миллионов живущих в тяжелом труде людей он был «Ильич»: отец, брат, друг, хранитель и учитель в одном лице, а для бесчисленных множеств, вплоть до самой темной глубины Азии—огненный маяк надежды. Перелистайте книгу истории: когда, где, сколько раз бывало что-либо подобное?

В этих строках блещет подлинное вдохновение, и эти строки—одни из лучших, написанных Максимилианом Гарденом. «Буржуазные оговорки, конечно, тяготеют и над ними: они относятся не к личности Ленина, **а к делу Ленина,** которому автор верит только наполовину. Но сравните эти строки, написанные иностранным пацифистом, со словоизвержением русского «социалиста» г. Ландау: от Гардена до Ландау, как от неба до земли!

ИДЕОЛОГ НЭПМАНА О НАЦИОНАЛЬНОМ ГЕРОЕ.

Как от неба до земли далеко до Гардена и пресловутому нашему «национально-русскому» (хотя и обретающемуся в Харбине) мыслителю—г. Устрялову. В своей статье о Ленине, перепечатанной в книжке «Под знаком революции», г. Устрялов также пробует взять высокий тон и затрачивает на характеристику Ленина не менее крупные по масштабу определения. Но посмотрите, что у него получается:

«В плане всемирной истории это был один из типичных **великих людей** *), определяющих собою целые эпохи. Самое имя его останется лозунгом, символом, знаменем. Он может быть назван **посмертным братом** таких исторических деятелей, как Петр Великий, Наполеон. Перед ним, конечно, меркнут наиболее яркие персонажи Великой французской революции. Мирабо в сравнении с ним неудачник, **Робеспьер — посредственность.** Он своеобразно претворил в себе и прозорливость Мирабо, и оппортунизм Дантона, и вдохновенную **демагогию** Марата, и **холодную принципиальность** Робеспьера».

«Он был прежде всего **великий революционер** *). Он—не только вождь, но и **воплощение** *) русской революции. Воистину, он был воплощенной стихией революции, **медиумом революционного гения.** В нем жила эта стихия со всеми ее качествами, увлекательными и **отталкивающими,** творческими и разрушительными. Как стихия, он был **по ту сторону добра и зла.** Его хотят судить современники; напрасно:—его по плечу судить только истории».

Не успел человек начать, а уж сколько пошлятины и литературной, и политической успел произвести на свет! По части пошлятины литературной,—что это за бульварное остроумие—жаловать Ленина в «посмертные братья» Петра Великого, Наполеона; что это за «спиритически»-стилистические фокусы («медиум революционного гения»); что это за ломание под лермонтовского Печорина: «Его хотят судить современники; напрасно:—(заметьте, тут обязательно двоеточие и тире для большего «стиля») его по плечу судить только истории». А на какой предмет сам Устрялов пишет тогда статью о Ленине, ежели Ленина по плечу судить только истории?—Что касается пошлятины **политической,** и притом пошлятины с явно контрреволюционным душком,—то состоит она прежде всего в том, что Устрялов, дабы похвалить Ленина, считает необходимым унизить Робеспьера по сравнению с Лениным, а затем и намекнуть на его (Робеспьера) «бездушность» вообще; тут же и Марат оказался «демагогом» (хотя и «вдохновенным»—для противовеса). А в заключение—оппортунист Дантон, демагог Марат и бездушный Робеспьер оказались соединенными воедино в груди Ленина, которая, кроме сего, вмещает в себя стихию революции с ее «отталкивающими» и «разрушительными» сторонами. И стихия сия находится «по ту сторону добра и зла». Иными словами, **мы благополучно причаливаем к водовозовскому «аморализму» Ленина.**

*) Подчеркнуто автором.

*) Подчеркнуто автором.

У Гардена мы читаем: для сотен миллионов Ильич стал отцом, братом, другом, хранителем и учителем. Правда это или неправда? Да, это—правда! Что это означает? Это означает, что для нас, для этих сотен миллионов людей, такие вот характеристики, как г. Устрялова, звучат, как **издевательство классового врага. Ленин—по сю** сторону **нашего** добра и зла. Ленин—представитель **нашего добра,** он—наш отец, брат, друг, хранитель и учитель. Просим запомнить!

Г. Устрялов продолжает:

«Но мало того, что он был великий исторический деятель и великий рево- знаменем Он может быть назван посмерт- чайшим выразителем **русской стихии** *) в ее основных чертах. Он был несомненно **русским с головы до ног.** И самый облик его—причудливая смесь Сократа с чуть косоватыми глазами и характерными скулами монгола—подлинно русский, «евразийский». Много таких лиц на Руси в настоящем, именно «евразийском» русском народе:—«Ильич»...

«А стиль его речей, статей, «словечек»? О, тут нет ни грана французского пафоса, столь «классически революционного». **Тут русский дух, тут Русью пахнет...** В нем, конечно, и Разин, и Болотников, и сам Великий Петр. В грядущих монографиях наши потомки разберутся во всей этой генеалогии... И тогда уже все навсегда и окончательно поймут, что **Ленин—наш, что Ленин—подлинный сын России,** *), ее **национальный герой,** рядом с Дмитрием Донским, Петром Великим, Пушкиным и Толстым».

Сравните и здесь прежде всего Гардена и Устрялова. Первый в правильной пропорции отмечает, что Ленин был истинным сыном своего народа, плоть от плоти его, кость от кости его, и тотчас связывает Ленина с русским мужиком, не забыв отметить и черты «татарщины». А что делает Устрялов? Он производит Ленина в русского «разудалого добра-молодца», в «национального героя», в свойственника благочестивого князя Дмитрия Донского. Нехватает только древне-русского кафтана и сафьянных сапог с загнутыми носками!

От всего этого также разит лжественным буржуазно-контрреволюционным душком. Идеолог нового чумазого капиталиста, нэпмана и пытающегося подняться на ноги кулака, г. Устрялов пытается не только скушать рабочую революцию,—он хочет также проглотить и ее великого вождя.

Нэпман и кулак эту революцию тайно ненавидят—даже тем числом, поскольку они родились или возродились лишь после революции. Они ненавидят диктатуру пролетариата—выражение и результат рабочей революции. Но скинуть насильственно эту диктатуру—слишком болезненный процесс; а скинуть ее значит вернуть в Россию старых хозяев, которые погонят прочь новых пришельцев. Следовательно, надо революцию преодолеть мирным, органическим путем. Ее надо «принять» в свои об'ятия, но так, чтобы в этих об'ятиях от нее и духу прежнего не осталось, чтобы от нее осталась лишь национальная буржуазная революция, а вожди ее остались в учебниках истории, как «национальные герои».

Вот эта-то смешанная психология (контрреволюционного приятия революции) и сказывается в писаниях г. Устрялова. Она-то и подвигает его на то, чтобы одевать Ильича в русский кафтан и подпоясывать его малиновым кушаком.

Что же мы должны сказать на все это г. Устрялову? Т. Устрялов забыл, что Ильич был вождем многих сотен миллионов вне пределов бывшей России, вплоть до «сокровенных глубин Азии». Эти миллионы уже встают по зову Ильича. Они держат в руках его знамя—наше и их общее знамя. Уже по этой одной причине Ильич не может быть обречен на постылую роль «русского национального героя», он **уже стал** реальным героем мировой рабочей революции.

Но и здесь, в этой стране, имя которой было «Россия» и которая теперь именуется иначе, г. Устрялов, мы не отдадим Ильича в грязные лапы нэпманов и кулаков! Не для того сложено теплое и простое имя «Ильич», чтобы знамя, которое оно составляет, упало в буржуазную грязь. Мы не отдадим Ильича, это значит мы не отдадим рабочей революции, не отдадим диктатуры пролетариата, мы построим здесь **социализм, а не нэпмановско-кулацкий капитализм.**—**и мы победим!**

*) Подчеркнуто автором.

*) Подчеркнуто автором.

[illegible]

Мои воспоминания о Владимире Ильиче.

В сентябре 1917 года настроение в Петрограде было уже напряженное. Рабочие начали выступать смело. Активность масс выросла. Чувствовалось приближение серьезных событий.

Я получил через Надежду Константиновну записку от Владимира Ильича и прибыл в Выборг, где он проживал в квартире тов. Латукка (Финна), с приглашением прибыть к нему и устроить ему безопасный путь в Петроград.

Мною было все выполнено, и с Владимиром Ильичем мы благополучно прибыли в Петроград.

Квартира, где он поместился, была найдена Надеждой Константиновной с ведома Владимира Ильича, в доме служащего в трамвайном парке у ст. Ланской, на Выборгском шоссе. Хозяева квартиры были мне неизвестны. Из конспиративных же соображений я, конечно, не справлялся, кто они. Для меня было вполне достаточно, что дома у них бывал Владимир Ильич. Сколько раз уже совершенно седую женщину, которая на данный мною условный стук открывала дверь и на мой вопрос: дома ли Константин Петрович (Владимир Ильич),—пропускала меня в квартиру.

Впоследствии я был уже настолько занят, что совершенно забыл справиться, кто были люди, давшие Ильичу приют при переезде его из Финляндии в Петроград.

Владимир Ильич по прибытии в Петроград лихорадочно принялся за работу. Писал несметное количество статей в «Правду», принимал некоторых товарищей и чаще всего имел беседы с тов. Сталиным. Посетил несколько собраний, созванных по его инициативе. Были собрания с членами ЦК и собрания в Лесном, в доме районной думы 10 октября при участии, кроме членов ЦК, и еще многих ответственных товарищей. На этом собрании Владимир Ильич поставил категорически вопрос о взятии власти.

Я на все эти собрания его сопровождал в качестве его «телохранителя», «конвоира».

События назревали особо быстро, и 23 октября я отнес письмо Владимира Ильича, предназначенное для распространения по районам. В Выборгском районе письмо передал Жене Егоровой, которая перепечатала его на машинке и разослала по районам [1]).

Мне приходилось особенно тяжело, так как все данные Владимиром Ильичем поручения из-за плохих средств передвижения очень трудно подчас было выполнить, а выполнить было надо, иначе Владимир Ильич пробирал меня, хотя и вежливо, но внушительно.

По его заданию я посещал заводы и собрания, на них знакомился с настроением рабочих, приносил ему копии принятых резолюций. Посещал казармы с той же целью, а вечером Владимир Ильич меня расспрашивал подробно обо всем мною виденном и слышанном.

Наконец, 25 октября, я получил сведения, что правительство Керенского намеревается развести все мосты по р. Неве.

[1]) В этом письме Владимир Ильич настаивал на решительном, со стороны партии действии, говоря: «Промедление смерти подобно». Подлинник этого письма остался у меня, но во время моего пребывания в Финляндии затерялся.

По городу были усилены патрули, мосты охранялись отрядами солдат.

Решил ехать к Владимиру Ильичу на квартиру.

Прибыв к нему, доложил о надвигающихся событиях, о том, что если войскам Керенского удастся развести мосты, то в одиночку каждый район будет разбит. Только на Выборгской стороне власть фактически была в руках Красной гвардии, которая, хотя и не особенно хорошо, но все же была вооружена и достаточно спаяна. Имелся даже руководящий штаб. Владимир Ильич выслушал меня и заявил: «Да, сегодня должно начаться». Мы попили чаю и закусили. Владимир Ильич ходил по комнате из угла в угол по диагонали и что-то думал.

Вдруг он заявил мне, что необходимо найти тов. Сталина, и как можно скорее. На это я ему заявил, что это невозможно. Так как я не уверен в том, что можно будет застать его в редакции «Правды». Возможно, что он в Смольном. Итти в Смольный и обратно—надо потратить несколько часов, так как, по всей вероятности, трамваи уже не ходят. Придется итти пешком. По моим расчетам, раньше полуночи тов. Сталин не сможет прибыть.

Выслушав мои соображения, Вл. Ильич заявил: «Тогда пойдем мы в Смольный». Я стал его отговаривать от этого плана, доказывая всячески, какой большой опасности он себя подвергает, если кто-нибудь его узнает. Не понимал я тогда, что совершаю преступление по отношению к революции, отговаривая Вл. Ильича ехать в Смольный. Теперь прошло уже девять лет. Истекла судебная давность, и я полагаю, что меня теперь за то, что я скрыл этот факт, ЦКК не привлечет к ответственности.

Владимир Ильич с моими доводами не согласился и категорически заявил: «Едем в Смольный».

Для безопасности решили всетаки замаскироваться. Поскольку имелась возможность, переменили на нем одежду, перевязали зубы достаточно грязной повязкой, на голову напялили завалявшуюся кепку. У меня было в кармане припасено на всякий случай два пропуска в Смольный. Пропуска были очень грубо подделаны—резинкой подчищены бывшие надписи, и взамен их написаны несуществовавшие фамилии членов Петросовета, при чем чернила расплылись, так что явно бросалась в глаза подделка. Все-таки за неимением лучшего решено было пробраться с имеющимися «липовыми» пропусками.

Было уже около 8 часов вечера, когда мы вышли из дому и пошли по направлению к Сампсониевскому проспекту.

Минут через десять нас у самой остановки нагнал трамвай, шедший в парк. Трамвай был почти пустой. Мы взобрались на заднюю площадку прицепного вагона и благополучно доехали до угла Боткинской улицы, где трамвай сворачивал для дальнейшего направления в парк. Пошли пешком. У Литейного моста на Выборгской стороне на охране моста стояли красногвардейцы в порядочном количестве. Прошли охрану. Нас никто ни о чем не спросил. Дойдя до середины моста, заметили на другом конце его солдат Керенского.

Это была также охрана, требовавшая у прохожих пропуска. Пропусков, конечно, у нас не было.

Солдат окружали рабочие и вели с ними оживленный спор. Владимир Ильич, заметив рабочих, которых не пускали через мост, все-таки решил попытаться пройти. Подошли к групе спорящих. Оказалось, солдаты требуют пропуска, а у большинства так же, как и у нас, таковых не было. По словам солдат, пропусками нужно было запасаться в штабе. Рабочие были возмущены и отчаянно ругали солдат. Мы воспользовались спором и прошмыгнули мимо часовых на Литейный проспект, потом свернули на Шпалерную и направились к Смольному.

Мы прошли уже порядочное расстояние по Шпалерной, когда навстречу показались два верховых юнкера. Поравнявшись с нами, они скомандовали: «Стой! Пропуска!». Я шепнул Владимиру Ильичу: «Идите, я с ними сам разделаюсь». У меня в кармане было два револьвера. В грубой форме я вступил с ними в пререкания, заявляя, что никому неизвестно о том, что введены пропуска, а потому и мы, дескать, не могли таковых своевременно получить. В это время Вл. Ильич потихоньку отделялся от нас. Юнкера угрожали мне нагайками и требовали, чтобы я следовал за ними. Я решительно отказывался. По всей вероятности, они в конце-концов решили не связываться с нами, по их мнению, с бродягами. А по виду мы действительно представляли типичных бродяг. Юнкера от'ехали.

Я догнал успевшего уже отойти порядочное расстояние Владимира Ильича, и с ним вместе мы пошли дальше.

Подошли к Смольному. У дверей его толпились люди. И вот тут выясняется, что пропуска членов Петросовета, бывшие ранее по цвету белыми, переменены на красные. Это препятствие было уже похуже, и к несчастью нашему в ожидающей толпе не было никого из наших товарищей. Толпа ожидающих возмущалась невозможностью пройти в Смольный. Я же возмущался больше всех и громче всех, негодуя, размахивал в воздухе своими «липовыми» пропусками, и кричал, как это меня, полноправного члена Петросовета, не пропускают. Я кричал впереди находившимся товарищам, чтобы они не обращали внимания на контроль и проходили бы, а в самом Смольном мы разберемся. По примеру карманщиков я устроил давку. В результате контролеры были буквально отброшены. Мы вошли в Смольный, прошли во второй этаж. В конце коридора у окна рядом с актовым залом Владимир Ильич остановился, послав меня искать тт. Сталина и Троцкого. Названных товарищей я разыскал и привел к Владимиру Ильичу.

Так как разговаривать в коридоре было неудобно, мы прошли в комнату рядом с актовым залом. В комнате, по средине, находился стол, по сторонам стола стулья. Владимир Ильич уселся на стул в конце стола лицом к дверям актового зала. Тов. Троцкий справа, тов. Сталин и я—слева. Тт. Сталин и Троцкий информировали Владимира Ильича о совершавшихся событиях.

Во время разговора из актового зала, где происходило заседание совета, вошли в нашу комнату три человека—сливки меньшевиков, лидеры их партии: Дан и Либер, а с ними, кажется, Гоц. Один из них (кто именно—не помню) из пальто, висевшего здесь, вынул сверток, приглашая прибывших с ним суб'ектов закусить, так как у него, по его заявлению, есть булка с маслом и колбаса с сыром. Ведя разговор между собою, они совершенно не обращали на нас внимания. Взятый из кармана пальто сверток разложили на противоположном конце стола, за которым сидел Владимир Ильич. Развертывавший пакет поднял голову и тут только узнал Владимира Ильича, несмотря на его повязку. Страшно смутился, спешно собрал свою снедь, и все трое, как настеганные, вышли в актовый зал. Этот случай привел Владимира Ильича в веселое настроение, и он от души хохотал.

Мы тоже вышли, отправившись в одну из комнат Смольного, куда к нам вскоре пришло много товарищей из руководящего ядра партии, приступив без лишних слов к делу—обсуждению создавшегося положения. (Сомнения о возможности построения социализма никто не высказывал. По крайней мере, я этого не слыхал, хотя и терся тут же около них).

В это время в городе шла борьба. Отлично слышна была ружейно-пулеметная пальба.

В актовом зале заседание было закончено—меньшевики торопились к выходу, сознавая, что их карта бита.

Около полуночи было назначено заседание Петросовета. Члены Петросовета не расходились. Заседание началось речью т. Троцкого, который при абсолютнейшей тишине присутствующих об'явил: «Власть Керенского свергнута. Часть министров арестована. Оставшиеся не арестованными будут в скором времени арестованы». Слова Троцкого были встречены аплодисментами.

После речи т. Троцкого председательствующий заявил: «Слово предоставляется Владимиру Ильичу Ленину». Что произошло в зале от энтузиазма присутствующих—я описать не могу. Во всяком случае ружейно-пулеметной стрельбы слышно не было, ее заглушали аплодисменты, которые длились несколько минут, пока не дали, наконец, возможность говорить Владимиру Ильичу.

По окончании заседания направились в нижний этаж. Там собрались, кроме Владимира Ильича, тт. Сталин, Ногин, Милютин, Троцкий, Каменев и др., а следом за ними и я—во исполнение своих обязанностей «телохранителя».

Все расселись на стульях за столом, для меня же стула не оказалось, и я уселся на полу у двери в уголочке, поджав ноги к подбородку.

Разговор у товарищей шел об организации правительства. Встал вопрос о том, как назваться: министры—это название считалось неподходящим. Кто-то предложил название: комиссары—народные комиссары. Так и порешили. Потом стали персонально назначать на должности.

Все это время я сидел в углу и слушал.

Этим мое дело было закончено, и я оказался «безработным».

РАХЬЯ.

Поиски Ильича в первые дни июля 1917 года.

(Отрывки из воспоминаний).

В ночь на 4 июля была разгромлена «Правда». Юнкера лишь случайно не нашли там Ильича, который всего за полчаса перед их набегом заезжал туда по какому-то редакционному делу. О разгроме мы не знали до следующего дня. Утром, когда мы только еще вставали, к нам пришел Я. М. Свердлов и, рассказав о происшедшем ночью, стал настаивать на необходимости для Ильича немедленно скрыться. Было совершенно несомненно, что разгромом редакции дело не ограничится и что Ильичу грозит, конечно, особенно большая опасность попасть в лапы юнкеров. Яков Михайлович накинул на брата свое непромокаемое пальто, и они тотчас же ушли из дома совершенно незамеченными. А мы стали готовиться к визиту непрошенных гостей, в котором мы ни мало не сомневались. К таким ночным посещениям мы достаточно привыкли за нашу революционную работу во времена царизма, но как странно, как оскорбительно было подвергаться обыску в «свободной» России!

Поздно вечером на нашей тихой, безлюдной улице (мы жили в конце Широкой ул. Петроградской стороны) раздался грохот огромного грузовика, который остановился около нашего дома. «Это к нам, это они!»—вскрикнула я. И, действительно, подойдя к окнам, мы увидели, что грузовик остановился около дома, в котором мы жили, и солдаты уже направляются к под'езду. Мы из окон слышали их громкие голоса, слышали, как они переговаривались с дворником или швейцаром, а через несколько минут раздался уже звонок и громкий стук в дверь.

Мы открыли тотчас же, так как скрывать было нечего, и скоро вся квартира наша наполнилась свирепой толпой юнкеров и солдат с ружьями в руках. Они едва пред'явили нам ордер на обыск и уже принялись спешно за разыскивание того, за кем приехали. Помощник начальника разведки с двумя или тремя офицерами и солдатами направились в комнату, где жил Ильич; остальные заняли все другие комнаты.

Хотя мы сказали, что Ильича в квартире нет, они принялись все же искать его всюду, где только можно было предположить, что может спрятаться человек: под кроватями, в шкафах, за занавесками окон и т. п. Потребовали ключи, и, когда я открывала ту или иную корзину или сундук, они набрасывались на нее, прокалывая содержимое штыками. При этом они не соображали даже, что иной раз это была корзина таких размеров, в которой взрослому человеку никак не поместиться. После осмотра той или иной вещи я опять запирала ее на ключ, но скоро убедилась, что это еще больше разжигает страсти. «Если запирает, значит, тут-то он и есть»,—очевидно думали они, и на корзину тотчас же налетали другие солдаты, не видавшие, что ее уже осматривали, и снова заставляли отпирать ее, рылись, кололи штыками. Что лежало в корзине, их не интересовало, вещи они не осматривали; им надо было только убедиться, что там не спрятался тот «немецкий шпион», которого они пришли искать. Старший дворник сновал вместе с ними. Теперь язык у него развязался, и он не боялся уже говорить прямо. «Да если бы я знал раньше, я бы его такого-сякого собственными руками задушил!»—кричал он.

В комнате В. И., где был помощник начальника контрразведки и двое—трое офицеров, обыскивавшие держались более сдержанно. Перерыв все и забрав часть бумаг, они делали все новые попытки что-нибудь выпытать от нас, а двое солдат сидели в это время у стола и перебирали некоторые письма Ильича. Там было немало писем с фронта от солдат, и большинство их было полно восторга и благодарности тому, который указывал им путь к окончанию проклятой войны. Я знала эти письма и, глядя теперь на лица читавших их, видела на них выражение удивления. Как! Немецкому шпиону, предателю интересов родины, которого они пришли арестовать, как своего злейшего врага,—их товарищи по оружию, солдаты из окопов, пишут такие письма!

Один из офицеров тоже было точно в каком-то недоумении. Он все время засыпал нас вопросами, где В. И. жил раньше, что он делал, какие книги написал. «А нельзя ли эти его книги посмотреть?» —спросил он наконец. «Конечно, можно,—ответила я,—да не хотите ли их почитать?»—«А можно их взять?» — спросил наивный офицер, но его товарищи стали делать ему знаки и шептать что-то, очевидно, что, мол, неудобно это, и сконфуженный офицерик умолк.

Выведать, где находится В. И., офицерам, конечно, не удалось. Один из них особенно настойчиво допрашивал об этом Н. К. «Ведь и по старым царским законам жена не обязана была выдавать своего мужа», — прервала я его. Он умолк. Но все же ему удалось узнать, что незадолго перед тем В. И. был в Финляндии у Бонч-Бруевичей. Это имело свои последствия.

Не найдя ничего, обыскивающие удалились, уведя с собой Н. К., М. Т. Елизарова, у которого кто-то нашел сходство с В. И., и нашу прислугу. Последняя не сумела сказать, как зовут «барина», у которого она служит, и контрразведка заподозрила, что она что-то скрывает. Но их подержали недолго и отпустили в ту же ночь, после того, как переусердствовавшие контрразведчики получили от своего начальства нагоняй за то, что привели не тех, кого им было нужно.

Прошло несколько дней. Был пятый час вечера. И опять наша улица наполнилась солдатами, и скоро они опять рыскали по квартире. На этот раз визит их, так как дело было днем, привлек большую толпу любопытных, которые окружили дом со всех сторон. Во главе отряда, пришедшего делать обыск, был молодой офицер. Он был и во время первого обыска, но тогда держался более прилично. Теперь же, чувствуя себя старшим и будучи, вероятно, до последней степени обозлен, что поиски их не приводят к желаемым результатам, он крайне резко напустился на нас, требуя указать, где В. И. Контрразведке, мол, наверно известно, что он приехал сюда. «Его здесь нет, поищите, и вы сами это увидите»,—отвечали ему. Он принялся за поиски, побежал и в кухню. Прислуга наша была довольно несообразительная крестьянка. Она что-то буркнула сердито в ответ на вопрос о том, не приезжал ли кто-нибудь в квартиру, и скоро после этого выбежала по черному ходу на лестницу. Как оказалось позднее, она вспомнила как раз в это время, что надо купить что-то, и побежала в лавку. Ее очень быстро вернули, но верить, что она направлялась в лавочку, офицер никак не хотел. Он был убежден, что ее направили в какую-нибудь другую квартиру этого же дома предупредить В. И., который, очевидно, успел скрыться еще раньше. Накричав на прислугу, но получив от нее довольно решительный отпор,—«что вы, мол, ко мне привязались, не знаю я ничего»,—офицер заявил, что он будет вынужден обыскать весь дом. «А у вас есть разрешение на это?»—спросил его М. Т. Елизаров. Офицерик задумался на минуту и потом, признавая, очевидно, правильность указания, что без разрешения делать обыск во всем доме нельзя, побежал вниз, звонить по телефону в контрразведку. В то же время он отдал распоряжение оцепить весь дом, не выпускать никого и обыскать прилегавший к дому пустырь. А на пустыре были свалены бревна, дрова и всякие обломки, и обшарить все это было дело не легкое. Солдаты носились взад и вперед, приподымали прикладами бревна, спускались в подвальные помещения дома, заглядывали во все щели, но поиски их не увенчались никаким результатом. А офицерик безумствовал. Он ведь был в Финляндии, на даче Бонч-Бруевича, и получил там от кого-то сведения, что Ленин должен быть в Петербурге, у себя на квартире.

Из контрразведки получилось разрешение произвести обыск лишь в одной квартире, расположенной этажем ниже, в которой жил в то время меньшевик Алексей Мисковский (Хундадзе). Обыска там не производили, но осмотрели все комнаты, проверили документы у присутствовавших и убедились, что и там В. И. нет.

Таким образом прошло несколько часов. В нашей квартире оставлены были двое солдат. Мы угощали их чаем с бутербродами и вели с ними разговоры. Бутерброды они ели охотно, жаловались, что вот, мол, землишки мало и война надоела, но к нашим словам относительно В. И., кто он такой и за что борется, относились недоверчиво. Слишком крепко им вбили в голову, что это—немецкий шпион, слишком поражал этих несознательных людей факт его проезда во время войны через Германию. А почему, мол, других не пускают, а его пропустили?

Во время обыска Н. К., возвращаясь из Выборгского района, где она работала, подошла было уже совсем к дому, но, увидав, какой переполох там творится, повернула обратно.

И еще, в третий раз, навестила нас контрразведка. Мы жили тогда уже на другой квартире. К М. Т. приехал племянник, которого в доме не знали. Кто-то нашел в нем сходство с В. И., сообщил об этих своих предположениях куда следует, и снова ночной визит и переворачивание всей квартиры вверх дном. И опять без результата.

М. УЛЬЯНОВА.

Оправдание.

* * *

Страна — святителей, монахов,
Церковных ликов и свечей,
Порфироносных вертопрахов,
Синемундирных палачей,—

Страна — погромов и парадов,
Дворцов и — рядом — свальных куч,
Страна — изысканных нарядов
И прелых, каторжных онуч,—

Страна — невиданных просторов,
Страна — безмерной тесноты,
Страна — культурных разговоров,
Страна звериной темноты,—

Страна — с гранитною столицей
И деревенскою трухой,
Страна — с измызганной «землицей»
И первобытною сохой,—

Страна — насилья и бесправья,
Страна — терпенья без конца,
Была ты книгой без заглавья,
Без сердцевины, без лица,—

Казалось, дни твои уж спеты,
И нет спасенья впереди.
Тебя кляли твои поэты:
— «Сгинь, наважденье! Пропади!!»

Ты — в муках — гибла, пропадала
И, разоренная до тла,
Свой жребий тем лишь оправдала,
Что миру — Ленина дала!

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ.

Ленин и китайская революция.

При первых сведениях о восстании тайпингов Карл Маркс писал в январе 1850 г. в журнале «Новая Рейнская Газета»: «Когда наши европейские реакционеры в своем предстоящем бегстве докатятся, наконец, до Китайской стены, до ворот, ведущих в царство реакции и консерватизма, то, быть может, они прочтут на них надпись: «Китайская республика. Свобода, Равенство и Братство».

Маркс следил с большим вниманием за ходом тайпингского восстания и посвятил ему в «New York Tribune» ряд статей. Второй Интернационал, наследник Маркса, так мало интересовался китайским вопросом, что ни боксерское восстание и хищнический поход мирового империализма на Китай, ни китайская революция 1911 г. не побудили Каутских и Бернштейнов добыть из архивной пыли эти статьи Маркса. Еще два года назад я высказывал удивление по поводу того, что в писаниях Маркса нет и следа его отношения к тайпингскому восстанию. Но вот после шанхайских событий тов. Рязанов опубликовал первую из марксовских статей, посвященных этому грандиозному событию—восстанию тайпингов. Других по сегодняшний день мы еще не знаем, но уже эта одна показывает, что и в китайском вопросе Коммунистический Интернационал является прямым и единственным наследником Маркса. «Можно предсказать,—писал Маркс,—что китайская революция бросит искру в пороховой погреб современной промышленной системы, ускорит давно уже подготовляющийся всеобщий кризис (в Англии. К. Р.), который, перебросившись на континент, вызовет там политические революции. Удивительная картина: в то время, как Китай вносит беспорядок в Западный мир, западные державы пытаются при помощи французских, английских и американских кораблей «создать порядок» в Шанхае, Нанкине и на Великом канале».

Маркс переоценил темп развития. Незначительное участие Китая в мировой экономике того времени не позволило тайпингскому восстанию сыграть эту роль в мировом развитии, но направление развития Маркс нарисовал вполне правильно. Социал-демократия забыла после смерти Маркса о том большом интересе, который он проявлял по отношению к китайскому вопросу. Она так мало интересовалась процессом индустриализации, охватившим Китай уже после смерти Маркса и создавшим предпосылки китайской революции, что кроме нескольких статей Каутского, Кунова, Парвуса, посвященных этому процессу пробуждения великой нации, кроме нескольких агитационных речей, посвященных зверствам европейских капиталистов в Китае, во всей литературе, во всей практике II Интернационала перед войной нельзя найти никаких следов того, что он был современником одного из самых грандиозных событий последних 30 лет.

* * *

Ленин не занимался перед войной особым изучением азиатских отношений, и в его наследстве мы находим только несколько статей, посвященных [illegible] китайскому вопросу. Но между этими статьями и статьями героев II Интернационала—целая пропасть. Это статьи не зрителя, а революционера, прекрасно понимающего, что дело идет о событиях, призванных иметь грандиозное, мировое значение. Пражская конференция большевиков в январе 1912 г., руководимая Лениным, принимает особую резолюцию по поводу китайской революции 1911 г. Она «констатирует мировое значение революционной борьбы китайского народа, несущей освобождение Азии и подрывающей господство европейской буржуазии, приветствует революционеров-республиканцев Китая, свидетельствует о глубоком воодушевлении и полной симпатии, с которыми пролетариат России следит за успехами революционного народа в Китае». Она призывает русский пролетариат бороться против царизма, угрожающего китайской революции, и поддерживающих его либералов.

«Передовая и цивилизованная Европа не интересуется обновлением Китая,—констатирует Ленин,—хотя китайская революция означает, что «400.000.000 отсталых азиатов добились свободы, проснулись к политической жизни, четвертая часть земного шара перешла, так сказать, от спячки к свету, движению и борьбе». Откуда это безразличие? «На Китай эта буржуазия смотрит только как на кусок добычи» («Правда», 8 ноября 1912 г. Ленин, Собр. соч. XII т., 322 стр.).

Понимая мировое значение пробуждения 400 миллионов, Ленин уже тогда пытается разорвать гениальным своим взором покровы, скрывающие внутреннее содержание грандиозной драмы, разыгрывающейся у Тихого океана, пытается продумать основные вопросы китайской революции. Статья его «Демократия и народничество в Китае», появившаяся в «Невской Звезде» 15 июля 1912 г. (Собр. соч., том XX, ч. I, стр. 345—349), поражает еще и сегодня глубиною анализа и является поистине основой политики Коминтерна и советской власти по отношению к китайской революции. Ленин начинает со сравнения взглядов Сун-Ят-Сена, которого он называет «представителем боевой и победоносной демократии», «передовым демократом», со сравнения идеологии сунятсенизма, который он называет «великой идеологией действительно великого народа»—с идеологией и политикой главарей империалистической буржуазии.

«Напрашивается само собой сравнение президента республики в диком, мертвом, азиатском Китае и разных президентов республик в Европе и Америке, в странах передовой культуры. Тамошние президенты республик — сплошь дельцы, агенты или куклы в руках буржуазии, насквозь прогнившей, с ног до головы запачканные грязью и кровью, не кровью падишахов и богдыханов, а кровью рабочих, расстреливаемых за стачки во имя прогресса и цивилизации. Тамошние президенты—представители буржуазии, которая отреклась давным-давно от всех идеалов молодости, которая проституировала себя до конца, продала себя целиком миллионерам, миллиардерам, обуржуазившимся феодалам и т. д.

Здешний азиатский временный президент республики, революционный демократ, полный благородства и героизма, свойственного такому классу, который ненавидит прошлое и умеет сбрасывать его омертвелую и душащую все живое гниль, а не цепляется за охранение и восстановление прошлого ради охраны своих привилегий.

Что же, не значит ли это, что сгнил капиталистический Запад и что свет светит с мистического религиозного Востока? Нет, как раз наоборот. Это значит, что Восток окончательно стал на дорожку Запада, что новые сотни и сотни людей примут отныне участие в борьбе за идеалы, до которых добрался Запад. В Азии есть еще буржуазия, способная представлять искреннюю, боевую, последовательную демократию, достойный товарищ великих проповедников и великих деятелей конца XVIII в. во Франции».

Установив прежде всего эту громадную разницу между империалистическим Западом и китайской революцией, Ленин не довольствуется определением содержания китайского переворота, как буржуазного. Он ставит вопрос: какие же слои будут носителями этой буржуазной революции? Он ставит тот же самый вопрос, который он ставил при определении русской революции 1905 года, как буржуазной, и ответ на который отделил его решающим образом от меньшевизма.

«Главный представитель и главная социальная опора этой способной еще на историческое прогрессивное дело азиатской буржуазии—крестьянин, рядом с ним есть уже либеральная буржуазия, деятели, которые подобно Юань-Шикаю более всего способны к измене; вчера они боялись богдыхана, раболепствовали перед ним; потом, когда увидали силу, когда почувствовали победу революционной демократии, они изменили богдыхану, а завтра будут продавать демократов ради сделки с каким-нибудь старым или новым конституционным богдыханом».

История подтвердила полностью предсказание Ленина. Либеральный Юань-Ши-кай задушил китайскую революцию 1911 года, хотя и не в компромиссе с богдыханом,—он сам хотел сесть на престол, — а в компромиссе с мировым империализмом, давшим ему для этой цели заем в десятки миллионов. Ему удалось это сделать, благодаря тому, что революционным демократам, вроде Сун-Ят-Сена, не удалось в короткое время поднять широчайшие массы крестьянства. Оно поднимается только теперь, возглавляемое пролетариатом, но это ничуть не уменьшает гениальной зоркости нашего учителя, как не уменьшает значения идеи союза рабочих и крестьян в России тот факт, что она не осуществилась полностью в 1905 г., когда он ее выдвинул, а осуществилась в 1917 г., и лишь тогда привела к Октябрьской победе. Вся китайская революция последних лет полностью подтверждает ленинское предупреждение насчет роли либеральной буржуазии; правые гоминдановцы, вроде Тай-Ци-Тао, говорящие о едином фронте с либеральной буржуазией, должны задуматься над предостережением Ленина, если они вообще к этому способны.

Ленин анализирует взгляды Сун-Ят-Сена, высказанные им в 1912 г., его надежду на то, что Китай минует капиталистический путь развития. В предвоенной обстановке Ленин отклоняет эти взгляды, как народнические, и указывает, что аграрная программа Сун-Ят-Сена, программа национализации земли, не означает сама по себе уничтожения капитализма, а, наоборот, очищает путь капитализму. Но он не ограничивается отклонением этой народнической утопии—избежания капиталистического развития путем национализации земли, а показывает нам революционные корни этой идеологии:

«Китайская демократия не смогла свергнуть старого порядка в Китае и завоевать республику без громадного духовного революционного под'ема масс. Такой под'ем предполагает и порождает самое искреннее сочувствие к положению трудящихся масс, самую горячую ненависть к их угнетателям и эксплоататорам. А в Европе и Америке, от которых передовые китайцы, все китайцы, поскольку они пережили этот под'ем, заимствовали свои освободительные идеи, на очереди стоит освобождение от буржуазии, т.-е. социализм; отсюда неизбежно возникает сочувствие китайских демократов, их суб'ективный социализм».

И взгляды Ленина и взгляды Сун-Ят-Сена на основные вопросы китайской революции развивались в дальнейшем вместе с развитием мировой обстановки и китайской революции. Но выше цитированное место Ленина, несмотря на это, ни чуть не теряет своего значения. Метод подхода Ленина к народническим иллюзиям Сун-Ят-Сена в 1911 г. имеет для нас и китайских коммунистов теперь сугубо-важное практическое значение. Китайская революция может победить только как блок рабочих, крестьян и городской бедноты, находящий свое выражение в блоке коммунистической партии с народно-революционной партией гоминдана.

Идеология гоминдана не есть коммунистическая идеология, но было бы глубочайшей политической ошибкой, если бы коммунисты, борясь за свою гегемонию в национальном движении, не пытались понять революционных источников трех принципов Сун-Ят-Сена, которые, как я пытался это показать в своей статье о социально-политических взглядах Сун-Ят-Сена, представляют собой своеобразную форму, в которой мелко-буржуазный демократ и революционер выражают революционное стремление к борьбе с империализмом и с буржуазной демократией, как с орудием закабаления масс. Не голое отрицание трех принципов Сун-Ят-Сена, как мелкобуржуазной скверны, а терпеливое раз'яснение массам бедноты, что программа коммунизма выражает их революционное содержание лучше и яснее,—вот путь, указанный Лениным. На этот путь он указывал в конце своей статьи китайским коммунистам уже тогда, когда в Китае не было еще следа ни коммунизма, ни современного рабочего движения. Статью свою о «Демократии и народничестве в Китае» он кончает следующими многозначительными словами:

«Наконец, насколько будет расти в Китае число Шанхаев, будет расти и китайский пролетариат. Он образует, вероятно, ту или иную китайскую социал-демократическую партию. (Ленин не знал в 1912 г. и не мог знать, что скоро придется нам отказаться от названия социал-демократ, как от позорного. К. Р.), которая, критикуя мелкобуржуазные утопии и реакционные взгляды Сун-Ят-Сена, будет, наверное, заботливо выделять, охранять и развивать революционно-демократическое ядро его политической и аграрной программы».

* * *

Пришла война, Версальский мир, началась мировая революция. Ленин ни на один момент не терял из виду Китая. Мне уже пришлось говорить в другом месте, как во время войны в Швейцарии Ленин многократно предсказывал боевое содружество русской революции и мирового пролетариата с революционным движением Китая, предсказывал громадную революционную роль Сун-Ят-Сена. Европейский капиталистический мир просмотрел индустриализацию Китая во время войны и революционизирующее влияние войны на Китай; он все еще смотрел на эту громадную страну только как на «кусок добычи» и, боясь японских пушек, позволил Японии попытаться урвать сорокамиллионную Шандунскую провинцию. Это было начало конца веры демократического Китая в английский и американский либерализм, и демонстрации китайских студентов в ответ на версальское издевательство явились началом новой послевоенной волны революции в Китае. Ленин заново формулирует свое отношение к проблемам восточной революции вообще и китайской в частности. Его новые формулировки, заслуживающие внимательнейшего отношения наших восточных товарищей, даны в 1920 г. в его тезисах по национальному вопросу, представленных II конгрессу Коминтерна, и в речи, произнесенной на этом конгрессе.

Какие новые мысли вносит Ленин во взгляды, высказанные им до этого времени?

Он, во-первых, ставит вопрос о социальном характере разыгрывающихся перед нашими глазами событий. Уже в своей статье 1912 года, посвященной анализу взглядов Сун-Ят-Сена, он сказал, что вопрос о том, в какой мере будет проведена в жизнь программа Сун-Ят-Сена, «решит международная обстановка и соотношение сил в Китае».

В 1920 г., давая отчет о работах колониальной комиссии II конгресса, он говорит:

«Постановка вопроса была следующая: можем ли мы признать правильным утверждение, что капиталистическая стадия развития неизбежна для тех отсталых народов, которые теперь освобождаются и в среде которых теперь, после войны, замечается движение по пути прогресса? Мы ответили на этот вопрос отрицательно. Если революционный и победоносный пролетариат поведет среди них систематическую пропаганду, а советские правительства придут им на помощь всеми имеющимися в их распоряжении средствами, тогда неправильно полагать, что капиталистическая стадия развития неизбежна для отсталых народностей. Во всех колониях и отсталых странах мы должны не только образовать самостоятельные кадры борцов, партийные организации, не только вести пропаганду за организацию крестьянских советов и стремиться приспособить их к докапиталистическим условиям, но Коммунистический Интернационал должен установить и теоретически обосновать то положение, что с помощью пролетариата передовых капиталистических стран отсталые страны могут перейти к советскому строю и через определенные ступени развития к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития». (Ленин, собр. соч. Т. XVII. 277 стр.).

Задача практической политики коммунистического пролетариата будет устанавливать на всяком этапе развития революции те «определенные ступени», через которые он будет двигаться к социализму. Но ясно, что ленинская постановка увеличивает размах революционного движения, давая ему перспективу перерастания буржуазной революции в пролетарскую. То, что было утопическим народничеством Сун-Ят-Сена в предвоенный период и при ограничении программы социальных преобразований лишь национализацией земли, то перестает быть народничеством и утопией при наличии мировой революции, т.-е. потрясенного в своих основах капитализма, существования советской власти в СССР и революционных движений в капиталистических и колониальных странах. Сунятсеновская программа национализации земли расширена в программу национализации земли, банков, железных дорог, крупных рудников и шахт и является уже программой движения к коммунизму.

Второе изменение, или, правильнее говоря, уточнение взглядов Ленина относится к вопросу о взаимоотношениях между пролетарским движением и буржуазно-демократическим освободительным движением. В тезисах своих, требуя поддержки этого движения коммунистическими партиями, Ленин говорит:

«Надо в особенности иметь в виду... необходимость решительной борьбы с перекрашиванием буржуазно-демократических освободительных движений в отсталых странах в цвет коммунизма; Коммунистический Интернационал должен поддерживать буржуазно-демократические национальные движения в колониях и отсталых странах лишь на том условии, чтобы элементы будущих пролетарских партий, коммунистические не только по названию, во всех отсталых странах были группируемы и воспитываемы в сознании своих особых задач, задач борьбы с буржуазно-демократическими движениями внутри их наций; Коммунистический Интернационал должен итти во временном союзе с буржуазной демократией колоний и отсталых стран, но не сливаться с ней и безусловно сохранять самостоятельность пролетарского движения даже в самой зачаточной форме». (Ленин. Собр. соч. Т. VII. Стр. 215).

Эти свои взгляды он после работ колониальной комиссии еще более уточнил, поставив в тезисах вместо определения «буржуазно-демократическое движение» определение «национально-революционное движение». Об'ясняя это, он говорит:

«Не подлежит ни малейшему сомнению, что всякое националистическое движение может быть лишь буржуазно-демократическим, ибо главная масса населения в отсталых странах состоит из крестьянства, являющегося представителем буржуазно-капиталистических отношений. Было бы утопией думать, что пролетарские партии, если они вообще могут возникнуть в таких странах, смогут, не находясь в определенных отношениях к крестьянскому движению, не поддерживая его на деле, проводить коммунистическую тактику и коммунистическую политику в этих отсталых странах. Но тут приводились возражения, что если мы будем говорить о буржуазно-демократическом движении, то сотрется всякое отличие между реформистским и революционным движением. А между тем различие это за последнее время в отсталых и колониальных странах проявилось с полной ясностью, ибо империалистическая буржуазия всеми силами старается посадить реформистское движение и среди угнетаемых народов. Между буржуазией эксплоатирующих и колониальных стран произошло известное сближение, так что очень часто, пожалуй даже в большинстве случаев, буржуазия угнетенных стран, хотя она и поддерживает национальное движение, в то же время в согласии с империалистической буржуазией, т.-е. вместе с ней, борется против всех революционных движений всех революционных классов.

В комиссии это было неопровержимо доказано, и мы сочли единственно правильным принять во внимание это различие и почти всюду заменить «буржуазно-демократический» выражением «национально-революционный». Смысл этой замены тот, что мы, как коммунисты, лишь в тех случаях должны и будем поддерживать буржуазно-освободительные движения в колониальных странах, когда эти движения действительно революционны, когда представители их не будут препятствовать нам воспитывать и организовывать в революционном духе крестьянство и широкие массы эксплоатируемых». (Ленин, Собр. соч., т. VII, стр. 275).

Стратегия и тактика, которые Ленин предлагает восточным коммунистам, в том числе китайским, разработана во всех основных линиях: 1) организация пролетариев в самостоятельную партию пролетариата; 2) союз рабочих, крестьян и городской бедноты; 3) поддержка национально-революционного движения; 4) временный союз с его партиями; 5) критика их половинчатости и 6) борьба с ними, поскольку они идут на компромисс с мировым империализмом или мешают нам воспитывать в революционном духе крестьянство и эксплоатируемых; 7) поддержка Советского Союза, как центра мировой революции; 8) цель движения не буржуазная, а советская республика, и движение через ряд ступеней при движении через ряд революций к социализму. Одновременно с этими указаниями для восточных революционеров вообще и китайских в частности Ленин дает точные указания коммунистам капиталистических стран и СССР об их обязанностях по отношению к восточным революционным движениям. Он говорит коммунистам капиталистических стран:

«Необходима прямая помощь всех коммунистических партий революционным движениям в зависимых и неравноправных нациях и колониях. Без этого последнего, особо-важного условия, борьба против угнетения зависимых наций и колоний, а равно признание их права на государственное отделение остаются живой вывеской».

Нам же, коммунистам СССР, он говорит, что пролетарский интернационализм требует «способности и готовности со стороны нации, осуществляющей победу над буржуазией, итти на величайшие национальные жертвы ради свержения международного капитала».

Ленин оставил продуманную, до конца цельную политическую систему не только пролетариату СССР, не только западно-европейскому пролетариату, но и рабочим Востока, а особенно рабочим Китая. Уже тяжело-больной, задумываясь о перспективах революционного движения в виду заминки в развитии западно-европейской революции, он обращался мыслью к Востоку и писал в своей статье «Лучше меньше, да лучше».

«Весь Восток с его сотнями миллионов трудящегося эксплоатируемого населения, доведенного до последней степени человеческой крайности, поставлен в условия, когда его физические и материальные силы не идут решительно ни в какое сравнение с физическими материальными и военными силами любого из гораздо меньших западно-европейских государств».

Какие же перспективы имеет революционное движение на Востоке? Ленин указывает на противоречия в лагере эксплоататоров и пишет:

«Исход борьбы зависит в конечном счете от того, что Россия, Индия и Китай и т. п. составляют гигантское большинство населения, а именно это большинство населения и втягивается с необычайной быстротой за последние годы в борьбу за свое освобождение, так что в этом смысле не может быть ни тени сомнения в том, каково будет окончательное решение мировой борьбы. В этом смысле окончательная победа социализма вполне и безусловно обеспечена». (Ленин. Собр. соч. том XVIII, ч. II, стр. 137).

Для ускорения этой победы,—говорит Ленин,—нужно нам «успеть цивилизоваться». В СССР цивилизация эта состоит в социалистическом строительстве. На Востоке в первую очередь в том, чтобы рабочие и крестьянские массы проникались пониманием той политической системы, которую завещал им великий наш учитель, и проводили ее в жизнь упорной революционной борьбой.

К. РАДЕК.

О Каменщике.

И день поблекнул, потемнел и стих;
И мгла подступила, шатаясь.
Вихрь призраком на дороге застит,
В сугробах, за гробом рыдая.

Но в скорби крепко плечо к плечу
Под песней черной и горькой.
Честь каждому, каждому кирпичу
В тяжком фундаменте стройки.

Проселки глухие простерла страна,
Прислушиваясь сурово...
Пылали костры.
Склонялась луна,
И камнем падало слово.

Почуял, как вздрогнула рядом рука.
Чернели вокруг колонны.
Он был неподвижен,
Как-будто слегка
Затих Старик утомленный.

Как-будто бы видел перед собой
Вождь замысел величавый:
Как цветет над болотами Волховстрой,
Как трактор поля встречают.

И злую чадру срывает Восток,
Волнуясь, перекликаясь;
Дымится Кантон,
Как горный поток
Стремясь и века низвергая...

. . . .

Мы верим и помним:
Плечо к плечу—
И в битве и в песне горькой,
И Каменщику и кирпичу—
В фундаменте каждому кирпичу—
Есть слава великой Стройки.

С. ОБРАДОВИЧ.

Нам необходимо сохранить живой образ Ленина.

Три года живем мы без Ленина, три года действует наша партия без его мудрого, личного руководства, идя по начертанному им пути. Когда не стало живого вождя, все взоры партии устремились к оставленному им литературному наследству, ища в трудах Ленина помощи при разрешении сложных задач, стоящих перед нею.

Можно с уверенностью сказать, что сейчас не найдется ни одного сколько-нибудь серьезного, занятого в области партийного, советского, хозяйственного строительства работника, кто бы ни инструктировался в своей работе тем или иным ленинским томом, брошюрой, статьей.

Недаром последнее время на любом партийном собрании сосед твой, особенно, если он рабочий и узнает, что имеешь какое-нибудь отношение к Ленинскому институту,—обязательно поворчит: «Медлите с выпуском томов, сборников, дорогие цены изданий назначаете и т. д.». А также непременный вопрос: «Не написал ли чего еще Ленин, нам до сих пор неизвестное»?

Приходится указывать на сложность подготовки к печати трудов Ленина, на то, что собранное в институте никуда не исчезнет. Крепкое институтское хранилище рукописей Ленина—не людская память, из которой катастрофически быстро все испаряется. Труды Ленина увидят свет—не нынче, так через год, через два. Литературное наследство Ленина дойдет полностью до истинных его наследников, до коммунистических партий и широких пролетарских масс не только нашего Союза, но и всего мира.

В гораздо худшем положении находится другая сторона выявления Ленина, выявление ярких очертаний его живого образа—образа вождя в действии, его методов работы, столь необходимых нам, особенно теперь, когда, по выражению тов. Сталина, на только-что закончившейся XV московской губпартконференции: «Нам требуется более, чем когда-либо, гибкость в руководстве массами, максимальная чуткость к запросам масс, еще раз чуткость и еще раз чуткость». Вот это-то «еще раз чуткость» составляет целую науку, тайны которой нам откроются лишь только тогда, когда будем изучать Ленина и ленинизм не только по его литературному наследству, но и по методам его личного подхода к рабочей и крестьянской массе, и к руководящим группам, и к отдельным выходцам из этих масс.

Мы уже говорили больше о его учении, чем о нем самом. Нам нужно, вместе с его учением, сохранить в памяти живой образ Ленина во всей его рельефности. И эта задача лежит, главным образом, на т.т., которые непосредственно сталкивались с ним на работе, которые видели, как Ленин их выслушивает, слышали, как он их инструктировал, какие указания давал, как держал себя с ними и т. д.

Когда умер Ленин, тов. Бухарин писал про него: «Он привязывал людей пучками тончайших ниточек, он был свой, близкий, родной. Он был в полном смысле товарищ—великое слово, которому принадлежит будущее. Такими будут когда-нибудь отношения между всеми людьми... Эта величайшая простота бывала у Ленина основной чертой его политики». Вот таких товарищей, которые, на основании личного общения с ними Ленина, могли бы привести много живых примеров этой ленинской величайшей и сложнейшей простоты—основной черты его политики, таких товарищей, особенно здесь у нас в Москве, очень много, а рассказали они нам об этом очень мало.

По отношению к моментам непосредственного общения Ленина с широкими рабочими массами многое могли бы рассказать непосредственные устроители огромных митингов в районах, которые происходили в 1918 году в Москве каждую пятницу и на которых до покушения на него на заводе Михельсон Ленин выступал очень часто. Здесь Ленин приходил в личное соприкосновение с рабочей массой, здесь он, помимо основной своей речи, к несчастью, не записывавшейся тогда, всегда вступал в частные разговоры с отдельными группами рабочих; здесь часто раздавался его смех, его шутки.

Мне лично запомнился такой митинг в Рогожском районе летом 1918 года, в саду, на бывш. Алексеевской, теперь Коммунистической ул., где выступал Ленин и где он довольно долго оставался после митинга, окруженный рабочими, с которыми очень живо беседовал; но добраться до него, чтобы услышать, о чем он говорил с рабочими, мне не удалось. А ведь многие из товарищей, беседовавших тогда с Лениным, могли бы рассказать нам кое-что интересное, но тоже не рассказали, не написали, не пришли ни в «Правду», ни в Ленинский институт, ни в Истпарт, чтобы внести свою долю участия в борьбе с раздражающей дымкой времени—медленно, но неуклонно заволакивающей от нас живой образ вождя.

И. БОБРОВСКАЯ.

Большой дом.

Так называют в Горках дом, где жил Владимир Ильич,—в отличие от двух домиков поменьше, расположенных тут же, поблизости: санаторской столовой и домика, где живет А. А. Преображенский, управляющий совхозом «Горки», старинный знакомый Владимира Ильича еще по Самаре.

Лицом своим «большой дом» обращен к небольшой деревушке (это и есть Горки), позади дома—парк, кругом—ограда, за



оградой—по одну сторону санаторий и река Пахра, по другую—совхоз. Вот и все.

Я много раз бывал в Горках, и в моей памяти сохранились поэтому некоторые, очень небольшие, воспоминания, связанные с Вл. И. Эти воспоминания касаются таких, в общем, незначительных и несущественных эпизодов и мелочей, что о них, по всей справедливости, не следовало бы и говорить, тем более, что при этом возникает малоприятная необходимость упоминать и о своей собственной особе, без чего, как известно, не пишутся ни одни воспоминания. Но, с другой стороны, интерес ко всему, что так или иначе связано с Вл. И., настолько велик, что, может быть, и нижеследующие беглые, отрывочные и отрывистые заметки не окажутся совершенно ненужными.

* * *

1920 г. Лето. По дороге к реке Вл. И. заходит в первый санаторский домик, берет весла. Наша публика, увидав Вл. И., посыпалась со всех окон и дверей, окружила Вл. И., просит разрешить нести весла. Вл. И. благожелательно улыбается, шутит, но весел не дает и идет дальше к реке, с веслами на плече, в синей рубашке.

«Грандиозная» рыбная ловля на Пахре. Перетянули поперек реки невод, тащили его с ¼ версты, хлопали по воде, пугали рыбу. Вл. И. принимает в ловле живейшее участие. С большими усилиями выволокли потом невод на отмель и обнаружили в нем всего-навсего две малюсенькие, перепуганные рыбешки, которых и выпустили на волю.

Как-то вечером на санаторскую дачу приходит т. Шмидель (из Хамовнического района), видимо обеспокоенный чем-то, и торопливо рассказывает, что он только-что встретил Вл. И., который пошел через плотину в Горки, один, без всякой охраны. Конечно, Вл. И. всегда ходил без охраны, и не было решительно ничего странного в том, что он отправился в Горки, но все-таки нас всех это как-то тревожило: мало ли что может случиться? Решили тотчас же бегом итти в Горки, сопровождать Вл. И., но только издали, чтобы он не видел. Так и сделали. И пока Вл. И., не спеша проходил по Горкам, а потом тем же путем возвращался обратно, мы поодаль сопутствовали ему, и Вл. И., конечно, не знал, что он идет не один, а «в обществе» нескольких коммунистов.

Только-что вышла «Детская болезнь левизны в коммунизме». В связи с этой книгой я обменивался своими впечатлениями с Н. Ив. Бухариным в парке, около большого дома. Говорили о Клаузевице и об отношении военной тактики к политической. Подошел на несколько минут Вл. И. и, когда Бухарин передал ему тему разговора, заметил буквально следующее: «Клаузевица члены нашей партии и сейчас могли бы с пользой перечитывать. Что касается тактики, то, несомненно, тактика военная и политическая—это соседние, смежные области, Grenzgebiete». Это немецкое выражение я тогда же записал. Слово «смежные области» тоже хорошо запомнилось.

1921 г., январь (или конец декабря 1920 г.). Дискуссия о профсоюзах. Встречаю Вл. И. по дороге к воротам, ведущим в парк. Расспрашиваю на ходу о подробностях (я тогда был болен и в первый период дискуссии не был в Москве). У Вл. Ильича лицо озабоченное, и как-то характерно сжимаются губы. По поводу какого-то моего, видимо, не очень ясного вопроса, Вл. И. переспросил: «Вы имеете в виду опасность раскола?» Хорошо помню, что как раз о расколе я не думал, просто даже мысли такой у меня не было, но, опасаясь показаться в глазах Вл. И. недостаточно вдумчивым и серьезным собеседником, я поспешил (каюсь!) заявить, что да, да, такова именно моя мысль. «Нет, не думаю», или: «Не допускаю мысли». Не ручаюсь за точность этих слов, но отлично помню отрицательный смысл их. Вл. И. спросил затем, видел ли я брошюру Троцкого. Если нет, он может дать ее, но не более, чем на два часа, с обязательством вернуть своевременно. Тут же Вл. И. прибавил, что через очень короткий срок появится и его, Ленина, ответ (должно быть, «Еще раз об ошибке»). В малюсеньком домике, где тогда остановился приехавший на несколько дней в Горки Вл. И., он передал мне брошюрку Троцкого. Ряд мест в ней был подчеркнут Вл. И. На полях множество его пометок. Ровно через два часа я вернул брошюру Над. Константиновне.

Ноябрь или декабрь 1921 г. По случаю какого-то праздника мы, трое товарищей, решили с'ездить в Горки. Раздобыли автосани (их всего тогда на Москву было, кажется, четыре штуки). Поехали часа в два. От'ехали верст 10 от Москвы и, конечно, застряли. Бились, бились,—ничего не выходит, а уже стемнело, вечер. Делать нечего: приходится итти обратно в Москву пешком. Шоферы пошли, кажется, в соседнюю деревню. Идем обратно в Москву, приуныли, только тов. А. Л. в энергичных «рабоче-крестьянских» выражениях облегчает душу, крепко ругая всех и вся. Не успели мы отойти и версты от места крушения, как слышим шум: катит наша машина, фонарями большими освещает дорогу. Видно, шоферы наши успели выбраться из выбоины и теперь нагоняют нас. Мы начали размахивать руками, чтобы автосани не проскочили как-нибудь мимо, и автосани остановились в двух шагах от нас. Тов. А. Л. в последний раз «выразился», уже от радости, этак строк на 40, с диаметром «слышимости» не менее одной версты, и мы, обрадованные, полезли внутрь автомобиля. Можете себе представить нашу растерянность и наш конфуз, когда из автомобиля раздался вдруг смех Вл. И. и его голос, спрашивающий, не простудились ли мы и очень ли устали. Мы залепетали что-то в знак приветствия, а т. А. Л., смущенно повторявший: «Вл. И., неужели это вы?», до того растерялся, что вдруг без всякого к тому повода с отчаянием в голосе произнес: «А знаете, Вл. И., ведь меньшевики и эсеры еще до сих пор сидят на АМО». И начал с необыкновенной быстротой и горячностью рассказывать о кознях меньшевиков. Вл. И. меньшевиками и эсерами заинтересовался, и тов. Л. имел возможность, оправившись от смущения, рассказать Вл. И. о положении на заводе АМО, где меньшевистско-эсеровские элементы действительно очень долго давали о себе знать. (Дело в том, что Вл. И. как раз в это время ехал на своих автосанях из Горок в Москву, встретил на пути нашу застрявшую в снегу машину и, узнав от шоферов, что их седока отправились пешком в Москву, решил нас подобрать. Мы же, конечно, никак не ждали, чтобы на этой дороге могли появиться еще какие-то автосани, кроме наших). На другой день или через день тов. Рогов из Моск. Совета звонил к нам в Агитотдел МК и справлялся, по поручению Вл. И., о состоянии партийной организации на АМО и о работе на этом заводе меньшевиков и эсеров.

1923 г. Летом Вл. И. прошел однажды сам, опираясь на палку, поднялся на лестницу к А. А. Преображенскому в его маленький домик и пробыл там дня два. Потом опять вернулся к себе в большой дом.

Как раз во время сельскохозяйствен-



ной выставки, осенью, произошел чрезвычайно знаменательный, никем, к сожалению, не описанный эпизод: поездка, последняя поездка больного Вл. И. в Москву. Несмотря на беспокойство близких, Вл. И. настоял на этой поездке. Рассказывают, что завидев Москву, Вл. И., радостный и возбужденный, все время указывал на нее здоровой рукой своим спутникам. Затем Вл. И. проехал мимо сельскохозяйственной выставки, был в Кремле, здоровался с красноармейцами, был у себя на квартире. Вечером автомобиль пошел обратно в Горки, и Вл. И. в течение нескольких дней после этой поездки был задумчив и печален.

1924 г. В начале января, вечером, я проходил мимо большого дома. Кругом стояла особая «горкинская» тишина. И вдруг с балкона я услыхал голос Вл. И. Похоже было, как-будто он что-то спрашивал, и Над. Константиновна ему отвечала.

В разное время я довольно близко видал в Горках Вл. И., не показываясь, конечно, ему. Я видел, как изменился Вл. И. за полгода—восемь месяцев, как постепенно исчезало болезненное выражение с его лица. И все, кто встречался в это время с Вл. И., выносили неотразимое впечатление выздоравливающего Вл. И. Приходил сияющий товарищ Вевер (заведующий санаторием) и рассказывал, как он совершенно неожиданно увиделся с Вл. И. и как Вл. И. с ним поздоровался, такой же приветливый, как всегда. О том же передавал и тов. Панков, показывавший Вл. И. работу трактора, и товарищи, бывшие в декабре на вечере, устроенном в большом доме для ребятишек, и видевшие там Вл. И. «Та же улыбка, та же приветливость, только в глазах что-то печальное». Всем нам казалось, что Вл. И. выздоравливает. Но ничто не могло меня лично так укрепить в этой мысли, как слышанный мною вечером голос Вл. И. (а я не слыхал его со времени выступления Вл. И. в Большом театре в декабре 1922 г.): это был настоящий голос настоящего Ильича, глубокий и звучный, такой, какой мы все слышали на собраниях, где выступал Вл. И.

21 января. О Вл. И. известно, что еще совсем недавно он ездил на охоту, но последние два дня ему нездоровится. Так как неоднократно бывали случаи, когда при общем улучшении состояния здоровья Вл. И. выпадали и менее счастливые дни, то и этому недомоганию не придавали большого значения. В домике, где живет А. А. Преображенский, всегда известно, в каком состоянии здоровье Вл. И., как он спал, ел, как себя чувствует. Сегодня была М. Ил. Да, немного хуже обыкновенного, но и только. Ничего тревожного. Часов в 12 (или позже?) в санаторий, где теперь, во время болезни Вл. И., живут только доктора и приехавший на пару дней Н. И. Бухарин, пришел из большого дома один из докторов и сообщил, что дело идет к явному улучшению и «старик сейчас спит». «К весне вылечим наверняка». Разговор с Н. Ив.: что же, может быть, Вл. И. еще будет на с'езде, скажет хоть маленькую речь? Почему это невозможно?

И никто не знал, что сегодня последний день в жизни Ленина.

6 часов вечера. Я был в маленьком домике, когда пришел кто-то от Марии Ильиничны с просьбой прислать камфару. Я не знал, для чего вообще существует камфара, и спросил об этом. Мне шопотом ответили, что камфара нужна для усиления деятельности сердца, когда сердце ослабевает. После этих слов сразу стало тревожно и беспокойно. Нельзя было справиться с этой тревогой. И я тотчас же решил пойти к Бухарину в санаторий (это довольно далеко от большого дома) и сказать ему о камфаре. Бухарин работал, когда я вошел к нему в комнату. Я не решился тотчас же передать о камфаре, боясь, что Н. Ив. упрекнет меня в паникерстве, но Н. Ив. сам заметил: «Знаете, со стариком что-то плохо. Все доктора ушли в большой дом». Тогда я решился сказать о камфаре. Н. Ив. изменился в лице: «Кто вам об этом сказал?» И сейчас же пошел со мною к большому дому. Мы условились, что Н. Ив. подымется наверх (Вл. И. жил на втором этаже) и узнает у М. Ил. о состоянии здоровья Вл. И. (вообще, чтобы не волновать Вл. И., товарищи не показывались ему), а я подожду Н. Ив. внизу.

Кругом стояла тишина. Все казалось обычным как всегда. Но было кое-что и необычное, тревожное: освещенные окна наверху. Кто бывал в Горках, знал, что в это время окна наверху не должны быть освещенными, и если наверху свет, значит там что-то происходит. И другое: на мой вопрос, где тов. Пакали, начальник охраны, дежурный товарищ ответил, что Пакали наверху. Обычно Пакали не должен был в это время находиться наверху. Смущенный, я обошел кругом большого дома. Вдали кое-где виднелись черные фигуры товарищей, охраняющих большой дом. Все как обычно.

Бухарин не возвращался. Я еще раз зашел в большой дом, посмотрел на часы. Было семь часов вечера. Значит, прошло уже десять минут, как Владимир Ильич умер, но ничто не говорило о его смерти, и даже отдаленной мысли об этом не было: самое большее, о чем можно было предполагать, это возможность какого-нибудь ухудшения в здоровьи Вл. И., припадка или удара.

Я вернулся в домик А. Преображенского. Всегда беспокойно, когда с Вл. И. какое-нибудь ухудшение, и нельзя тогда ничего делать. А из большого дома никто не приходит, и неизвестно, что с Вл. И. Ухо чутко ловит всякий звук.

Вдруг резко, с размаху хлопнула дверь внизу. Все бросились к лестнице. И через секунду, не успел я выбежать на площадку, как раздался чей-то ужасный, ни с чем несравнимый крик, который без слов говорил о том, что в большом доме случилось что-то непоправимое...

* * *

Навсегда врезались в сознание большая, ярко освещенная комната и лежащий посредине ее на столе мертвый Ленин.

Самое первое, мгновенное впечатление такое, как будто Вл. И., крепко сжав протянутые вдоль тела руки, застыл на мгновенье в позе человека, собирающегося сейчас, сию минуту привстать или подняться коротким усилием напряженных мышц и мускулов.

Похоронная процессия. По пути каждый уголок напоминает о Ленине. Идут по шоссе-аллее. Здесь, недалеко от ворот, в 20-м году Вл. И. стоял, окруженный группой крестьян, должно быть, из какой-нибудь окрестной деревни, и о чем-то с ними беседовал. Идут мимо санатория. Сюда Вл. И. приходил в 21-м году и на балконе играл в шахматы с тов. Вейсбродом. Идут мимо площадки. Тут когда-то Вл. И. играл в популярные среди «горкинцев» городки и шутил, что Бухарин «бьет все влево»... Все дальше уходит процессия от опустевшего большого дома. В нем все как обычно. Но уже не слышно больше наверху характерного постукивания палочки, опираясь на которую передвигался больной Вл. И.

День похорон. На большом доме вывешен черный флаг. Товарищи из военной охраны Вл. И., шесть—семь человек, молча выстроились перед террасой, лицом к деревушке Горки. 4 часа. Далеко-далеко из-под Москвы доносится глухой и протяжный гул. Потом еще и еще... Это пушечные залпы, артиллерийский салют слышен в Горках. Тогда товарищи из военной охраны в свою очередь подняли ружья и трижды выстрелили в память Вл. И. Потом постояли немного, задумчивые и сосредоточенные, и один из них тихо сказал: «Вот нам и некого теперь больше охранять»...

* * *

Зимою в парке стоял глубокий снег. А весною, когда снег сошел, на узкой дорожке, ведущей от большого дома в глубь парка, ясно, ясно проступили борозды и колеи, оставшиеся от кресла, в котором возили по парку больного Ильича. И нельзя было без волнения смотреть на эти следы Ильичева кресла.

ВЛ. СОРИН.

В эту ночь.

За окном то и дело хрустит снег. Сдавленные разговоры.

Это бегут туда... к нему... отдать последнее рабочее прости.

Наши ребята ушли с вечера и возвратились только к часу ночи.

— Очередь агромадная, насилу попали!

Прибежали и мы. Очередь оказалась небольшой. Несколько минут, и уже бесшумно поднимаемся по лестнице, покрытой малиновым ковром.

Шпалерами, как застывшие, стоят красноармейцы. Тишина. Только тихо шуршат ноги, да изредка прорывается сдерживаемый кашель.

Еще немного. Хочется скорей увидеть, а очередь так медленно двигается...

Ближе... ближе... Вот уж видны люстры Колонного зала. Еще несколько шагов,—и перед нами всем близкое, всем дорогое тело Ильича. Сердце сжимается от боли, спазмы подступают к горлу. Ощущение потери самого большого и самого дорогого в жизни.

Я окинул взглядом движущихся людей. На лицах слезы или придушенная скорбь.

Особенно эта скорбь была заметна у старичка-крестьянина, стоявшего в почетном карауле у гроба Ильича.

Послышалось несколько старательно сдерживаемых глухих всхлипываний, и вдруг на весь зал раздирающий крик, обмороки. Все плачут. Плачут женщины и плачут крепкие мужчины.

Казалось, тысячи жизней было бы отдано этой неумолимой и беспощадной смерти, если бы была возможность вырвать, спасти одну жизнь Ильича.

И. Р.

Сегодня, в 6 час. веч., в Большом театре состоится заседание ЦК, ЦКК, МК, МКК ВКП(б), ЦК и МК ВЛКСМ, Института Ленина, ЦИК СССР и ВЦИК, Моссовета, ВЦСПС, МГСПС и других рабочих организаций, посвященное 3-ей годовщине смерти В. И. Ленина. Билеты в АПО райкомов. Члены ЦК и ЦКК, МК и МКК ВКП(б), ЦК и МК ВЛКСМ, ЦИК СССР и ВЦИК, Моссовета, ВЦСПС, МГСПС проходят по своим мандатам.

ВСЕМ ЯЧЕЙКАМ ВКП(б) КРАСНОЙ ПРЕСНИ.

В субботу, 22-го января, в 6 час. вечера, в театре им. КАЛЯЕВА состоится **траурное заседание пленума Красно-Пресненского райкома ВКП(б), ВЛКСМ и райсовета, посвященное 3-летию смерти В. И. ЛЕНИНА и памяти 9-го января 1905 года.**

Вход по особым билетам, которые выдаются в орготделе Р.К., комн. № 21. Члены РК, РКК, РК ВЛКСМ и райсовета проходят по своим мандатам.

Секретарь райкома **М. Рютин.** Председатель райсовета **С. Михайченков.**

Учение Ленина о войне и наша борьба за мир.

Большевики—единственные до конца последовательные противники империализма и империалистических войн. Большевики одни до конца будут бороться за мир.

Но уже давно сказано: если хочешь мира, готовься к войне. Для пролетарских революционеров это, между прочим, означает: если хочешь бороться за мир, то надо прежде всего ясно понимать историческую, классовую природу войны, надо заранее знать, как бороться с войной, когда она возникла.

Задача борьбы за мир—в интересах социализма и международной революции—встает теперь перед нами с особенной силой. Именно поэтому сейчас исключительно важно еще раз вдуматься в учение Ленина о войне.

* * *

Учение о войне является одной из важнейших составных частей ленинизма.

«Самой большой трудностью является преодоление того предрассудка, что это вопрос простой, ясный и сравнительно легкий»,—писал в декабре 1922 г. Ленин.

Учение Ленина о войне сложно уже потому, что освещает 1) и задачи пролетариев тех стран, где у власти стоит еще буржуазия, 2) и задачи колониальных и полуколониальных народов, 3) и задачи пролетариев той страны, где существует уже пролетарская диктатура. При чем внутри этой эпохи пролетарской диктатуры, в свою очередь, Ленин различает свои особые периоды.

* * *

Учение Ленина о войне корнями уходит в общее учение Маркса и Энгельса.

«Кто ссылается теперь на отношение Маркса к войнам эпохи прогрессивной буржуазии и забывает о словах Маркса: «рабочие не имеют отечества»,—о словах, относящихся именно к эпохе реакционной отжившей буржуазии, к эпохе социалистической революции,—тот бесстыдно извращает Маркса и подменяет социалистическую точку зрения буржуазной». Так писал Ленин в известной брошюре «Социализм и война», вышедшей в 1915 году.

В начале войны 1914 г. социал-шовинисты всех стран, не исключая «наших» Плеханова и Чернова, уверяли, что, защищая свое отечество (т.-е. на деле «свою» буржуазию) в империалистской войне, они якобы поступают «по Марксу». Весь II Интернационал, разделившись на два лагеря,—соответственно двум большим империалистским коалициям, враждовавшим друг с другом,—утверждал направо и налево, что, призывая к «защите отечества» в империалистской войне, он лишь выполняет заветы Маркса и Энгельса.

Понадобилась серьезнейшая предварительная работа со стороны Ленина, чтобы и в этой области прежде всего восстановить подлинные взгляды Маркса и Энгельса и тем очистить марксизм от грязных пятен и жирных поцелуев социал-шовинистов. Ленину прежде всего надо было поставить вещи на место.

С какой гордостью Ленин в 1918 году, уже после победы Октябрьской революции, говорил об оправдавшемся «научном пророчестве» Энгельса, который еще в 1887 г. во многом предсказал обстановку первой всемирной империалистской войны.

В предисловии к брошюре Сигизмунда Боркгейма: «На память немецким убийцам-патриотам 1806—1807 годов» Фридрих Энгельс в 1889 г. рисовал картину будущей всемирной войны в следующих выражениях. Энгельс говорил:

«...От восьми до десяти миллионов солдат будут душить друг друга и об'едать при этом всю Европу до такой степени дочиста, как никогда еще не об'едали тучи саранчи. Опустошение, причиненное тридцатилетней войной,—сжатое на протяжении трех—четырех лет и распространенное на весь континент,—голод, эпидемии, всеобщее одичание как войск, так и народных масс, вызванное острой нуждой, безнадежная путаница нашего искусственного механизма в торговле, промышленности и кредите... короны дюжинами валяются по мостовым и не находится никого, чтобы поднимать эти короны, абсолютная невозможность предусмотреть, как все это кончится и кто выйдет победителем из борьбы,—только один результат абсолютно несомненен: всеобщее истощение и создание условий для окончательной победы рабочего класса... Пусть война даже отбросит, может быть, нас на время на задний план, пусть отнимет у нас некоторые уже завоеванные позиции. Но если вы разнуздаете силы, с которыми вам потом уже не под силу будет справиться, то, как бы там дела ни пошли, в конце трагедии вы будете развалиной, и победа пролетариата будет либо уже завоевана, либо все-ж-таки (doch) неизбежна».

«Какое гениальное пророчество!—с восторгом говорил в 1918 г., вспоминая это предсказание, Ленин.—И как бесконечно богата мыслями каждая фраза этого точного, ясного, краткого, научного классового анализа!..»

Учение Ленина о войне обеими ногами стоит на почве марксизма. Но как гениально сумел Ленин применить общее учение Маркса и Энгельса в вопросе о войне в новый период человеческой истории, когда сдвинулись исторические пласты, когда жизнь потекла с такой головокружительной быстротой!

«Была пора,—писал Ленин,—etwa 1871—1914, когда надо было развивать отсталых всеобщим голосованием, без революции (плюс стачки etc). Пришла пора революций (1917—), когда развивает ход революции пролетариата его гражданская война» [1]).

Была пора! Но и в эту сравнительно мирную пору Ленин неустанно разрабатывал, развивал и обогащал теорию Маркса и Энгельса, в частности их учение о войне. И когда всемирный пролетариат вошел в 1917 г. в новую полосу бурного развития, его вождь Ленин дал нам учение о войне, разработанное почти во всех деталях и представляющее собою надежнейший компас в начавшейся эпохе бурь и гроз.

* * *

Сравнительно простым представляется вопрос об отношении к русско-японской войне 1904—1905 гг.

Пораженчество не было совершенно новым течением в русском революционном движении. Достаточно напомнить, что на Цюрихском международном конгрессе II Интернационала (1893 г.) Г. В. Плеханов—тогда общепризнанный вождь русского марксизма—произнес ярко пораженческую речь (ср. «Против течения», стр. 74—75). Целиком солидаризуясь с тогдашними работами Фридриха Энгельса («Социализм в Германии» и «Иностранная политика царизма»), Плеханов бичевал франко-русский союз и открыто призывал поражение на голову царской России. В более или менее революционном духе выступил Плеханов и на Амстердамском международном конгрессе (1904 г.) после начала русско-японской войны. Пораженчество не было чуждо тогда и буржуазно-демократическим и даже либеральным слоям русского общества, поскольку: 1) помещичий царизм давил еще и буржуазию и 2) российский пролетариат не поднялся еще во весь свой рост и не стал еще прямой угрозой частной собственности.

Но только большевизм под руководством Ленина сумел в русско-японскую войну занять последовательную и до конца выдержанную пораженческую позицию—не просто позицию революционного демократа, желающего поражения шайке царя и диких помещиков, но позицию пролетарского интернационализма, стремящегося использовать военный кризис, чтобы максимально расшатать устои капитализма вообще.

И замечательно: чем ближе придвигалась эпоха социалистической революции, тем больше пораженчество вождей II Интернационала (в частности русских меньшевиков и Плеханова в том числе) линяло, а к 1914 году сменилось «защитой отечества» в империалистской войне. У Ленина же наоборот: чем ближе надвигалась полоса пролетарских революций, чем больше разгоралась борьба против капиталистического строя, тем более законченным и последовательным «пораженцем» выступал Ленин.

И понятно почему: революционный класс в реакционной войне не может не желать поражения «своему» правительству—вот одна из основных аксиом ленинского учения о войне.

* * *

Но вот надвинулась война 1914 года. Крах II Интернационала, кризис социализма обнаружились с полной несомненностью. И вот тут-то начинается особенно сосредоточенная и особенно плодотворная работа Ленина над проблемами войны. Именно между 1914—1917 годами лежит интенсивнейшая разработка учения Ленина о войне.

Живя в изгнании, Ленин работает и в эту пору не только для российского пролетариата, но собирает вокруг себя циммервальдскую левую, завязывает связи с одиночками и группами пролетарских революционеров, оставшихся верными интернационализму.

«Превращение империалистской войны в войну гражданскую» — вот первый практический лозунг, который бросает Ленин международному пролетариату уже в 1914 году, как только началась империалистская война. Этот лозунг по его величию можно сравнивать только с Марксовым лозунгом: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

И в то же время Ленин садится за свою известную работу—«Империализм» как новейший этап капитализма». Это—одно из крупнейших научных произведений Ленина, это, в сущности говоря, сходит по-вого тома «Капитала»; эта работа намечает во всем основном исчерпывающий анализ последней стадии капитализма.

Учение Ленина о войне, разумеется, теснейшим образом связано с его общим учением об империализме. «В «Империализме» дано преимущественно экономическое, строго научное освещение проблемы; изложение местами нарочито сухое, ибо книга предназначалась для легального издания при царской цензуре. В других же работах Ленина того времени (собранных в сборнике «Против течения») дана разработка всего учения Ленина о войне. «Империализм» плюс работы Ленина, напечатанные в сборнике «Против течения» — вот главные произведения, излагающие ленинское учение о войне.

Социалисты всегда осуждали войны между народами как варварское и зверское дело. Но наше отношение к войне принципиально иное, чем буржуазных пацифистов и анархистов. От первых мы отличаемся тем, что понимаем неизбежную связь войн с борьбою классов внутри страны, понимаем невозможность уничтожить войны без уничтожения классов и создания социализма, а также тем, что мы вполне признаем законность, прогрессивность и необходимость гражданских войн, т.-е. войн угнетенного класса против угнетающего, рабов против рабовладельцев, крепостных крестьян против помещиков, наемных рабочих против буржуазии. И от пацифистов, и от анархистов мы, марксисты, отличаемся тем, что признаем необходимость исторического изучения каждой войны в отдельности. (Ср. «Социализм и война»).

Нужно различать исторические типы войн нового времени. С 1789 до 1871 гг. одним из типов войн были войны буржуазно-прогрессивного, национально-освободительного характера. Главным содержанием и историческим значением этих войн было свержение абсолютизма и феодализма, подрыв их, свержение чуженационального гнета. Это были прогрессивные войны... Например, в революционных войнах Франции был элемент грабежа и завоевания чужих земель французами, но это нисколько не меняет основного исторического значения этих войн, которые разрушили и потрясли феодализм и абсолютизм всей старой крепостнической Европы. Во франко-прусской войне Германия ограбила Францию, но это не меняет основного исторического значения этой войны, освободившей десятки миллионов немецкого народа от феодального раздробления и угнетения двумя деспотиями—русским царем и Наполеоном III. (Там же).

Отсюда и то, что к вопросу о наступательной и оборонительной войне Ленин подходит совершенно по-другому, нежели вожди II Интернационала. Он отбрасывает и высмеивает вульгарную постановку этого вопроса: «кто первый напал, тот и виноват».

«Если бы завтра Марокко об'явило войну Франции, Индия—Англии, Персия или Китай—России (царской России) и т. п., это были бы «справедливые», «оборонительные» войны, независимо от того, кто первый напал».

* * *

Основные черты ленинского учения о войне можно свести к следующему:

1. «Реабилитация» Маркса и Энгельса, восстановление их подлинных взглядов на войну—против анархистов (Гильом и К°), против меньшевиков (Плеханов, Давид, Каутский; все вожди II Интернационала), против народников (Чернов и К°).

2. Нельзя делить войны на оборонительные и наступательные просто по признаку, кто «первый» об'явил войну, кто «первый» напал. Нужно уметь определить конкретное историческое значение каждой данной войны или каждой данной полосы войн.

3. Каждая внешняя война связана с соотношением классовых сил внутри воюющих стран.

4. Конкретная оценка данной всемирной войны (1914—1918 гг.), как войны империалистской.

5. Связь первой всемирной империалистской войны 1914—1918 гг. с империализмом, как последней стадией капитализма.

6. Лозунг «защита отечества» «вообще», т.-е. без учета конкретного исторического значения данной войны, есть отречение от марксизма. Все зависит от того, какие классы ведут данную войну, каков об'ективный характер данной войны.

7. Защита отечества в империалистской войне есть прямое предательство интересов пролетариата, переход на сторону буржуазии.

8. Революционный класс в реакционной войне не может не желать поражения «своему» правительству.

9. Эпоха империализма есть эпоха реакционных империалистских войн. Но она не исключает и национально-освободительных войн, «справедливых», «оборонительных», исторически-прогрессивных войн со стороны угнетенных национальностей, колоний и полуколоний.

10. Отсюда—лозунг самоопределения национальностей в смысле права на отделение.

11. Новые империалистские войны неизбежны.

12. Теория ультра-империализма, мирного империализма (Каутский) есть реакционный вздор.

13. Лозунг разоружения, пока существует капитализм, есть реакционная утопия. Бери ружье в руки; в решительную минуту ты обернешь его против «своей» буржуазии. На свете есть еще слишком много такого, что может быть уничтожено только силой оружия.

14. Империалистскую войну необходимо превратить в войну гражданскую.

15. Мировая пролетарская революция складывается так: «Социальная революция не может произойти иначе, как в виде эпохи, соединяющей гражданскую войну пролетариата с буржуазией в передовых странах и целый ряд демократических и революционных, в том числе и национально-свободительных движений в неразвитых, отсталых и угнетенных странах. Почему? Потому, что капитализм развивается неравномерно, и об'ективная действительность показывает нам на ряду с высоко развитыми капиталистическими нациями целый ряд наций очень слабо и совсем неразвитых экономически». (XIII, 369).

Таковы важнейшие теоремы ленинского учения о войне.

Но учение Ленина о войне, в свою очередь, связано со многими другими сторонами ленинизма как целого. Проблема войны теснейшим образом связана с проблемами революции вообще. Зачастую это две стороны одного и того же. **Война и революция.—Война и национальный вопрос.—Война и крах II Интернационала.—Война и перерождение социал-реформизма в социал-шовинизм** (в связи с этим стоит вопрос о рабочей аристократии и подкупе привилегированной верхушки рабочих сверхприбылями господствующей империалистской буржуазии).—**Вопрос о военном союзе пролетариата и крестьянства.—Лозунг самоопределения наций.—Лозунг «вон из колоний».—Лозунг «без аннексий и контрибуций».** Все это важнейшие проблемы, разработанные Лениным в связи с его учением о войне.

* * *

Уже в 1915 г. Ленин со всей конкретностью ставит вопрос о том, что сделала бы наша партия, если бы еще в ходе войны она встала у власти:

— Мы предложили бы мир всем воюющим на условии освобождения колоний и всех зависимых, угнетенных и неполноправных народов. Ни Германия, ни Англия с Францией не приняли бы, при теперешних правительствах их, этого условия. Тогда мы должны были бы подготовить и повести революционную войну, т.-е. не только полностью провели бы, самыми решительными мерами, всю нашу программу-минимум, но и систематически стали бы подымать на восстание все ныне угнетенные великороссами народы, все колонии и зависимые страны Азии (Индию, Китай, Персию и пр.), а также—и в первую голову—поднимали бы на восстание социалистический пролетариат Европы против его правительства и вопреки его социал-шовинистам. Не подлежит никакому сомнению, что победа пролетариата в России дала бы необыкновенно благоприятные условия для развития революции и в Азии, и в Европе. Это доказал даже 1905 год. («Несколько тезисов», 1915 г.).

На апрельской 1917 г. конференции, т.-е. после свержения царизма, та же мысль Лениным выражена более решительно:

— Революционный класс, который взял бы в свои руки государственную власть в России, принял бы ряд мер, подрывающих экономическое господство капиталистов, и мер, ведущих к их полному политическому обезвреживанию, и немедленно и открыто предложил бы демократический мир всем народам на основе полного отказа от каких бы то ни было аннексий и контрибуций. Эти меры и это открытое предложение мира создали бы полное доверие рабочих воюющих стран друг к другу и неизбежно привлекли бы к восстаниям пролетариата против тех империалистических правительств, которые воспротивились бы предложенному миру. (См. резолюцию апрельской 1917 г. конференции о войне).

Разрабатывая вопрос об империалистической войне, Ленин вместе с тем со всей подробностью разрабатывал также вопрос об «империалистическом мире», доказывая заблаговременно международному пролетариату, что мир, заключенный империалистами, неизбежно будет таить в себе семена новых войн. В противоположность империалистскому миру Ленин выдвигает и защищает мысль о заключении мира через голову империалистских правительств.

Известно, какую гигантскую роль сыграла агитация большевиков за мир в период между Февральской и Октябрьской революциями в 1917 г. Одним из первых актов победившей диктатуры пролетариата был, как известно, декрет о мире. Лозунг мира сыграл в подготовке Октябрьской революции не меньшую роль, чем лозунг «земли», чем лозунг «хлеба».

С этого момента учение Ленина о войне обогащается новым отделом: **Пролетариат у власти и его отношения к войне.**

(Окончание следует).

Г. ЗИНОВЬЕВ.

[1]) Н. Ленин. «Неопубликованные рукописи о диктатуре пролетариата», «Ленинский Сборник», № 3.

Ленин в час гудка.

Все, кто был в инструментальной, насупились, и вскипела досада. Ничего особенного в речи магазинера не было, сказал он без всякого напора, но должно быть есть такие слова, что в них подразумевается гораздо большее, чем они значат формально. Магазинер заметил не спроста, конечно, что вот «в Кулебаках поставили бюст Ильичу, и у нас поставили бюст, а нет, чтобы подойти особенно»... Ему возразили насчет нищеты, магазинер ядовито спросил: «А ухмыряете сколько?». Председатель завкома сердито оборвал магазинера: «Варвара-мученица —обо всем крученица». У магазинера с'ежились зрачки гневом, он уже раскрыл рот, чтобы бацнуть по словам председателя, но тут несмелый голос с закоткой вдумчиво вставил:

— Они сработаны из гипса... не особенно хорошо. А можно отлить из чугуна, либо из бронзы в полный рост...

Металлисты оборвали разговор, осмотрели тихоречивого,—говорил человек «на все руки от скуки», Лаврентий Кочнев, что чинил на заводе часы, пишущие машинки, арифмометры, правил проводку...

— А ты где учился?—спросил магазинер.

— Резал по дереву.

— И можешь насчет человека?

— Могу.

— Ой-ли!

Кочнев отмахнулся рукой, с явной досадой пошел прочь.

— А я не пьян,—сказал он на ходу,—не с похмелья и не ушиблен головой.

Все, кто был при этом, заметили, что рыжеват он, что ничего в нем особенного, что шаг у Лаврентия такой, словно он нес в себе что-то хрупкое. Магазинер осмотрел его вслед внимательно и определил:

— Не соответствует. Разве они такие...

— А какие же?—ядовито переспросил председатель.

— Вот в журналах есть,—неопределенно ответил магазинер.

Председатель завкома, неизвестно почему, сразу поверил, что Кочнев «соответствует»,—он потом говорил, что «в тихость его поверил», где-то еще прижал его с разговором и пошел к управляющему заводами Николаю Дмитриевичу с готовым решением. Толковал он перед управляющим убежденно, что вот об'явился на Выксе мастер, режет из дерева всякие художества (художеств этих он не видал) и может сделать Ильича во весь рост, но нужно ему освобождение месяца на два, потому что, как и сам он говорит, «отступать в таком деле нельзя, и другую работу надо отставить»...

Николаю Дмитриевичу было всегда некогда,—Выкса строилась, всюду нужен был глаз, он в ответ улыбнулся:

— Дело, ведь, знаешь, какое... академики разные... Да, пускай. Рискнем на два месяца. *Отведи ему угол в модельной.*

Он даже заинтересовался мастером: недели через две завернул в модельную Верхнего завода, но через несколько минут вышел оттуда хмурый и, садясь в дрожки, кинул председателю завкома укоризненное:

— Эх, дядя... что-ж ты в самом деле...

Завод узнал и об этом «эх, дядя» и о странных делах Лаврентия Кочнева. Хотя мастер никого не пускал в свою каморку в модельной, приходил в полутьме рассвета, уходил в полутьме вечера, но в стенку доменного двора выходило оконце; иные после смены заглядывали в окошко, уходили, тяжело топая, хмурые не менее Николая Дмитриевича. По заводу ходило короткое слово «охмуряйло», что должно было означать весьма многое: и безделье, и хитрое втиранье очков, и даровую трату заводских скудных средств... Если доводилось кому-нибудь встретиться с Кочневым у кооператива, где резчик покупал каждый день фунт черного хлеба, пяток соленых огурцов и пачку папирос «Интернационал», от него решительно отворачивались, многие даже делали вид, будто вовсе и не знали его никогда...

Происходило это от простой причины: Лаврентий Кочнев рубил модель из березового бревна топором. На стенах каморки висели самые разнообразные литографии Ленина, даже ребенок-Ленин и гимназист. Кочнев ходил от портрета к портрету, впивался глазом, потом брал топор, рубил широко и жарко,—щепа брызгала,—как рубят плотники подызбицу. От этого именно и стал таким скучным директор. Он спросил Лаврентия: «Ужели надо топором?» А тот весьма необщительно буркнул: «А чем еще?»

Заметил, нет ли Кочнев заводскую враждебность, но на пыльном окошке модельной, над бутылками с морилкой появилась *линялая*, латаная рубаха, распятая на гвоздях за рукава,—она решительно препятствовала оку любопытных и должно быть не особенно способствовала работе мастера...

Ко времени появления рубахи минуло два месяца. Металлисты упорно пытали в завкоме: «Чего же его держат?». Председатель отвечал на все вопросы неопределенно—ни в ту, ни в другую сторону: «*Докончил он, послали фотографию* в Москву. Москва разберет»...

Все сомнения на Верхнем заводе рассеялись Николаем Дмитриевичем. Он заехал как-то к вечеру и передал председателю завкома большой конверт, решительно и холодно прибавив:

— Уважаемый товарищ... это надо прекратить!

Хрусткая бумажка со штемпелем «ВЦИК, *художественная секция*» сухо об'являла: «Ничего общего с оригиналом не имеет; отлив к постановке в Выксе воспрещается».

— Тяжеловато... — уронил председатель, *пробежав бумажку раза три.*

— Что значит тяжеловато?—строго спросил Николай Дмитриевич.

— Он-то думает, что ладно... Да и так, вроде ничего.

Многие видели в этот день, как они, оба враждебно нахохленые, прошли в модельную. Но пробыли там очень долго; потом появились на заводском дворе Николай Дмитриевич, председатель и сам Лаврентий Кочнев. У проходной будки председатель стал с ним прощаться и весело спросил у директора:

— А как же быть с Москвой?

— Да, как...—живо отозвался Николай Дмитриевич.—*Пошлем* другую... Выпишем фотографа из Нижнего... чтобы снял не блином... Ну, а все-таки, Лаврентий Семенович,—прибавил директор,—он у тебя, ей-богу, низковат... Поверь. Я его *сам не раз видал... вот так, как тебя...*

Кочнев, видимо, через силу согласился:

— Это... можно... переделать...

Они были как-то особенно легки и веселы в шаге. Директор посадил к себе Кочнева на дрожки, и поехали они в направлении Нижнего завода, к новому поселку. То, о чем толковали весь вечер директор и «человек на все руки от скуки», досадно мешало потом Николаю Дмитриевичу спокойно работать целую неделю.

— Подумайте,—возбужденно и зло толковал он,—чем только не был этот Кочнев: маляром, столяром, модельщиком, токарем, механиком для разных домашних... для этих примусов, ремингтонов, арифмометров, часов, звонков, сережиной заводной игрушки, канализационных труб, котлетных и швейных машинок... Чорт знает что... Показывали, понимаете показывали ему как рисовать один месяц. А когда он пришел к какому-то маститому, тот ему проутробил: «Искусство, молодой человек, суть ветреная любовница, а у вас в руках прекрасная жена—малярное дело»... Так и сказал: «Прекрасная жена—малярное дело»... А?..

Сам Николай Дмитриевич в прошлом был токарем; может быть, поэтому его особенно взволновали биографические подробности, рассказанные Кочневым. Да и весь завод волновался порядочно. На некоторых собраниях требовали неотступно: «Везти в Москву и никаких». О мастере говорили: «он», или «а наш-то», а при встрече старались подойти вплотную и похлопать по плечу: «не тужи, выручим».

Второй ответ из художественной секции ВЦИК пришел с запозданием. Он успокоительно гласил, что «скульптура хороша, отлив возможен при условии переработки и присылки нового снимка,—ноги несоответственно с туловищем длинны,—это об'ясняется тем, что мастер никогда не видел В. И. Ленина».

Кажется впервые с момента начала работ Лаврентий Кочнев улыбнулся, прочитав эту бамажку:

— Зато Николай Дмитриевич видел!

Линялую рубашку с окна модельной он уже снял, потому что работал в формовочном. Теперь все могли видеть мастерство Кочнева. Не один рабочий стоял перед скульптурой неподвижно, вытянув шею, словно следил за дрогнувшим поплавком, а потом отходил с коротким «да-а»... Возле форм,—как полагается, отливали голову отдельно,—ходили осторожно, будто земля прессовалась живым человеком, и каждое сердце тревожилось, что человек этот может задохнуться от какого-нибудь неловкого движения. К Кочневу подходили с виноватой улыбкой: «Лаврентий Семеныч, дозволь приложить руку»... И выглаживали, подправляли ювелирно: глаз и рука, легкое движение и опять острый взгляд.. Наконец, в глубокой тишине, какая бывает только в сухую предбурную минуту, когда все живое затихает, молния расплавленного чугуна ударила из ковша в горло формы...

...В те дни, когда довелось мне быть на Выксе, он стоял в маленькой модельной уже отлитый из чугуна среди белых кудрей стружек. Лицо, складки пиджака рублены без всякой мелкой доделанности, свободными простыми мазками. Кепка надета наспех—накинута на макушку и козырек приходится не совсем на месте. Во всей фигуре отдых и что-то утреннее. Казалось, после тяжелой поступи секунд в ночи, он вышел ранним утром и слегка улыбнулся, слушая, как Замоскворечье зовет настойчивыми гудками. Глаза сощурились от яркого луча солнца. Он слегка приподнял плечи и, вбирая воздух, от удовольствия (они так поставлены) слегка шевелит пальцами. Тени утомления сползают к усам, прячутся в улыбчатых гусиных лапках.

ВИТ. ФЕДОРОВИЧ.

В ИНСТИТУТЕ ЛЕНИНА ПРИ ЦК ВКП(б).

Центральный Комитет ВКП(б) постановил освободить тов. Каменева от обязанностей члена и председателя дирекции Института Ленина.

Утвержден следующий состав дирекции Института: тт. Бубнов, Бухарин, Гусев, Крупская, Молотов, Скворцов-Степанов и Ярославский. Председателем дирекции назначен тов. Скворцов-Степанов.

ЦК ВКП(б) принял предложения дирекции Института Ленина о поручении тов. Бухарину редактирования «Ленинского Сборника», содержащего вновь публикуемые философские работы В. И. Ленина, *и об оставлении за тов. Каменевым* редактирования трех томов (IV—VI) 2-го издания сочинений В. И. Ленина, посвященных «искровскому» периоду.

Кроме того, ЦК ВКП(б) постановил считать, что Институт Ленина при ЦК ВКП(б) пользуется правами отдела ЦК.

В те дни.

ВОТ ТЕЛЕГРАММА.

Пристанционный клуб битком набит. Сегодня железнодорожные рабочие и крестьяне *из соседних селений* собрались почтить память расстрелянных в Питере.

Стук, говор. Занавес, вопреки об'явлениям, долго не открывается.

— Вре-емя!

— Даешь занавес!—раздаются нетерпеливые голоса молодежи.

— Др-р-р-р... — медленно зарычали вдруг кольца занавеса, и собрание оцепенело.

За столом, на сцене,—ни души. На столе, в черном покрывале — портрет Ильича. Сотни глаз шильями впились в дорогое лицо, но никто не знал, вернее, никто не осмелился подумать, в чем же дело?

— Иди ты!

— Нет, ты иди!

— Я не могу!

— Ну, иди же, иди!—сквозь жуткую тишь прошмыгнул нервный, сдержанный шопот за сценой.

Стало страшно.

Михей Куприяныч,—из соседнего села беспартийный крестьянин,—будто тень, появляется, наконец, на сцене. У трибуны помял он нерешительно в руках какую-то бумажку, потом глубоко вздохнул и, как бы чего-то стыдясь, начал.

— Товарищи! Обнажите головы!

Неведомая буря схватила сотни шапок.

— Тс-с-с...—раздался *одинокий* звук на задних скамейках:

— Что-ж мы скажем теперь нашему другу, товарищи?—продолжал дрожащим голосом Куприяныч.—Вот мы ему что скажем: *Друг наш!* С тех *пор*, как похолодел твой прах, наше мужицкое сердце во сто крат горячее стало. Мы только теперь узнали, что ты, наш родной... что ты...

При этих словах голос его оборвался, борода затряслась, брови сдвинулись, лысеющая голова поникла. Куприяныч умолк.

Тишина еще страшнее стала.

— Не мучь, *говори!*—как стук обуха прозвучал голос с места.

— Товарищи!—почти шопотом, глотая слезы, сказал Куприяныч,—Ильич помер! Вот телеграмма!

Жуткая тишь сменилась жуткими рыданиями. Куприяныч не говорил больше.

КАК БЫТЬ?

Хуторяне, которые поселились на бывшей барской земле и которых Деникин (*когда был он в Курской губ.*) *нещадно* шомполовал, насиловал и грабил,—эти хуторяне скорбную весть получили в ночь под понедельник.

— На сход! Ильич помер!—точно *ржавые крюки втыкались эти короткие*, но страшные слова исполнителей в крестьянские избы.

Скрип ворот, сдержанный людской говор, лай собак,—все это в предрассветной мгле придало хутору вид встревоженного муравейника.

Все живое, населяющее шестьдесят изб нового поселка, кутаясь на ходу, хлынуло к сельсовету.

Обступив сельсовет, молча, хуторяне глядели на черное висевшее крылечком знамя, сделанное председателем наспех из женнного, знакомого всем, полушалка.

Вышел председатель. Остановился на крылечке, снял шапку. Задумался.

Товарищи! Как быть?—как-то неожиданно вырвалось у него, и на суровых мужицких лицах пробежала дрожь.

— Я говорю, што теперь будем делать? Ведь Ильич-то помер? Слышите?

Послышался глубокий, нутряной вздох. Заскорузлые руки потянулись к шапкам. Старик Аким истово перекрестился. Вдова Аннсья вслух зарыдала.

— Как же теперь?

— А ну, как опять эта псарня наскочит?

— Должно-што! Наскочит?

— И мудреного мало!

— Не наскочит. А партия на што?—загудел после некоторого замешательства сход.

Председатель, вытирая рукавом набежавшие слезы, хотел-было еще что-то сказать, но сход не унимался.

— Товарищи,—выделялся голос Кузьмы,—не бойтесь! Што-ж теперь? Большевики в обиду не дадут! Я предлагаю всем сходом—в уезд! Прямо в комитет партии. Там узнаем!

— Верно! Пра-а-вильно!

— Окромя жаловаться нам некому!—ответил сход.

Трещал мороз, сгущались сумерки. Семьдесят *две пары лаптей*, грузно хрустя по снегу, вносили в город свое черное, сделанное из полушалка, знамя.

По главной «советской улице» хуторяне направлялись к уездному комитету.

За 17 верст *пришли они всем сходом* в свой уездный штаб ленинской партии, чтобы услышать: как теперь быть? Что делать?

НЕУТЕШНОЕ ВАСИНО ГОРЕ.

Вечер. В избе сельского коммуниста еле брезжит 7-линейная, с щербатым пузырем, лампа. Единственный обитатель избы, 10-летний Вася, прильнув к перекосившемуся и запушенному снегом оконцу, поджидает со двора мать, которая укутала корову. Отца не было—уехал в город.

В сенях хлопнула дверь, захрустел снег, и Вася насторожился.

В избу вошла бывшая старшиниха—Максимовна.

Молча, поводив по углам носом, старшиниха плюнула.

— О-ох, ты, осподи! Я и забыла, што тут немоляки живут. Ну, здорово, хозяин! А мать-то и где же?

— Корову укутает!

— Та-ак,—протянула старшиниха, тихо присаживаясь на угол скамейки.—Стал-ть, и отца, видимо, нету?

— В город уехал!

Старшиниха застучала ногтем по столу, лукаво улыбаясь и поглядывая искоса на Васю.

— В школу-то ходишь, милак?

— А то как же?

— Т-а-ак, — помолчав несколько, опять протянула старшиниха.—Што же, ужо, оголосил, небось?

— *Пионеры без дела не голосят!* А чего голосить-то?

— Как же чего? Ведь Ленин-то ваш помер!

Слов этих страшных Вася сначала не *понял. Потом он невольно дрогнул и, как* затравленный зверок, заерзал глазами по избе. Ему захотелось скорее броситься к отцу, спросить у него, правду ли говорит старшиниха. Откуда она, шельма *пузатая, узнала? Почему не боится она* говорить про это? Ведь старшиниха—буржуйка. Она отцу не посмела бы сказать этого.

Вася не знал, что ему делать. Когда вошла в избу мать, он, косо взглянув на старшиниху, хотел, видимо, что-то сказать ей, но удержался.

— Здорово, Павлна!—процедила старшиниха, не оглядываясь и продолжая барабанить пальцами по столу.—А мы тут с твоим пиянером разговор завели. Не верит, идоленок, што Ленин-то помер.

— Што-о? — встревожилась Васина мать.

— Ленин-то, сказывают, помер. Мой нынче на вокзал, вишь, за проезжими ездил и узнал там.

У Васи задрожали губы. Маленькое тельце его перекосилось, он рванулся к матери, схватил ее за колени и горько, неутешно заплакал...

А. ЛУКЬЯНОВ.

Курск.

Ленин и негры.

Лишь с недавнего времени имя Ленина получило широкую известность среди негров. До этого Ленин и Советская Россия казались им чем-то очень далеким, и не легко было заставить их понять, что русская революция имеет значение и для них. Но когда тезисы Ленина по национальному и колониальному вопросам были оглашены на втором *конгрессе III Интернационала* и были напечатаны на английском языке, то более сознательные элементы среди негров поняли значение русской революции для угнетенных народов всего мира.



Портрет Ленина, вышитый шелком персидской художницей.

Старая социалистическая партия Америки вела кой-какую пропаганду среди негров в северных промышленных центрах. Но эта пропаганда не давала существенных результатов, так как она заключалась *в высокопарных ложно-марксистских фразах*, которые были для негров непонятны и которые обещали им избавление от всех бед, когда социализм распространится по всему миру. Это напоминало *неграм проповеди миссионеров*, издавна обещавших им царство небесное и прекращение расовых подразделений после смерти.

Но когда негры начали следить за ходом русской революции, они увидели, что в царские времена в России было много угнетенных народов и положение, например, евреев там очень напоминало их собственное положение в Америке. Они увидели, что эти самые народы, к которым тогда относились с презрением, равноправны при новом советском режиме. Неграм понемногу становилось ясно, что в конце концов их положение вызвано экономическими причинами, а не расовыми различиями.

Было очень трудно получить подробные сведения о России в виду антисоветской пропаганды капиталистической прессы. И все же кой-какие правдивые вести доходили до негров. Когда негры узнали, что в России голод и что население вымирает благодаря блокаде, организованной капиталистической Европой и Америкой, они поспешили оказать посильную помощь голодающим.

Напомню, с каким интересом мы ожидали возвращения первых негров, уехавших в Россию после революции. То были товарищи Биллингс и Мак-Кей, присутствовавшие на заседаниях IV конгресса Коминтерна в Москве. В руководящем негритянском ежемесячном журнале «Кризис», выпускаемом «Национальной ассоциацией по улучшению положения цветных народов», были помещены их портреты и написанная ими статья. Эти два товарища написали ряд других статей о Советском Союзе в разных негритянских органах, и негритянские рабочие с величайшим интересом читали их. Интересно отметить, какого рода вопросы задавались тов. Биллингсу по его возвращении в Америку: «Видели ли вы Ленина? Что он сказал о неграх?» А доклады вернувшегося затем из *Советской России* тов. Джексона проходили при переполненных неграми залах. Тов. Джексон об'яснял своим слушателям, как разрешен вопрос о национальных меньшинствах в Советском Союзе, *и рассказал очень много о работе* великого вождя Ленина и руководимой им компартии. В целом ряде негритянских газет и журналов начали появляться статьи о Ленине.

В Соединенных Штатах имеется «Национальная ассоциация для улучшения жизни цветных народов», основанная либеральной американской буржуазией и негритянской интеллигенцией. Эта ассоциация агитирует против преследований негров и старается защищать права негров, гарантированные им конституцией. Ассоциация надеется разрешить негритянский вопрос в рамках капиталистической системы. Многие негритянские интеллигенты, стоящие во главе этой ассоциации, начинают сомневаться в этой возможности. Это видно из того факта, что в последние месяцы два крупнейших вождя ассоциации—доктор Дюбуа и м-р Вильямс Пиккенс—уехали в Советский Союз, чтобы увидеть на месте, как там разрешена национальная проблема. Доктор Дюбуа, редактор официального органа ассоциации «Кризис», оставался в Москве больше месяца и посетил ряд советских республик. Он написал статью в своем журнале, в которой говорит, что если то, что он видел в России, является большевизмом, то он тогда сам тоже большевик.

Портрет Ленина на персидских тканях.

Это знаменательный факт, так как доктор Дюбуа пользуется огромным влиянием среди негров.

Интересно отметить, что когда в Америку пришло известие о смерти Ленина,—в двух руководящих негритянских газетах—«Чикаго Дефендер» и «Негро Уорлд»—появились передовые статьи, выражавшие свое сочувствие русскому народу, потерявшему своего великого вождя.

Сожалея, что Ленин не успел изучить негритянскую проблему в Америке, мы все же уверены, что начатое им дело будет продолжаться и дальше, и угнетенные негритянские рабочие и крестьяне будут играть все бо́льшую роль в грядущей революции. Хотя Ленин умер, ленинизм жив и изо дня в день все более проникает в умы угнетенных народов всего мира. Пример русской революции будет путеводной звездой для мирового пролетариата.

Член негритянской секции американской Уоркерс (коммунистической) Партии

КАРЛ ДЖОНС.

Враг угнетателей, защитник угнетенных.

Так отозвалась о Ленине одна из крупнейших индийских газет на языке урду



Заголовок газеты «Заминдар».

«Заминдар». Ниже мы приводим небольшую выдержку из статьи «Смерть великого Ленина», помещенной в этой газете в номере от 31 января 1924 г.

«Теперь, когда Ленина на свете больше нет, мы хотим, чтобы украшали собрания беседами и воспоминаниями о нем, и мы скажем своим читателям, что человек, которого противники всегда старались опорочить, благодаря своему высокому уму, скромности, решимости, независимости и беспристрастию был одним из самых лучших людей в мире... Благородный и храбрый Ленин воспитал в своем чистом сердце чувство сильной ненависти и вражды против угнетения и тирании... Благодаря своей решительности и смелости, свергнув престол империалистического правительства, не только уничтожил в своей стране силы, которые питали человеческое достоинство и ценность свободы, но возбудил ток жизни среди миллионов угнетенных всего мира. Есть ли в настоящее время страна, где рабочие и крестьяне, получив смелость от подвигов Ленина, не вели бы борьбы за свои права? Есть ли сегодня человек, который не питал бы крайней ненависти к монархической власти и капиталистическому проклятию? Запомните, что весь мир будет пользоваться плодами того, что посеял Ленин. Многие монархии уничтожены, а остальные будут уничтожены. Рабочие приобретают свои права и в ближайшее время возьмут в свои руки организацию всего мира. Через несколько лет мир увидит, что повсюду основаны коммунистические республики, и имя великого Ленина пользуется величайшим в истории мира почетом и уважением».

زمیندار

لینن اعظم کا انتقال

ظالم کا دشمن مظلوم کا حامی مرگیا

Статья о Ленине.

МАТЕРИАЛ, ОТНОСЯЩИЙСЯ К ТРЕТЬЕЙ ГОДОВЩИНЕ СМЕРТИ ЛЕНИНА И НЕ ВОШЕДШИЙ ПО ТЕХНИЧЕСКИМ ПРИЧИНАМ В НАСТОЯЩИЙ НОМЕР, БУДЕТ ПОМЕЩЕН В БЛИЖАЙШИЕ ДНИ.

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СОВЕТ ОБ ОТНОШЕНИЯХ С ВЦСПС.

ФОРМАЛЬНАЯ ОТПИСКА. — КИТАЙСКИЕ СОБЫТИЯ. — КАК ОНИ «ПРОТЕСТУЮТ» ПРОТИВ ТЕРРОРА В ЛИТВЕ.

ЛОНДОН, 20 января. (ТАСС). На вчерашнем заседании Генерального совета была принята резолюция, в которой высказывается сожаление по поводу того, что Амстердамский Интернационал не дал полной возможности обсудить отношения с ВЦСПС. (14 января исполком Амстердамского Интернационала большинством 12 голосов против 6 отклонил предложение английских делегатов созвать конференцию представителей Амстердама и ВЦСПС без предварительных условий. Это постановление, по настоянию Стенгейса, было принято без предварительных прений). Резолюция далее гласит, что Генеральный совет постановил обратиться в марте к исполкому Амстердамского Интернационала с запросом, согласен ли Амстердамский Интернационал участвовать в конференции, созываемой Генеральным советом с целью содействовать развитию англо-русского профсоюзного единства.

«Дэйли Геральд» (орган рабочей партии) в передовой подчеркивает, что речь идет об обсуждении не международного единства профдвижения, а лишь англо-русского единства.

Корреспондент «Манчестер Гардиан» (либеральная) по рабочим вопросам заявляет: «*Генеральный совет избрал остроумный метод избавиться от одного из своих обязательств по отношению к ВЦСПС: так как Амстердам, несомненно, заявит о своем нежелании участвовать в такой конференции, англичане будут освобождены от необходимости созывать ее*».

По вопросу о положении в Китае, Генеральный совет постановил дать инструкции своей комиссии по международным делам действовать совместно с исполкомом рабочей партии.

По поводу террора в Литве Генеральный совет уже обращался к литовской миссии в Лондоне. Теперь Генеральный совет постановил обратиться к миссии с просьбой принять депутацию Генерального совета, чтобы иметь возможность более подробно изложить свою точку зрения. Помимо того, Генеральный совет постановил поднять вопрос о подавлении профдвижения в Литве перед Лигой Наций на основе положения о свободе ассоциаций.

В ЛОНДОНЕ ОТКРЫЛАСЬ КОНФЕРЕНЦИЯ ИСПОЛКОМОВ ПРОФСОЮЗОВ.

ЛОНДОН, 20 января. (ТАСС). Сегодня, в 10 час. 30 мин. утра, открылась чрезвычайная конференция исполкомов профсоюзов для рассмотрения отчета Генерального совета о его деятельности во время всеобщей забастовки.

СОЕД. ШТАТЫ ГОТОВЯТ ОТПРАВКУ СУДОВ В КИТАЙ.

ВАШИНГТОН, 20 января. (ТАСС). В государственном департаменте (министерство иностранных дел) заявляют, что правительство С.-А. С. Ш. встревожено последними сообщениями из Китая о том, что антииностранные демонстрации в Фучжоу и других местах распространились и на американских граждан. По распоряжению правительства, подготовляется дополнительная отправка военно-морских сил в Китай для «защиты американских интересов».

МАКДОНАЛЬД О ПОЛИТИКЕ АНГЛИЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В КИТАЕ.

ЛОНДОН, 20 января. (ТАСС). Макдональд в интервью с сотрудником «Дэйли Геральд» (орган рабочей партии) подтвердил правильность сообщения о том, что, следуя обычной практике, правительство уведомило его, как лидера оппозиции, о важных событиях, которые могут развернуться в Китае. «Этого, однако, не следует понимать в том смысле,—продолжал Макдональд,—что правительство *совещалось со мной по этому поводу*, или что я в какой-либо мере ответственен за политику, проводимую правительством». Далее Макдональд заявил, что считает положение в Китае чрезвычайно серьезным, и что, по его мнению, ошибка какой-либо из сторон может привести к пожару. Коснувшись вопроса о концессиях, Макдональд заявил, что, по его мнению, все концессии должны быть ликвидированы. Тем не менее, он подчеркнул затруднительность эвакуации Шанхая. «Я полагаю,—сказал далее Макдональд,—что английское правительство идет навстречу опасности, уделяя слишком много внимания своим приготовлениям. Одно, однако, совершенно ясно: если суда и войска, которые находятся на пути к Шанхаю, будут использованы для нападения на китайских солдат кантонского правительства, то я уверен, что английское правительство не продержится и шести месяцев».

ВЫДАСТ ЛИ ПОЛЬСКИЙ СЕЙМ АРЕСТОВАННЫХ ДЕПУТАТОВ?

ПРАВИТЕЛЬСТВО В ПОИСКАХ КОМПРОМЕТИРУЮЩИХ ДОКУМЕНТОВ.

ВАРШАВА, 20 января. (ТАСС). В сеймовых кругах оживленно обсуждается вопрос о формальной выдаче уже арестованных белорусских депутатов суду, который надлежит разрешить сейму.

В сеймовых кругах убеждены, что с фактическими доказательствами о «злокозненной деятельности» громады дело обстоит значительно хуже, чем заявлялось в первых официальных и полуофициальных сообщениях. До сих пор сейму не представлено никаких документов или каких-либо иных конкретных доказательств, подтверждающих обвинения, инкриминируемые белорусской громаде.

«Курьер Виленский» вновь выступает с заявлениями о трудности раздобыть обвинительный материал в виду того, что «документы перевозились в дипломатической почте одного из соседних государств».

Массовые аресты, произведенные в Варшаве с целью раздобыть обвинительный материал, не дали «нужных» результатов. Из всей массы арестованных только 14 человек еще содержатся под стражей.

Председатель сейма Ратай заявил представителям печати, что ему до сих пор документы по этому делу не представлены, что его решение не вмешиваться—не окончательное, и что он считает необходимым, чтобы вопрос об аресте депутатов был немедленно решен пленумом сейма на ближайшем же заседании.

Несмотря на требования правой печати, *белорусская громада до сих пор официально* не распущена.

Виленский прокурор заявил, что вопрос о роспуске громады пока не решен.

ПОЛЬСКО-ГЕРМАНСКИЕ ПЕРЕГОВОРЫ О ДАНЦИГСКОМ КОРИДОРЕ?

ВАРШАВА, 20 января. (ТАСС). Официозная «Эпока» нервно реагирует на сообщение берлинской газеты «Вельт ам Абенд» о тайных польско-германских переговорах, происходивших в Берлине и Варшаве по вопросу об обмене Данцигского коридора на Литву. «Эпока» отрицает как самый факт переговоров, так и утверждение, что речь Залесского имела отношение к этим переговорам.

ПРОБНЫЙ ШАР ИТАЛЬЯНСКОЙ ДИПЛОМАТИИ.

РАЗДЕЛ АЛБАНИИ НА СФЕРЫ ВЛИЯНИЯ.

ВЕНА, 19 января. (ТАСС). Югославская печать публикует в качестве *сенсационного* известия распространяемый афинской газетой «Политеа» слух, будто итальянский посланник в Белграде Бодреро обратился к заместителю югославского министра иностранных дел Марковичу с рядом предложений, которые якобы сводятся к следующему: Югославия заключает договор с Албанией на подобие итало-албанского; Албания делится в политическом и экономическом отношении на зоны влияния, при чем южная и центральная Албания входят в сферу итальянского влияния, а северная Албания, включая Скутари до Скорицы и Тирана,—в зону югославского влияния; албанская православная церковь переходит в ведение белградского партриархата; югославский капитал участвует в албанском национальном банке в доле, равной 30 проц. основного капитала банка; в случае волнений в Албании Италия и Югославия берут на себя обязательство вмешательства: в случае если Югославия примет эти предложения и югославский парламент ратифицирует неттунские конвенции, то Италия якобы обязуется поддержать Югославию в ее стремлении добиться ратификации Грецией соглашения о свободной зоне в Салониках.

Орган хорватских капиталистов «Обзор» пишет по этому поводу: «Если итальянские предложения действительно не миф, то Югославия должна отклонить их. Югославия должна добиваться непосредственного сближения балканских стран между собой». К сообщению об итальянских предложениях следует отнестись с осторожностью, хотя ни югославское правительство, ни итальянский посланник в Югославии его до сего времени не опровергли.

ФРАНЦИЯ И РУМЫНИЯ ОБ'ЕДИНЯЮТСЯ ДЛЯ БОРЬБЫ С РЕВОЛЮЦИЕЙ.

ПАРИЖ, 19 января. (ТАСС). Агентство Гавас передает содержание только теперь опубликованного франко-румынского договора, подписанного 10 июня и ратифицированного 8 ноября 1926 года. В дополнение к тому, что уже сообщалось о содержании договора, особенного внимания заслуживает следующий пункт: «В случае ничем невызванного нападения, равно как в случае изменения или попытки изменения политического строя европейских стран, оба государства будут согласовывать свою позицию по возникающим, в связи с этим, вопросам».

МЕКСИКАНСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО ИЩЕТ ПОДДЕРЖКИ КРЕСТЬЯНСТВА.

МЕКСИКО, 19 января. (ТАСС). Мексиканский президент Кайес, стремясь заручиться поддержкой крестьян в борьбе против волнений, организуемых католиками, вооружает крестьян, обещая в кратчайший срок осуществить распределение земли. В прошлом году Кайес всячески пытался разоружить крестьян, дабы предупредить насильственный захват земли крестьянами. Перемена политики свидетельствует, что правительство нуждается в поддержке крестьян.

КУЛИДЖ И КЕЛЛОГ БЬЮТ ОТБОЙ.

ВАШИНГТОН, 19 января. (ТАСС). Правительство Соединенных Штатов внешне смягчает свою политику по отношению к Никарагуа и Мексике. Повидимому, неблагоприятные комментарии печати в Соед. Штатах, Латинской Америке и Европе, протест ряда буржуазных групп, духовенства, интеллигенции и т. д., а главным образом опасения промышленников потерять рынки в Латинской Америке вынудили правительство изменить тактику. Отказавшись от вызывающего тона, государственный департамент (министерство иностранных дел) и Белый Дом (резиденция президента) выступают с заявлениями в примирительном духе. Государственный департамент настаивает на посредничестве между консервативным президентом Никарагуа Диасом и лидером либералов—Сакасой.

В сообщениях печати выдвигается предложение о разрешении конфликта между Соединенными Штатами и Мексикой путем арбитража. В кругах Белого Дома заявляют, что мексиканский вопрос есть по существу лишь вопрос о конфискации американской собственности, а Никарагуа—вопрос, затрагивающий доктрину Монроэ. В заявлениях этих совершенно не говорится о «коммунизме».

Несмотря, однако, на внешний примирительный тон, интервенция в Никарагуа продолжается.

МАРКС ОТКАЗАЛСЯ ФОРМИРОВАТЬ ПРАВИТЕЛЬСТВО.

БЕРЛИН, 20 января. (ТАСС). Маркс имел сегодня утром совещание с председателем парламентской фракции народной партии Шольцем. В результате совещания Маркс, в виду возражений против образования правительства срединных партий, сообщил президенту о своем отказе формировать правительство.

ВОЗОБНОВЛЕНИЕ СЕССИИ РЕЙХСТАГА.

БЕРЛИН, 20 января. (ТАСС). Вчера состоялось первое заседание рейхстага после рождественских каникул. От имени коммунистической фракции Штеккер внес предложение о роспуске рейхстага. Предложение это будет обсуждаться на сегодняшнем заседании.

ДЕМОНСТРАЦИЯ ПРОТЕСТА ПРОТИВ ТЕРРОРА В ЛИТВЕ.

БЕРЛИН, 20 января. (ТАСС). В Эйдкунене (Восточная Пруссия) состоялась многочисленная демонстрация протеста *против террора в Литве*. Демонстрация прошла к литовской границе, где состоялся митинг. В демонстрации участвовали также рабочие из окрестностей Эйдкунена. Митинг вынес резкую резолюцию протеста против расстрела четырех коммунистов и заявил о своей солидарности с трудящимися Литвы.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СССР.

ФРАНКО-СОВЕТСКИЕ ПЕРЕГОВОРЫ.

ПАРИЖ, 20 января. (ТАСС). Агентство Гавас сообщает, что полпред СССР тов. Раковский и Де-Монзи пришли к соглашению *возобновить работы* франко-советской конференции 20 февраля.

«ДОБРОДЕТЕЛЬНЫЕ» СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТЫ—СОЮЗНИКИ ГЕНЕРАЛА ФОША.

ПАРИЖ, 19 января. (ТАСС). В связи с тем, что начатая Шейдеманом «гранатная кампания» против СССР нашла отклик во французской печати, орган компартии «Юманите» публикует ряд статей, в которых доказывает, что социалисты, возводя ложные обвинения на СССР, пытаются тем самым замаскировать свою собственную контрреволюционную деятельность. В сегодняшнем номере «Юманите» Кашен приводит дословно заявление Барту во французском парламенте, которое гласит, что Фош в 1919 году согласился оставить Германии лишних 5.000 пулеметов по просьбе Шейдемана и Носке, которые мотивировали это свое требование необходимостью борьбы с революцией.

ЛЫЖНЫЙ ПРОБЕГ МОСКВА—ОСЛО.

СТОКГОЛЬМ, 19 января. (ТАСС). Сегодня на пароходе из Финляндии прибыли советские лыжники, совершающие пробег Москва—Осло. Последний переход Гельсингфорс—Або лыжники совершили в метель, по заледенелым каменистым дорогам, покрыв 220 километров в 38 час. Вид у спортсменов бодрый. Шведская печать отмечает, что они производят прекрасное впечатление. Лыжники выходят завтра, в 11 час. утра, в Осло.

ПРОЦЕСС ЧЕХО-СЛОВАЦКИХ КОМДЕПУТАТОВ.

К СУДУ ЗА ПАРЛАМЕНТСКУЮ ОБСТРУКЦИЮ.

ПРАГА, 19 января. (ТАСС). Вчера начался слушанием процесс четырех коммунистических депутатов парламента, обвиняемых в нарушении закона об охране государства, которое выразилось *в их участии в обструкции во время* обсуждения вопроса о жалованьи духовенству и о введении твердых аграрных пошлин на заседании парламента от 18 июня 1926 г. Обвиняемым угрожает тюремное заключение на сроки от 1 до 4 лет. На суде обвиняемые заявили, что они действительно проводили обструкцию, дабы воспрепятствовать принятию закона о твердых аграрных пошлинах и о государственном содержании духовенства.

Примечание: Судебные власти первоначально требовали выдачи 21 коммуниста и 6 национал-социалистов, участвовавших в обструкции. Это требование было отклонено парламентом, который согласился выдать «только» четырех коммунистов, а именно—Илека, Гаруша, Крейбиха, Шафранка и национал-социалиста Кнейзлика. Илек, Гаруш и Крейбих—члены ЦК чешской компартии. Илек, кроме того, является генеральным секретарем партии и членом политбюро ЦК.

СМЕРТНЫЕ ПРИГОВОРЫ В ИНДОНЕЗИИ.

МАССОВЫЕ АРЕСТЫ.

АМСТЕРДАМ, 20 января. (ТАСС). По делу участников восстания в Бандунге (Ява) двое приговорены к смертной казни, один—к пожизненному заключению и один к 15-годам тюрьмы.

В Батавии приговорены к заключению на сроки от 8 до 15 лет трое участников захвата телефонной станции.

В западной части Суматры полиция произвела многочисленные аресты. Обыски также продолжаются. Сообщают, что полицией якобы обнаружены членские билеты коммунистической партии с номерами свыше 15.000.

ВОТУМ НЕДОВЕРИЯ ЯПОНСКОМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУ.

ТОКИО, 20 января. (ТАСС). Заседание *японского парламента отсрочено на 3 дня* в связи с вотумом недоверия правительству, внесенным оппозиционными партиями по трем вопросам: 1) по вопросу о помиловании покушавшегося на принца-регента (ныне императора) Бокурену, которому смертная казнь заменена пожизненным заключением; 2) по вопросу о нарушении дисциплины чиновничеством и 3) по вопросу об общей экономической депрессии в Японии.

ПРОТИВ ПОЛИЦЕЙСКО-РЕФОРМИСТСКОГО ЕДИНОГО ФРОНТА В РУМЫНИИ.

КО ВСЕМ ПРИМЫКАЮЩИМ К ПРОФИНТЕРНУ ОРГАНИЗАЦИЯМ.

За неделю до созыва конгресса унитарных профсоюзов Румынии были арестованы генеральный секретарь Мариан и *другие вожди. Правительство уже давно* помогает реформистским союзам и социал-демократической партии в их борьбе против революционных рабочих.

Исполбюро Профинтерна выражает горячий протест против полицейско-реформистского единого фронта, направленного к удушению классового профдвижения в Румынии, и призывает революционные профсоюзы всех стран поддержать левых рабочих Румынии в их борьбе против румынских бояр и их реформистских пособников.

ИСПОЛБЮРО ПРОФИНТЕРНА.

Москва, 20 января 1927 г.

По Союзным Республикам.

ПЕРВЫЕ ИТОГИ ПЕРЕВЫБОРОВ СОВЕТОВ.

(Первая сводка телеграфных сведений о результатах избирательной кампании на 19 января 1927 года).

По телеграфным сведениям, по 9 горсоветам из общего числа 26,6 тыс. избирателей на выборы явилось 14 тыс. человек (почти 53 проц.).

Всего в эти горсоветы выбрано 580 членов, из них 282 члена ВКП(б) и ВЛКСМ (почти 49 проц.).

По 329 сельсоветам из 173,2 тыс. избирателей явилось на выборы 82,8 тыс. чел. (47,8 проц.); из общего числа 3,5 тыс. чел., избранных в советы,—421 член ВКП и ВЛКСМ (11,8 проц.).

Приведенные данные представляют собой первую сводку телеграфных сведений, поступивших в Центризбирком до 19 января. Данных еще так мало, что делать на основании их какие-либо выводы, конечно, не приходится. Первые сведения о горсоветах показывают некоторое уменьшение (на 26 проц.) участия населения на выборах по сравнению с прошлым годом и на увеличение членов ВКП(б) и ВЛКСМ среди избранных в горсоветы.

В 329 сельсоветах активность населения на выборах составляет 47,8 проц.; в прошлых выборах по всей РСФСР она составляла немногим меньше—47,3 проц.; членов ВКП(б) и ВЛКСМ избрано в сельсоветы 11,8 проц., в прошлом году по всем сельсоветам было—9,9 проц.

IV СЕССИЯ ЦИК БЕЛОРУССИИ.

ДОКЛАД О БЮДЖЕТЕ.

МИНСК, 19 января. (ТАСС). На вечернем заседании сессии ЦИК Белоруссии 19 января с докладом о государственном и местном бюджете БССР на 1926—27 год выступил наркомфин т. Василевич.

Докладчик сообщил, что госбюджет в Белоруссии сведен по доходам в 47 млн. руб., по расходам в 53½ млн. руб., дефицит—6.588 тыс. рублей.

Доходная часть госбюджета по сравнению с фактическими доходами прошлого года выросла на 55,6 проц. Расходная часть госбюджета в связи с проведением экономии и бережливости увеличилась всего на 21,69 проц.

Промышленности ассигновано 4.988 тыс. рублей,—на 31,47 проц. больше, нежели в прошлом году. На сельское хозяйство и кредитование бедноты ассигновано 3.250 тыс. руб.,—на 16,7 проц. больше, нежели в прошлом году. Ассигнованы также средства на развитие специальных видов кооперации, в особенности на те отрасли, которые связаны с переработкой продуктов сельского и лесного хозяйства.

По здравоохранению расходы увеличиваются по сравнению с прошлым годом на 28 проц., по народному образованию—на 21 проц.

Местный бюджет БССР на 1926—27 г. составляет по доходам и расходам 34.517 тыс. рублей. По сравнению с прошлым годом местный бюджет увеличился на 32,4 проц. и соответствует общему росту *народного хозяйства Белоруссии.*

Бюджеты присоединенных к Белоруссии Гомельского и Речицкого округов, составляющие 5.900 тысяч руб., будут механически выделены из сметы бывшей Гомельской губернии.

В заключение докладчик указывает, что доходы Белоруссии далеко не обеспечивают ее расходов. Только с помощью Советского Союза Советская Белоруссия может развиваться культурно и экономически.

ДОКУМЕНТЫ О ЛЕНИНЕ В ОДЕССЕ.

ОДЕССА, 20 января. (ТАСС). В ленинской комнате при одесском истпарте собрано много интересных экспонатов, относящихся *к жизни и работе* Ленина. Среди малоизвестных документов обращает на себя внимание перехваченное охранкой письмо Ленина из Парижа к румынскому революционеру Фрима, в котором Ленин просит оказать содействие двум румынским политическим эмигрантам. Письмо подписано: «представитель российской социал-демократии при международном социалистическом бюро—В. Ленин». На письме штамп: «Из дел охранного отделения, ч. I, по Балканскому полуострову».

Имеются документы охранки, с предписаниями конфисковать «литературу Ленина и Зиновьева, в последнее время проникающую в Одессу».

БОРЬБА С АЖИОТАЖЕМ ВОКРУГ НАЧАЛА РАБОТ НА ДНЕПРОСТРОЕ.

ХАРЬКОВ, 20 января. (ТАСС). В связи с предстоящим началом работ на Днепрострое в Запорожье хлынуло огромное число различного рода *лесных и строительных* контор и представительств. Все это вызывает на рынке ажиотаж. Решено запретить открытие подобных контор и *представительств в Запорожье без* разрешения наркомторгов и совета синдикатов.

АВАРИЯ НА ТРАМВАЙНОЙ ЭЛЕКТРОСТАНЦИИ В ЛЕНИНГРАДЕ.

ЛЕНИНГРАД, 20 января. (Роста). Вследствие новой аварии, происшедшей на четвертой трамвайной электростанции, вчера на некоторых линиях прекратилось трамвайное движение. Авария произошла с турбиной «Всеобщей компании электричества», мощностью в 7.500 киловатт, уже один раз терпевшей аварию.

Через 10 минут после аварии была пущена запасная турбина на 5.000 киловатт и через четверть часа—вторая запасная турбина, мощностью в 2.500 киловатт.

Несмотря на серьезность повреждений *турбины можно надеяться, что она вновь* будет пущена в ход к 29—30 января.

ШТОРМ НА ЧЕРНОМ МОРЕ.

ОДЕССА, 20 января. (Наш корр.). Наступившие сильные морозы сковали толстым льдом в Азовском море подходы к *Керчи и Мариуполю, в Днепробугском лимане* подходы—к Николаеву и Херсону. На лимане лед достигает двухаршинной толщины. Маломощные ледоколы бессильны *поддерживать связь с портами и сами* оказались в затруднительном положении, нуждаясь в помощи.

Шторм на море продолжается. Ряд судов *отстаивается в портах.* Одесская бухта покрылась наносным льдом.

ПЕРЕДАЧА ВОЛХОВСКОЙ СТАНЦИИ ЭЛЕКТРОТОКУ.

ЛЕНИНГРАД, 20 января. (Наш корр.). 21 января начинается фактическая передача Волховстроя Электротоку. Чтобы не загружать работы по передаче, *специальной комиссии создано не будет.* В дальнейшем вся работа по окончанию Волховстроя будет производиться Электротоком, которому и передаются все кредиты, *отпускаемые гидростанции.*

МОРОЗЫ И СНЕЖНЫЕ ЗАНОСЫ.

В Бакинском районе продолжается сильный снегопад.

Движение на промысловых дорогах Азнефти производится с перебоями. Между Суруханами и Белым Городом движение прервано совершенно.

Большая часть Украины, за исключением района между Днепром и Азовским морем, покрыта глубоким снегом. Благодаря этому, морозы не отражаются на посевах. Лишь на юге Украины, где слой снега значительно тоньше, возможно некоторое ухудшение посевов.

Со всего Северо-Кавказского края поступают сообщения о больших морозах, достигающих 30 градусов. Во многих городах временно прекратили работу школы. Морозы сильно отозвались на ходе перевыборной и отчетной кампаний.

В Ростове горсоветом приступлено к срочному подбору беспризорных. Создана специальная комиссия, в распоряжение которой предоставлен автотранспорт. Выделено 10.000 руб. для помощи беспризорным.

ОТОВСЮДУ.

◆ В Ленинграде **пущена в ход новая ситценабивная фабрика,** на которой будет занято 3.000 рабочих. Фабрика выпускает товары, главным образом, для крестьянского рынка. (Наш корр.).

◆ На Мурманскую железную дорогу поступило около 3.000.000 пуд. экспортных грузов, из которых большая половина находится уже на складах Мурманского порта. В этом году **грузооборот порта за один месяц превзошел его грузооборот за весь 1925—26 операционный год.**

◆ В Одессу **прибыли из Греции представители двух мощных кооперативных об'единений,** доставившие первую партию греческих импортных товаров.

◆ Во Владикавказе вышел **двухсотый номер осетинской газеты «Растзинад»** («Правда»). Газета в настоящее время имеет 300 постоянных рабселькоров, пишущих на осетинском языке.

◆ Наркомзем Крыма организует **крестьянские производственные совещания** по примеру фабрично-заводских. Совещания будут созываться в отдельных селениях для обсуждения наиболее злободневных вопросов по улучшению сельского хозяйства в данной деревне.

◆ По данным переписи, **население Северо-Западной области,** без Мурманской губ. и Карелии, **составляет 6.352.488 чел.** С 1920 года население области возросло на 30 проц. (Наш корр.).

◆ В ближайшее время в Ленинград приезжают несколько рабочих спортивных команд из Латвии, Франции, Швеции, Литвы и Финляндии. **Иностранные спортсмены примут участие в состязаниях с советскими спортсменами** по различным видам зимнего спорта. (Наш корр.).

◆ 20 января в Ленинграде *произошла* **трамвайная катастрофа.** Вагон быстро спускался с Литейного моста. На углу Симбирской и Нижегородской улиц вагон, вследствие быстрого хода, опрокинулся. В вагоне находились *служащие городской железной дороги,* около 20 человек. Все они получили ушибы и ранения.

◆ В Шахтах, с участием т. Семашко, состоялось торжественное **открытие ночного диспансера *для больных туберкулезом* шахтеров.**

ВСЕСОЮЗНЫЙ С'ЕЗД АВИАХИМА.

УТРЕННЕЕ ЗАСЕДАНИЕ 20 ЯНВАРЯ.

В утреннем заседании были заслушаны доклады т. Юлина о современном состоянии химической промышленности и перспективах ее дальнейшего развития и *т. Фишмана о воздушно-химической обороне* СССР и о роли Авиахима.

ДОКЛАД ТОВ. ЮЛИНА.

— Среди всех отраслей промышленности *царской России,*—начал докладчик,—химическая промышленность выделялась как наиболее отсталая. В этой области зависимость царского правительства от иностранцев была полнейшая. Некоторое развитие химической промышленности в России отмечается во время империалистической войны, когда вынужденное обстоятельствами войны царское правительство поспешно приступило к организации заводов по выработке взрывчатых веществ. Годы гражданской войны, отразившиеся пагубно на всей нашей промышленности, уничтожили или почти уничтожили даже те зачатки химической промышленности, которые мы имели до Февральской революции.

По окончании гражданской войны химическая промышленность, на ряду с развертыванием всего хозяйства СССР, обнаруживает относительно бурный рост *как в количественном, так и в качественном* отношении. В СССР начинается производство и химпродуктов, не имевшихся в довоенное время. В последние *годы СССР становится твердо на путь* развития химпромышленности.

Валовая продукция химической промышленности на 1926—27 г. намечена *в размере* 384 млн. руб. против 86 млн. руб. в 1923—24 г., что составляет увеличение на 442 проц.

Несмотря, однако, на столь бурный рост химической промышленности, все же количество ее продукции не может удовлетворить всех потребностей нашего хозяйства. Значительная зависимость от иностранного сырья (каучук, цветные металлы) затрудняет правильное и быстрое развертывание химической промышленности.

Этому также в значительной степени мешает недостаточность наличного кадра инженерно-технических сил. Проблема воспроизводства квалифицированной силы в химической промышленности приобретает поэтому исключительное значение.

В заключение докладчик остановился на вопросе о расширении производства и сбыта минеральных удобрений. Химификация сельского хозяйства *является* базой дальнейшего развертывания химпромышленности, а, следовательно, и обеспечения обороны СССР. Но это дело не *может быть решено усилиями самой* химпромышленности, к нему необходимо привлечь внимание всей советской общественности. Недооценка значения этой *проблемы* не только помешает правильному развитию хозяйства всего Советского Союза, но поставит под удар организацию обороны страны. Не следует ведь забывать, что в случае военного столкновения, которое безусловно примет в нынешних условиях характер химической войны, мы не можем рассчитывать на получение помощи извне. Поэтому оружие для защиты рабоче-крестьянского государства пролетариат СССР должен выковать у себя дома. Последнее тем более возможно, что сырьевые богатства Союза весьма велики.

— Необходимо торопиться,—закончил *докладчик,—с разрешением нашей химической* промышленности.

ДОКЛАД ТОВ. ФИШМАНА.

С докладом о воздушно-химической *обороне* СССР и роли Авиахима выступил начальник военно-химического управления снабжения РККА тов. Я. М. Фишман.

— Америка и Европа,—сказал он,—*имеют отличную химическую промышленность,* быстро растущую за последние 12 лет. Нет сомнения, что в будущей войне возможная буржуазная коалиция против СССР будет применять химические средства нападения в самых широких масштабах. Поэтому, учитывая характер будущей войны, СССР должен готовиться к химической обороне. Необходимо уделить максимум средств на развитие нашей химической промышленности. Для этого ее нужно связать с нуждами нашего сельского хозяйства. Авиахим должен вести работу по борьбе с вредителями и по применению искусственных удобрений.

Нужно также подготовить гражданское население к будущей войне. Для этого надо создавать добровольно авиационно-химические команды, обеспечить население дешевыми противогазами, создать кадр подготовленных врачей и т. д.

После т. Фишмана с'езд заслушал доклад нач. военно-воздушных сил СССР тов. **П. И. Баранова** об итогах и перспективах *авиационного строительства* СССР.

С'езд послал приветственные телеграммы заслуженным летчикам тт. Моисееву и Копылову, совершающим большие агитполеты по СССР.

С'езд постановил наградить грамотами и значками и утвердить активистами Авиахима всех работников, принимавших активное участие в создании 1-го всесоюзного Аэрохимического музея.

Выступивший по поручению ряда делегаций т. Веселков отметил большие заслуги т. С. С. Каменева в области укрепления Авиахима, в частности активную работу его во время больших советских перелетов, авиолотереи и пр. и предложил утвердить т. С. С. Каменева активистом общества, наградить грамотой и почетным значком. Предложение это принято.

ВЕЧЕРНЕЕ ЗАСЕДАНИЕ.

С приветствием от имени Академии Наук СССР выступил акад. Ферсман, встреченный продолжительными аплодисментами.

Затем тов. З. И. Соловьев сделал доклад о санитарной авиации в Советском Союзе.

ЦИК И СОВНАРКОМ СССР ОБ ОБЕСПЕЧЕНИИ СЕМЕЙ КРАСНОАРМЕЙЦЕВ.

Центральный Исполнительный Комитет и Совет Народных Комиссаров СССР постановили: принять на социальное обеспечение членов семей граждан, пользующихся *льготами по семейно-имущественному положению* и призванных в ряды Красной армии. На социальное обеспечение принимаются следующие члены семей: дети, братья и сестры, не достигшие 16-летнего возраста или нетрудоспособные, нетрудоспособные родители и супруга. Настоящее постановление распространяется на семьи военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава, отбывающих службу в кадровом составе Красной армии.

ЛИКВИДАЦИЯ ИНОГОРОДНИХ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВ.

В *дополнение к опубликованным уже* в «Правде» спискам 283 представительств, подлежащих ликвидации, согласно постановлению коллегии НК РКИ СССР, должны быть ликвидированы еще следующие представительства иногородних торгово-промышленных организаций в Москве: Дальмедторга, Сантонинтреста, казакского ЦСНХ, Казгосиздата, роменского ОВТОРК, минского трудколлектива, юрьевского трудколлектива, харьковского комитета по борьбе с безработицей, Таткожтреста, Татметаллтреста, Таттекстилькомбината, Татлестреста, Татторга, Татгосиздата, маловаренного завода им. Вахитова, Узбеккомпома, узб. инв. коопер. об'единения, Узбекгосиздата, Киевской табачной фабрики, Укрбумтреста, Узб. управления водхозяйства, кооперативного издательства «Современник», издательства «Северный Печатник», кооперативного издательства «Бакинский Рабочий», Белорусской чулочно-трикотажной фабрики, Белорусской фабрики «Двина», Белорусской очковой фабрики, шуйского уика, галичского уика, Уралзолота, Уралмеди, Уралсельмаша, Нижстроя, Белмедторга, Лесбела, Белорусгосиздата, Смоленского об'единения полиграфической промышленности, Пермькнига, Воронежского аптекоуправления, курского ГУМ, Усть-Медведицкого окрторга, «Червона Зброя», Дальрыбтреста, Ленинградского красочного треста, Донской государственной табачной фабрики, Владлеспромтопа, Тюменского бродильного треста, Тюменского *коммунального* треста, Тюменского промкомбината, Свердловского Леспромтреста, Свердловского коммунального треста, Пермского коммунального треста, Пермлеса, Сарапульского Промкомбината, Ту*линской суконной фабрики,* тамбовского ГСНХ, завода «Свободный Сокол», Моршанской табачной фабрики, Пермсоли, товарищества «Белая Стрела», издательства ленинградского губсуда, Наркомзема Грузии, Татсоюза, *бугульминского райсоюза,* Таткустпромсоюза.

Всего, таким образом, ликвидировано 348 представительств.

ХРОНИКА.

◆ **Необходимо синдицировать бумажную промышленность.** Главлесбум ВСНХ СССР признал необходимым синдицировать бумажную промышленность путем организации всероссийского синдиката. Этот синдикат должен будет охватить всю трестированную и нормированную бумажную промышленность. Реализация продукции синдицированной промышленности должна на 100 проц. производиться, по мнению Главлесбума, синдикатом. Это даст возможность охватить весь бумажный рынок и устранить наблюдающиеся сейчас нездоровые явления.

◆ **123 тыс. руб.** ассигновано ЦК металлистов из культфонда на ремонт и расширение клубов и на снабжение их литературой.

◆ **Центральный кабинет печати.** Московский кабинет печати, работающий при Доме Печати, постановлением центр. совета и моск. бюро секции работников печати реорганизован в центральный кабинет печати 19 января состоялся первый пленум совета кабинета, выбравший правление из 7 чел. Работа кабинета будет протекать в трех секциях: теоретико-исследовательской, программно-методической и рецензентско-библиографической. Реорганизация кабинета преследует цели укрепить его работу и распространить ее на провинцию.

◆ **Зарплата московских текстильщиков,** после закончившегося перезаключения коллдоговоров, повысилась в среднем на 4 проц.

◆ **Вчера в 12 ч. из Москвы вылетел** в большой агитоблет по СССР самолет «Все в Авиахим» под управлением летчика т. Копылова и борт-механика т. Клочко.

◆ **Доклад т. В. И. Невского** на тему «Личные воспоминания о В. И. Ленине» состоится 22 января, в 8 ч. веч., в Доме ученых.

СПРАВОЧНЫЙ ОТДЕЛ.

Котировка фондового отдела при МТБ

20 января.

К концу биржи оставалось	Продавцы.	Покупат.	Справ. цены.
1-й 6% заем за обл. в 5 р., вкл. тек. куп.	4 р. 22½ к.	4 р. 20½ к.	—
2-й 6% заем за обл. в 5 р., вкл. тек. куп.	4 р. 95½ к.	4 р. 93½ к.	—
2-й кр. заем за обл. в 5 р.	5 р. 10½ к.	5 р. 07½ к.	—
В. з. 1926 г. (за обл. в 100 р.)	101 р. 30 к.	100 р. 30 к.	—
Пл. об. 6-м. ср. 1/II 27 г.	102 р. 70 к.	102 р. 50 к.	—
То же „ „ 1/III 27 г.	101 р. 70 к.	101 р. 50 к.	—
То же „ „ 1/IV 27 г.	100 р. 70 к.	100 р. 50 к.	—
То же „ „ 1/V 27 г.	99 р. 70 к.	99 р. 50 к.	—
То же „ „ 1/VI 27 г.	98 р. 70 к.	98 р. 50 к.	—
То же „ „ 1/VII 27 г.	97 р. 70 к.	97 р. 50 к.	—
Фунты ст. нал.	9 р. 45 к.	9 р. 42 к.	9 р. 44 к.
То же чеки загран.	9 р. 44 к.	9 р. 41 к.	—
Долл. С. Ш. нал.	1 р. 94¾ к.	1 р. 94 к.	1 р. 94½ к.
То же чеки загран.	1 р. 94¼ к.	1 р. 93½ к.	—
Франки фр. за 100	—	—	7 р. 64 к.
Кроны чш. за 100	—	—	51 р. 79 к.
Марки герм. за 100	—	—	46 р. 14 к.
Марки фин. за 100	—	—	4 р. 87 к.
Марки эст. за 100	52,35 к.	51,65 к.	— 52 к.
Лиры итал. за 100	—	—	8 р. 34 к.
Гульдены голл. за 100	—	—	77 р. 50 к.
Сд. крупн. плат. обяз. ср. 1/V	—	—	99 р. 50 к.
„ „ 1-й 6% в. з.	—	—	4 р. 20½ к.
„ „ 2-й крест. в. з.	—	—	5 р. 10 к.
Сд. мелк. 2-й крест. в. з.	—	—	5 р. 10 к.
„ „ 1-й 6% в. з.	—	—	4 р. 20½ к.
„ „ 2-й 6% в. з.	—	—	4 р. 93½ к.
„ „ в. заем. 1926 г.	—	—	100 р. 80 к.

На бирже труда.

СПРОС НА РАБОЧУЮ СИЛУ.

Моск. биржа труда извещает безработных, состоящих на ее учете, что сегодня требуются: **секции металл.:** 1 лудильщ., 5 кочег., 6 электро-монтеров, 1 разметчик, 1 машинист, 2 водопроводч., 1 обрубщик, 1 токарь, 1 фрезеровщик, 2 строгальщ., 1 кузнец, 1 слесарь штамповщик, 1 механик кассовых аппаратов, 1 револьверщ., 1 автоген. сварщик, 1 сверловщ. **Секция совторгслуж.:** 2 бухг., 1 пом. бухг., 8 счет. (1—знающий англ., нем., франц.), 1 калькулят., знающ. англ., нем., франц., 1 кассирша, 1 стат., знающий страхдело, стаж 3 года, 6 машин. (1—делопроизв.), 2 продавца булок, 1—посуды, 4—мяса, 3—хлеба, 1—маринадов, 1—радиотехническ. и оптическ. принадл., 4—книг, 3 упаковщика литерат., 6 отборщ. книг. Явка, Рогожск.-Сим. биржа—женщины от М до П. Красн.-Пресн.—женщины на букву К. Нарпит—судомойки, швейники-шапошники, картузники, модистки, скорняки, пастильщицы, перчаточники, подтяжечники, абажурщ., конфекционеры, галстучницы, стегальщицы, корсетницы, вырезальщицы и складальщицы шитья. **Коммунальники**—пожарники, вагоновожатые, фонарщики, трубочисты, надзиратели, управдомы, смотрители зданий и складов, дворники, лифтеры, полотеры, истопники. Секция тех. сил.—механики, электрики, автотехники.

Радиопередача.

О-во «Радиопередача» (ст. им. Коминтерна). 4 ч.—«Радиопионер». 5 ч. 20 м.—Рабочая радиогазета. 6 ч. 50 м.—Трансляция траурного заседания, посвященного памяти В. И. Ленина. 11 ч. 55 м.—Бой часов с Кремлевской башни.

Ст. МГСПС (через ст. совторгслужащих) и по проволочной сети в рабочие клубы. 5 ч. 30 м.—Информация губотдела медсантруда. 6 ч.—Беседа Дома Крестьянина: «Воспоминания крестьян о В. И. Ленине». 6 ч. 30 м.—Лекция Авиахима: «Мосавиахим в борьбе с *грызунами и домашними животными*». 7 ч.—Трансляция траурного заседания, посвященного памяти В. И. Ленина.

СТ. профсоюза совторгслужащих. 9 ч. 30 м. и 8 ч.—Передача информации для месткомов.

Разные.

— **22 января московский почтамт и все городские** почт.-тел. отделения будут закрыты. Доставка корреспонденции будет производиться.

— **Центральный дом работников искусств** (ул. Герцена, 19). Сегодня, в 7½ ч. веч., открытие выставки «Ленин в произведениях изобразительного искусства», в 8½ ч.—пятница: воспоминания художников о В. И. Ленине и концерт. Выставка будет открыта до 1 февраля ежедневно от 1 ч. д. до 2 ч. н.

— **Третьяковская галлерея 22 января** будет закрыта.

— **Дом Печати.** Дискуссия на тему о толстом советском журнале. Вступительное слово В. П. Полонского. Начало в 8 ч. веч. Вход по спец. билетам.

— **Продолжение 2-й общегородской конференции рабочих-изобретателей** и представителей инж.-техн. сил и интересующихся вопросами изобретательства состоится 23 января, в 11 час. утра.

ИЗВЕЩЕНИЯ.

Правление Северных железных дорог и ячейка ВКП(б) со скорбью извещают о безвременной утрате помощника начальника *отдела сборов,* члена ВКП(б)

ДОНСКОГО, Николая Львовича,

последовавшей 20 января от разрыва сердца.

День похорон будет об'явлен в правлении (Рязанская, 12).

Клуб красных директоров им. М. И. Ульяновой извещает, что фракция секции химиков-кожевников, созванная на 21 января, отменяется и переносится на понедельник, 24 января, в 6 час. вечера.

Агитпроп ЦК ВКП(б) сообщает всем парторганизациям, что им 18 января по почте отправлена литература по следующей разверстке: губкомам и приравненным к губкомам—11 названий; укомам и райкомам—4 названия; нац. орг. автономных республик и областей (дополнительно) 1 название.

ЦКК вызывает члена ВКП(б), п/б. № 202218, тов. Юрьева, Н. М., к следователю тов. Крылову. Ильинка, 21, 3-й эт., комн. 314, от 9 до 15 час. ежедневно.

АПО МК ВКП(б) и МК ВЛКСМ созывают 24 января, в 6 ч. веч., в пом. МК ВКП(б), 4-й эт., комн. 65, совещание руководов комсомольских семинаров-пропагандистов.

МКК вызывает в партколлегию (Рождественск. бул., 12) к тов. Литягину тов. Тонышина, Дмитрия Ивановича; к тов. Калнберзу—тов. Сору-Чан, Кирилла Степановича, и Летникова, Ивана Васильевича; к тов. Козюлиной—следующих тт.: Дешина, п/б. № 933206, и Байриша.

ПАРТИЙНЫЕ

Кр.-Пресн. р. 21 января оргаспред созыв. секретарей яч. и секретарей фракций фабкомов: группы т. Кербицкого в райк. комн. 21, в 2 ч., группы инстр. Коншина в столов. райк. в 9 ч. утра, группы инстр. Гладштейн на ф-ке «Пролетарский Труд» (Вятская, 27) в 10 ч. утра; 24 января созыв.: группы инстр. И. Иванова в райк. комн. 21, в 10 ч. утра, группы инстр. Иванова част. предпр. в райк. комн. 21, в 4 ч., жел.-дор. группы в райк. комн. 21, в 1 ч. дня, группы инстр. Ушаренко в столовой райк. в 10 ч. утра; 24 января созыв. базовые делег. собр. работниц след. пунктов: 1) Кр. зал райсов. (5-я Тверская-Ямская, 3) в 8 ч., 2) клуб ф-ки «Оборона» (Сущевская, 27) в 5½ ч. веч., 3) клуб МИИТ (Бахметьевская, 15) в 5½ ч., клуб «Кр. Пресня» (Пресн. заст., 48) в 4½ ч., кл. «Электролампа» (Кудринский пер., д. 10) в 4 ч., клуб ф-ки № 3 «Москвошвей» (Новослободская ул., уг. Палихи) в 4 ч., 1-я группа химиков (М. Бронная, д. 27) в 5 ч., *кл. «Красный Мак»* (Тверская, 48) в 5 ч. Самостоятельные делег. собр. проходят в назнач. дни местными организациями.

Сокольн. р. 24 января, в 6 ч., в театре «Тиволи» сост. собр. фракции фабзавместкомов. Билеты в оргаспреде РК, в 5 ч. в арит. зале райк. сост. собр. фракции добровольных обществ. Билеты в оргаспреде райк.

Хамовн. р. 21 января, в 5 ч., в ком. аудит. сост. собр. партактива ячейки ВКП(б) 1-го МГУ. **Агитотдел,** 21 января, в 4 ч., в пом. райк. засед. *методбюро вузовского партпросвещения.* Явка всех агитпропов вузов обяз. 22 января, в 5 ч., собр. руковод. кружков текущей политики, за исключением вузовских кружков. Явка всех обяз.

Зам. р. Агитпроп сообщ., что 21 января, в 6 ч., комн. 19, сост. собр. руков. 1-й ступ. текстильн., *кожев., швейн., деревообделочн.,* пищев., коммун., химич. предприятий, милиции и больницы (рук. пропкол. Верещ.). ВЛКСМ, 21 января, в 6 ч., в Ц. Д. (Кузнецкая, 40) сост. семинарий комсом. политшкол I и II ступ. Явка обяз.

Хамовн. р. МОПР, 21 января, в 6 ч., засед. ревиз. *ком. Занятия курсов секретарей с 22* января переносятся на 28 января, в 6 ч. веч.

Главлит 21.185. Москва. Центральная газетная типография «Красный Маяк», Тверская, 48.